

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

БЕМБЕЕВ Евгений Владимирович

**Лингвистическое описание памятника
старокалмыцкой (ойратской) письменности: *«Сказание
о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского
Бааза-багши».***

**Специальность: 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(монгольские языки, калмыцкий язык)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор ПЮРБЕЕВ Г.Ц.**

Москва 2004

ВВЕДЕНИЕ 4

- §1. Особенности жанра путешествия в калмыцкой литературе..8-15**
- §2. Биография и духовная деятельность Бааза – багши15-19**
- § 3. Специфика исследуемого источника19-20**

ГЛАВА I. ФОНЕТИКА. Графо-фонетический анализ памятника21-22

- §1. Графемы-гласные..... 22**
 - 1.1 *Гласные фонемы твердого ряда*23-26**
 - 1.2 *Гласные фонемы мягкого ряда*..... 26-28**
 - 1.3 *Гласные фонемы нейтрального ряда*..... 28**
 - 1.4 *К вопросу о неясных гласных и об исторических изменениях долгих гласных*28-31**
- §2. Графемы-согласные32-37**
- Выводы37-38**

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЯ. Общие замечания39

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ39

- §1. Категория числа40-42**
- §2. Простое склонение43-60**
- §3. Двойное склонение61**
- §4. Притяжательное склонение61-62**

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ63-65

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ66-70

МЕСТОИМЕНИЕ71-76

ГЛАГОЛ77

- § 1. Категория залога77-82**

- § 2. Категория наклонения83**

***А. Изъявительное наклонение*83-89**

<i>Б. Повелительное наклонение</i>	89-90
<i>В. Желательное наклонение</i>	90-91
<i>Г. Предостерегательное наклонение</i>	92
§ 3. Причастные формы	92
<i>А. Причастия будущего времени</i>	93-94
<i>Б. Причастие прошедшего времени</i>	94-95
<i>В. Причастие настоящего времени</i>	95
<i>Г. Причастие однократное</i>	95-96
<i>Д. Причастие многократное</i>	96-97
§ 4. Деепричастные формы	97
<i>А. Сопутствующие деепричастия</i>	97-100
<i>Б. Обстоятельственные деепричастия</i> ...	100-103
НАРЕЧИЕ	104-106
ПОСЛЕЛОГИ	107-110
ЧАСТИЦЫ	111-114
ВЫВОДЫ	114-116
ГЛАВА III. ЛЕКСИКА	117-118
I. <i>Общепотребительная лексика</i>	118-120
II. <i>«Географическая» лексика</i>	120-123
III. <i>Религиозно-буддийская лексика</i>	123-125
IV. <i>Русские заимствования в тексте памятника</i>	125-128
ВЫВОДЫ	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128-132
БИБЛИОГРАФИЯ	133-142
ПРИЛОЖЕНИЯ	
I. Индекс словоформ +46 стр.	
II. Латинская транслитерация текста памятника +120стр.	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Как известно, история языка состоит из двух основных дисциплин: исторической грамматики и истории литературного языка. Первая из них, имеющая условное название, включает в себя и историческую фонетику с морфологией и синтаксисом и историческую лексикологию с рядом специальных дисциплин (этимология, семасиология и т.д.). Вторая рассматривает эволюцию письменно-литературного языка, начиная с первых попыток применения письменности, через этапы развития старописьменного (книжного) языка разных эпох, вплоть до сложения современного литературного языка в его общенародно-разговорной и письменно-литературной формах существования. Для исследования проблем исторической грамматики основными источниками являются письменно-литературные памятники разных эпох и периодов, разных жанров и стилей, а также источники народно-разговорного статуса и характера.

В современной монголистике лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений. В связи с этим Г.Д. Санжеев отмечал: «...последующая работа в области монгольского сравнительного и исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков, во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников» [Санжеев, 1963, с. 3-4].

Углубленное изучение калмыцкого языка в диахроническом аспекте предполагает, в недалеком будущем, создание фундаментальных работ по исторической грамматике и истории литературного калмыцкого языка. Для этого хорошей предпосылкой являются исследования ученых, вышедшие за последнее десятилетие [Яхонтова, 1996; Бадмаев, 2001; Асирова, 2002; Сусеева, 2003].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена исключительной важностью расширения аспектов изучения старокалмыцких (ойратских) письменных памятников и необходимостью их углубленного лингвистического анализа.

Цель и задачи исследования. Целью работы является монографическое исследование языка старокалмыцкого (ойратского) письменного памятника 19 века - «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши», который до настоящего времени не был предметом специального изучения, и определения его места в письменной традиции монгольских народов.

Исходя из указанной цели, в диссертации ставились конкретные задачи:

-охарактеризовать особенности жанра путешествия в калмыцкой литературе и показать специфику исследуемого источника;

-изучить на основе анализа графем-гласных и согласных графо-фонетическую структуру памятника;

-дать полное описание его грамматического строя;

-выделить соответствующие части речи (знаменательные и служебные) и проанализировать их в категориальном и функционально-семантическом отношении;

-сопоставить выявленные в языке изучаемого памятника грамматические формы и их значения с данными современного калмыцкого языка и частично с показаниями памятников ойратской письменности 17-18 веков;

-рассмотреть характер лексического состава памятника и установить основные тематические группы слов, в том числе и заимствования;

Материал исследования. Фактическим материалом для нашего исследования послужило фототипическое издание текста на старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг», который в 1897 году опубликовал с переводом и комментариями профессор Санкт-Петербургского университета А.М.

Позднеев под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши».

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в монголоведении предпринята попытка специального лингвистического исследования памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности, представляющий собой оригинальный жанр хождений в калмыцкой литературе. В связи с чем в научный оборот вводятся новые материалы, касающиеся особенностей калмыцкого языка определенного исторического периода – конца XIX века. Это дает возможность проследить фонетическое и грамматическое развитие старокалмыцкого (ойратского) письменного языка с момента его образования до современности, уточнить ранее бытовавшие в нем формы, установить линию их развития и преемственность, показать своеобразие лексико-семантических процессов и характер заимствований.

Методы исследования. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический, включая наблюдение, сопоставление, описание и обобщение.

Исследование материала диссертации основано на подходе к анализу языковых явлений с позиций теоретических и методологических положений общей лингвистики.

Теоретическая и практическая значимость проведенного диссертационного исследования состоит в том, что его научные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке проблем исторической грамматики, истории литературного калмыцкого языка и калмыцкой филологии в целом.

Кроме того, выводы и наблюдения автора, а также фактические данные могут быть использованы при сравнительно-историческом изучении языков и письменностей монгольских народов, в решении некоторых теоретических проблем монголоведения и алтаистики, в частности при периодизации истории языков алтайской общности, их генетической и типологической классификации, установлении этнокультурных связей и лингвистических

контактов народов Евразии.

Материалы диссертации найдут применение в калмыцкой лексикографии (в частности при составлении нового Калмыцко-русского словаря) и лексикологии, при разработке вузовских курсов лекций по данным дисциплинам.

Апробация работы. Основное содержание исследования отражено в материалах международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций: Молодежной научно-практической конференции (Элиста, 2002), Международной конференции «Монголоведение в новом тысячелетии», (Элиста, 2003), Конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Института языкознания РАН (Москва, 2003), Международной летней школы молодых монголоведов (Улан-Батор, 2004), Всероссийской научной конференции «Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов» (Улан-Удэ, 2004).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (140 названий) и двух приложений: индекса словоформ и латинской транслитерации фототипического издания текста памятника на «Тодо бичиг» (Ясном письме). Общий объем диссертации составляет 300 страниц.

§1. Особенности жанра путешествия в калмыцкой литературе

Издавна особое место в литературном процессе занимали произведения, являющиеся плодом наблюдений, размышлений и анализа увиденного в путешествиях по родной земле или за ее рубежами. Произведения этого жанра давали возможность автору непринужденно в увлекательной форме показать жизнь стран и народов, раскрыть важные проблемы современности. Мысленно совершая вместе с автором путешествие, читатель оценивает увиденное, услышанное самим путешественником.

В средневековой литературе монгольских народов подобные произведения также имели место, широко и разнообразно рассказывающие об «увиденном и услышанном» в дороге¹. Примечательно, что такие описания практически не известны собственно монгольской письменной словесности, но составляют один из немногих жанров оригинальной письменной литературы ойрат-калмыков и бурят. Бытует мнение о том, что ойрат-калмыцкая литература насчитывала значительное количество сочинений жанра хождений, но до настоящего времени их сохранилось очень мало². Эти произведения в основном содержат описание путешествий в Тибет и Монголию³.

Независимо от автора, в произведениях жанра путешествий, как жанра публицистики, наблюдаются свои общие и специфические особенности, подчеркнув которые, можно определить моменты, обуславливающие своеобразие жанра калмыцкой литературы. Попытку рассмотреть общие

¹ А.В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы. – Ученые записки КНИИЯЛИ, 1973. Выпуск XI.; Ц.А. Дугар-Нимаев. О жанре хождений в бурятской литературе 19 века. – В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974.; Б.Лауфер. Очерк монгольской литературы. Пер. В.А. Казакевича под ред. и с пред. Б.Я. Владимирцова, Л., 1927, стр. 51.

² А.В. Бадмаев. Указ. соч., стр. 33.

³ Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши., Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. Спб., 1897.; Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Перевод А.Д. Руднева. (ред. перевода, предисловие и примечания А.Г. Сазыкина). – В кн.: Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987., и в кн.: Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. Поездка в пределы Западной Монголии, совершенная в 1899 г. зайсангом Малодербетовского улуса Л. Арлуевым и его двумя спутниками. Спб., 1901.

черты жанра хождений, а также его национальное своеобразие мы предприняли, выбрав в качестве примера один из образцов подобного жанра, каковым является «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши», созданный в конце 19 века.

Отличительной чертой «путешествий», «хождений» от произведений других жанров является многоплановость собранного автором материала, широта и богатство которого и служат ему опорой для обобщений, выводов, сравнений.

Ни в одном другом жанре публицистической литературы не проявляется так очевидно индивидуальность героя-автора, как в путевых заметках. К примеру, А. Позднеев так характеризует Баазу-багши: «как живой стоит теперь перед нами этот калмык с его бесконечною верою в Будду и ламаистские святыни, с его поразительным благоговением перед хутухтами и подчинением всякого рода гэгэнам...»⁴. Герой с определенным складом мыслей, своим видением мира, взглядом на вещи обязателен в произведениях этого жанра.

Не менее важное требование к «путешествиям» это связь с современностью. Помочь увидеть картину пути, заставить читателя мыслить, рассуждать, а не только восхищаться новым, неизведанным призван автор-путешественник. Предметом изображения являются различные стороны действительности, явления, процессы, тенденции, события, проблемы прошлого и настоящего, - все, что характерно для региона, что увидел автор-путешественник, и на чем сосредоточил свое внимание. Последнее во многом зависело от сословной принадлежности автора, его целеустремленности, интересов, склонностей. Отсюда выбор фактов для анализа, акценты (на экономику, религию, политику и т.д.) в путешествии. По этому поводу справедливо высказывание А. Позднеева о том, что «Бааза-бакши пишет преимущественно о буддийских монастырях и кумирнях, о святых местах, мало уделяя внимание описаниям внешнего вида городов, степени их

⁴ См. А. Позднеев. Бааза-бакши, стр. XII-XIII

населенности, промышленном и торговом значении, ограничиваясь, порой, простой номенклатурой урочищ»⁵. Однако не следует относить это за счет только обыкновенного интереса, эти моменты были для них важными, событийными, как и многочисленные повествования о чудесах, гробницах святых и угодниках.

Для путешествия исключительное значение имеет маршрут. Его выбор зависит от многих причин объективного и субъективного характера, в том числе от авторской цели и задачи. Маршрутом объединяются разнородные элементы «путешествия» (репортажные эпизоды, встречи и беседы с людьми, исторический анализ, портретные зарисовки и т.д.), которые, будучи отобраны для произведения, предполагают использование в каждом случае особых приемов.

Жанр путешествий предполагает проявление личностных качеств автора, его индивидуальности, определяемой методом и предметом отображения. Путешествуя, автор через отбор фактов, их систематизацию идет к созданию целостной картины, очень мозаичной в своей основе, сложенной из отдельных кусочков-фактов. Путешествие, таким образом, выступает как обзор увиденных автором фактов, как результат, их отбора, а из этих путевых наблюдений вырастает вывод, представляющий общественную значимость. Например, Бааза-багши очень подробно описывает свое путешествие с берегов Волги до Тибета по сравнению с обратной дорогой, о которой он пишет очень кратко, справедливо замечая, что «всякий человек после того, как сумел дойти (до Тибета), не будет иметь трудностей в возможности возвратиться назад»⁶.

Из вышесказанного можно выделить основные общие черты характерные жанру путешествий: а) автор-герой, с определенным складом мыслей, своим видением мира; б) многоплановость собранного автором материала; в) связь с современностью; г) маршрут путешествия. Но, при одинаково общем принципе построения произведений в жанре путевых

⁵ Там же, стр. XII-XIII

⁶ А.В. Бадмаев. Указ. соч., стр. 46.

записей, в каждом из них есть свое, авторское строение, определяющееся национально-конфессиональными особенностями, художественной выразительностью и индивидуальной манерой писателя.

Обосновавшись на берегах Волги, калмыки никогда не прекращали поддерживать связь с Тибетом и духовным главой буддистов Далай-ламой, а некоторые калмыцкие правители получали от него ханский титул, печати и грамоты с соизволением посещать страну и представляться Его Святейшеству. Совершая путешествие на Восток, они преследовали различные цели – ознакомление с политическим, экономическим укладом народов, исторически связанных с жизнью калмыцкого народа, получение духовного образования, но все же главной целью было добраться до столицы Тибета Лхасы (по-калмыцки Зуу) и получить аудиенцию Далай-ламы. Возможно поэтому сначала паломников, а потом и путешественников вообще, стали называть «зуульчи».

Ярчайшим образцом описания путешествия в калмыцкой литературе является «Хождение» Малодербетовского Бааза-багши. Как отмечает А.В. Бадмаев «Бааза Менкеджуев не пытался составить ни подробный отчет о своем путешествии, ни написать художественное произведение, но мысль, заставившая покинуть пределы родного нутука, вынудила взяться за перо, чтобы по мере «возможности доставить пользы благочестивым людям, вознамерившимся посетить Тибет»⁷.

Условно, в хождении можно выделить три части: вступительную, основную и заключительную.

Во вступительной части говорится о причинах, побудивших предпринять столь длительное путешествие, о целях, которые Бааза-багши поставил перед собой, и о содействии некоторых владетельных Малодербетовских нойонов, субсидировавших паломничество в страну «снежных гор».

Сам он об этом пишет так: «...*Ödöge bi, baɣa dörböd nutuɣai, Dundu*

⁷ А.В. Бадмаев. Указ. соч., стр. 38-39.

qurulai Ba:za gelüing, de:reki tuužiyin yarulyan bolon, Lungdun üzegsen, uridu yamaran kebe:r bara:lqaži yabugsan tootuyigi amana sonosobur bolon, yol işi:se čigi üzeži, odoo čigi kürči bara:lqaži bolqu bolbuu geži, uralan olan žile sedkilde:n sanaži yabugsan bile:bi...»⁸ - «...ныне я, Бааза-гелюнг Дунду хурула Малодербетовского улуса, прочитав вышеуказанные сказания и наставления, а также собрав сведения, как из устных рассказов, так и из священных книг обо всем том, каким образом раньше представлялись (Далай-ламе), еще за много лет раньше в душе своей предполагал, что и в настоящее время, пожалуй, можно дойти (до Тибета) и представиться (Далай-ламе)». Зачин, в котором приводились причины побудившие предпринять паломничество, был традиционен для произведений подобного жанра.

К основной части мы относим, непосредственно, описание самого путешествия, которое Бааза-багши предпринял вместе со своими спутниками - манджи Лиджи Идеруновым и калмыком-простолюдином Дорджи Улановым. В своем сочинении Бааза-багши уделяет внимание, преимущественно, культовым буддийским местам и обрядам – монастырям, кумирням, церемониям подношений и т.д., и лишь изредка сообщая подробности об отдельных городах, о народонаселении и необычных явлениях, заинтересовавших его во время пути. Передвигаясь в пределах России он просто фиксирует: «*21 öriiün 7 caslai Tümen gedeg balγasun-du irebe bide*»⁹ – «21 числа в 7 часов утра прибыли в город Тюмень». Информационно, Бааза-багши рассказывает об алашанских элэтах, сообщая много интересных сведений этнографического, исторического и хозяйственно-бытового плана. В частности, характеризуя их хозяйственную деятельность, он замечает: «*Usun qobur, teme:n mala:r teže:l kedeg ulus žigen. Zuun teme: sa:dag küiün čigi bayinai gene. Teme:ge:n sa:γa:d čige:n ke:d ariki ne:re:d bayidag ulus žigen*»¹⁰ - «Воды мало, поэтому в основном содержат верблюдов. Говорят, что есть хозяева, которые доят до 100 верблюдов. Доя верблюдов, делают кумыс, и

⁸ См. А. Позднеев. Бааза-бакши, стр. 1-2.

⁹ Там же, стр. 4.

¹⁰ Там же, стр. 19.

гонят водку».

Наиболее подробно и эмоционально Бааза-багши пишет о Тибете, тибетцах, их обычаях и нравах, о Лхасе, о главных монастырях и святынях, приводя при этом различные легенды и сказания. «*Zuugiyin Lqasa-du asaḡani üdeyin cagtu kürči, kümüni bayariyin de:düyiki olboi*»¹¹ - «К вечеру, достигнув Лхасы, получили высшую из человеческих радостей», так лаконично автор описывает свои чувства, переполнявшие его по приезду к назначенной цели. Примечательно, например, его сообщение о дереве боди¹², выросшем на месте рождения великого реформатора Зунква-гэгэна.

Особое место в повествовании занимает описание церемонии поклонения Далай-ламе, «*...temdegtei nige buyan üyiledkü zübtei geži..., mingyan langgiyin bodoltai yuuman küce:ge:d ene noḡai sarayin 9-dü Gegen-dü Dangšigiin mandal örgöbe biden*»¹³ - «...сказав, что хотели бы совершить отменную добродетель..., 9-го числа этого месяца собаки преподнесли Гэгэну Даншгийн мандал в 1000 лан». Не менее выразительны его описания посещения великих монастырей Галдан, Брайбун, Сэра, озера Окон-тенгри, типографии в монастыре Нартран-киид, встречи с Шачжа-панчен, главой древней, когда-то могущественной секты Сакья.

Исполнив все свои намерения, посетив Тибет, получив благословение у Далай-ламы, у Панчен-гэгэна, посетив все «великое и высокое», Бааза-багши вместе со своим спутником отправился в обратный путь, о котором пишет очень кратко. Если по пути в Тибет он проехал почти через всю Сибирь, то домой он возвращался через северный Китай, Пекин и затем морем вокруг Индии в Одессу.

Анализируя произведение с точки зрения композиционного строения материала, необходимо подчеркнуть, что помимо сообщений о реальных географических пунктах, попадавшихся на пути, выделяются группы кратких сведений, непосредственно привязанных к этим местам, а также лирические

¹¹ Там же, стр. 72.

¹² Там же, стр. 29.

¹³ Там же, стр. 83.

отступления в виде развернутых рассказов, легенд, сказаний, почерпнутые из устных или письменных источников.

В заключение своего сочинения автор пишет о причинах, побудивших его взяться за написание «маленькой книжки», «...*yabugsan yabudala:n bide qoyor selbeži biči:d, olan-du tara:qulaa, basa yabuži üzekü sana:tai ulus bayiqulaa, selbeg bolqu gekü sana:tai bilei biden*»¹⁴ – «...были намерения, при взаимной помощи, составить описание путешествия, чтобы по возможности оказать пользу всем тем, кто вознамерится посетить Тибет».

Важно отметить также тот факт, что в заключительной части прослеживаются традиционные для ойрат-калмыцкой литературы признаки, обусловленные наличием колофона-благопожелания, указанием имени автора и времени создания сочинения. «*Öündü mini ülegsen dutugsan endöürügsen bayiqula:, ken üzegsen bügüde külincegtün*»¹⁵ – «Если есть что лишнее, ошибочное или упущенное, каждый, кто прочтет, простите!» , «*Burqani abural buuži, Bogdo qa:ni ölmöi batudan bügüde amitan amuγulang edlen, buyantai sedkil törökü boltuγai*»¹⁶ - «Да снизойдет спасение Будды, да утвердятся стопы Великого Императора, да насладятся спокойствием все живые существа и да возродится дух добродетели!»

Традиция написания колофонов (послесловие) была заложена выдающимся политическим и религиозным деятелем монголоязычного мира Огторгуйин Далай Зая-Пандитой. По завершении перевода очередного буддийского трактата или сутры, он сочинял в стихотворной форме послесловие, в котором указывал истинное название священной книги, имя переводчика, писцов, где, когда и по чьей просьбе был сделан перевод. К примеру, «*эндл, алдас болхла, энрхин үүднэс күлцн, эндүрл уга ухатн эйетж ясж сойорхтн. Эн буяр эрднь шажн өргжн делгрж, эк эмтнэ эрл хаңһаж, ик амулңиг олх болтха!*»¹⁷ - «Если есть ошибки или упущения, из сострадания простите, и

¹⁴ Там же, стр. 119.

¹⁵ Там же, стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ Лунный свет. Памятники калмыцкой литературы. 13 – начало 20 века. Составление, перевод, предисловия к текстам, словарь А.В. Бадмаева. – Элиста, 1991. Стр. 172.

своим безошибочным умом исправьте. Этой добродетелью пусть еще больше распространится драгоценная вера, пусть удовлетворятся просьбы всех живых существ и пусть обретут (они) великую святость!»

Не являясь художественным произведением в подлинном смысле слова, но, сочетая передачу искренних личных впечатлений с живым, ярким фактическим материалом, сочинение Бааза Менкеджуева читалось с большим интересом калмыками, знакомя их с неизвестными странами и народами. Своеобразие содержания памятника теснейшим образом связано с языком как одним из важнейших элементов стиля. По этому поводу А.М. Позднеев точно заметил, что труд этот «представляет собой прекрасный пример живого языка современной калмыцкой литературы, так как написан он искренне и правдиво хорошим литературным языком»¹⁸.

Анализ произведения показывает, что своеобразие жанра хождений калмыцкой литературы связано с особенностями мастерства автора, с манерой повествования, со стилем изложения, с той формой, которая избирается им для наиболее полного претворения замысла, а также с традициями композиционного строения, которые закладывались и оттачивались на протяжении всего литературного процесса.

§2. Биография и духовная деятельность Бааза-багши

Жизнь и деятельность Бааза-багши остаются до сих пор малоизученными. В калмыковедной литературе его обычно представляют как путешественника, совершившего путешествие в центр ламаистов всего мира и составившего после этого краткое описание своего паломничества.

Однако есть немало оснований считать, что такое толкование роли Бааза-багши в истории калмыцкого народа не совсем соответствует действительности. Более того, в народной памяти он остался, прежде всего, как выдающийся представитель калмыцкого духовенства, ревностно

¹⁸ См. А. Позднеев. Бааза-бакши, стр. XV.

проповедовавшего учение Будды, а также как известный для своего времени общественный деятель. Но следует отметить, что об этом мы можем судить только по его делам, ибо пока нам не известны его устные или письменные выступления по проблемам общественной жизни того времени.

Бааза Менкеджуев родился в 1846 году в Малодербетовском улусе¹⁹ в семье калмыка Дундухурульского аймака²⁰. В роду его не было зайсангов и нойонов, но несколько представителей его семьи занимали видное положение в Дундухурульском монастыре, поэтому фамилия его пользовалась большим уважением у его малодербетовских сородичей и калмыков вообще. Его дед, Джалцан-багши был весьма почитаемым настоятелем монастыря, а дядя Бальчир-багши настолько славился своей ученостью, что послушать его толкования и проповеди приезжали хуvaraки (духовные лица) из других улусов. Нам известно, что Дунду-хурул²¹ был центром зурачей-живописцев, алтари которого были украшены расписными столиками - «ширя».

В 7-летнем возрасте Бааза был определен в родовой монастырь, где получил первую монашескую степень «манджи». Пытливый и любознательный, он очень скоро успел приобрести знания в различных областях буддийской догматики и обрядов, а в юношеские годы изучал секреты тибетской медицины под руководством известного эмчи Джамцогелюнга. Родственные отношения позволяли Баазе пользоваться сокровищами библиотеки Дунду-хурула, и он с рвением прочитал все хранящиеся в ней сочинения: исторические памятники, разнообразного рода письма, религиозно-буддийские произведения. Здесь он ознакомился с документами, свидетельствующими о связи калмыков с Тибетом, а также впервые увидел грамоту Далай-ламы VII (1708 - 1757 гг.), выданную калмыкам в период посольства Галдан-Церена в 1756 году. После этого мысль о возможности посетить святыни Тибета и поклониться Главе

¹⁹ Административно-территориальная единица

²⁰ Административно-территориальная единица

²¹ Название монастыря

буддистов не давала ему покоя.

В 1879 году Бааза получил официальное свидетельство на звание «манджи», в 1895 году стал гелюнгом²² и багши²³ Дунду-хурула.

Его светское имя было Бадма, ласкательным же именем Бааза его называли в детстве родители и родственники, и с тех пор это имя утвердилось за ним на всю жизнь, а монашеское имя Лобсан-Шараб почти не было известно. Примечательно, что в конце своего произведения он подписывается именем «Бааза Менкеджуев», которое имеет наибольшее распространение в народе.

Осуществление своей главной мечты - паломничество в далекий и малоизвестный Тибет - Бааза-багши предпринял в июле 1891 года вместе со своими спутниками (манджи Лиджи Идэруновым и калмыком-простолудином Дорджи Улановым). Огромная материальная и финансовая помощь в этом нелегком предприятии была оказана им владельческим нойоном Малодербетовского улуса Церен-Давидом Тундутовым²⁴, который не только субсидировал, но устроил пышные проводы, а затем и встречу паломников.

Проведя более 2 лет в пути, 26 июля 1892 года Бааза-багши достиг Лхасы и, поклонившись многим святыням, получил благословение самого Далай-ламы. В августе 1893 года возвратившись в Дунду-хурул, он, по прошествии некоторого времени, написал книгу о своем далеком странствии. Свое сочинение он завершает следующими словами: «Да низойдет спасение Будды, да наслаются все одушевленные существа спокойствием, да возродится дух добродетели²⁵». Правдивый рассказ о совершенном паломничестве в Тибет вызвал огромный интерес не только среди калмыков, но и в научной среде. Рукопись, как только она была закончена, была приобретена профессором Позднеевым А.М., который ее опубликовал. Несомненно, посещение Б.Менкеджуевым Тибета сделало его известным и

²² третья степень буддийского монашества

²³ степень буддийского монашества

²⁴ представитель одного из княжеских калмыцких родов

²⁵ См. А. Позднеев. Бааза-багши, стр. 119.

уважаемым человеком. В своей духовной карьере он достиг ранга старшего багши – «ах багши», что давало ему право управлять всеми хурулами Маладербетовского улуса, общее количество которых было 41.

Бааза-багши активно участвует в общественной жизни. В «Отчете Русского географического общества за 1903 год» он называется членом - сотрудником. Там же указывается, что его сказания «кроме интереса, вызываемого простым описанием пройденных мест, имеют еще и то значение, что они являются для европейцев первым образцом описательных калмыцких произведений и представляют собою прекрасный пример живого языка современной калмыцкой литературы²⁶».

Бааза-багши активно принимал участие в выставке «Исторические и современные костюмы», которая проходила в 1902 году в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. Туда им были отправлены личные вещи: шапка гевко, халат гевко, кумачовый пояс «оркомджи», танка Бурхан-багши, молитвенник «Дорджи Джодва» (Алмазная сутра). После окончания выставки многие свои экспонаты он пожертвовал Русскому музею, за что был награжден серебряной медалью «За усердие».

Бааза-багши встречался с видными учеными. Так, несколько раз в гостях у него был известный востоковед Г.Рамstedт, посетивший Калмыкию с научной целью.

Существуют сведения о том, что Бааза-багши со своими ближайшими соратниками в 1900 году провел соборное совещание калмыцких багши и гелюнгов в летней ставке Дунду-хурула, в урочище Уманцы. Видимо, предвидя катастрофу калмыцкого народа, а также с целью предотвращения разделения улусов, он выдвинул программу по «Объединению Хурульного пространства» в кочевьях всех калмыков²⁷. Это предполагало строительство в местности под названием «Оран булг» хурульного комплекса, с обязательным высшим учебным заведением «Чооря». А также постепенное

²⁶ Отчет императорского Русского географического общества за 1903 год, СПб., 1904, с. 7.

²⁷ Запись сделана со слов информанта Окаджиева Ц.Э., жителя п. Большой Царын, Калмыкия, 2002.

превращение этого места в центр всех «бага дербетов²⁸». Данная территория простиралась от «Оран булг» до с. Аксай на западе и в сторону современного Красноармейского района Волгоградской области, где в то время находилась ставка князя Церен-Давида Тундутова. Но задуманному не удалось осуществиться. После того как уже были предприняты первые шаги по освоению данной местности, на общем собрании 41 хурула, оппоненты, мотивируя тем, что «Оран булг» находится на краю калмыцких кочевий, высказались против его программы объединения. Для него это было большим ударом, рушилась цель всей жизни, благородная идея отторгалась. После этого он занемог, и князь Тундутов повез его на лечение в Минеральные Воды. Но ничего не помогло, и Бааза Менкеджуев умер там, в 1903 году. Нойон Церен-Давид Тундутов привез его тело и похоронил в местности, которая называется «Оран булг», что в переводе означает «Родник возвышенности» там, где предполагалось построить хурульный комплекс. На месте кремации усопшего был воздвигнут культовый памятник – субурган.

В заключение отметим, что Бааза-багши, осуществив заветную мечту своей жизни и составив после этого замечательное в своем роде сочинение, «воздвиг» свой памятник на благо потомков.

§ 3. Специфика исследуемого источника (заметки о палеографии текста памятника)

Оригинал рукописи, которую в октябре 1893 года составил Бааза Менкеджуев, возвратившись после паломничества в Тибет, до сих пор не обнаружен. Рукопись, как только она была закончена, была приобретена профессором А.М. Позднеевым, который опубликовал ее с переводом и комментариями буквально через год под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши». Факультет восточных

²⁸ Название одного из родов калмыцкого народа

языков Санкт-Петербургского университета счел необходимым даже посвятить это издание XI международному съезду ориенталистов в Париже. Это издание состоит из 278 страниц. Предисловие состоит из 18 страниц. Пагинация римскими цифрами, постраничная. Перевод занимает 130 страниц. Пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная. Текст на «Тодо бичиг» занимает 120 страниц. Пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная. 12 строк на странице, сверху вниз, слева направо. Материалом для нашего исследования послужило именно это фототипическое издание текста на старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг».

«Хождение» можно изучать в разных аспектах и с помощью разных методов. Например, профессор А. Позднеев использовал лексические единицы памятника при составлении «Русско-калмыцкого словаря» [СПб, 1911]. Н.В. Кюннер в своем исследовании использует топографические данные, которые имеют место в тексте памятника [Владивосток, 1907]. Жанровая специфика памятника освещается в работах Г.И. Михайлова [Элиста, 1973], А.В. Бадмаева [Элиста, 1973; 1991].

Несмотря на это, до настоящего времени нет обобщающих исследований, посвященных полному описанию языка «Хождений», которое, в силу сложившихся исторических реалий, стало последним письменным памятником, созданным на старокалмыцкой письменности. Кроме того, исследование языка «Хождений» неразрывно связано с личностью автора, временем, местом и условиями, в которых он жил. Как тонко отмечает в своем исследовании профессор Д.А. Сусеева «речь не только индивидуальна, но и социальна». Речь любого человека несет в себе как индивидуальные черты, так и общие, характерные для речи всех людей, говорящих на одном языке. Без общих черт в речи невозможна коммуникация. Вот эти общие черты и составляют фонетическую систему, лексику и грамматику калмыцкого языка. Исходя из такого понимания калмыцкого языка, в отличие от «калмыцкая речь», в работе дается описание фонетики и грамматики калмыцкого языка конца 19 века [Сусеева, 2003, с. 13].

ГЛАВА I. ФОНЕТИКА. ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКА

Описание фонетики языка любого письменного памятника не может достоверно отразить состояние его живого произношения. Изучающий язык памятников имеет дело не столько со звуками, сколько с буквами. Вследствие чего приходится отталкиваться от алфавита и ограничиваться предположениями о том, каким звукам могли соответствовать те или иные буквы в период, когда он создавался.

Общеизвестно, что «единственным путем исследования древнего письменного памятника с фонетической точки зрения является путь от изучения графики (написаний) к орфографии (к системе правил употребления этих написаний) и от орфографии как системы - к отклонениям от нее при постоянном критическом сопоставлении всего графического в широком смысле этого, т. е. писанно-зрительного, материала с данными живого языка или живых родственных языков позднейшей (обычно современной) эпохи» [Аванесов, 1975, с. 79].

Метод сравнительного анализа орфограммы слова в старописьменном написании с данными современных языков и диалектов составляет в монголистике основу сравнительно-исторических исследований и дает много сведений о характере произношения тех или иных слов и морфем в прошлом и тенденциях изменения звукового облика слова. Этот метод позволил расширить представление о ходе фонетико-морфологического развития монгольских языков. И, несмотря на его естественные слабые стороны, потому как полного тождества орфоэпии и орфографии не бывает даже в письменности, построенной на фонетическом принципе, - он все же продолжает оставаться ведущим.

Характеристика фонетических особенностей исследуемого памятника старокалмыцкой письменности конца 19-го века основана на данных современного калмыцкого языка, а также на материале ранее изученных памятников ойратской (старокалмыцкой) письменности 17-18 веков. [Грамматика, 1983; Яхонтова, 1996; Бадмаев 2001; Сусеева, 2003]. Не претендуя на восстановление истинного звучания слов и словоформ, нашедших отражение в исследуемом памятнике, попытаемся лишь предположить действительное чтение некоторых написаний. О том, что язык «Хождения» интересен в филологическом, и непосредственно, в фонетическом отношении, отмечает в своем предисловии к тексту перевода профессор А.А. Позднеев: «...труд этот... представляет собой прекрасный пример именно живого языка современной калмыцкой литературы. Основательное рассмотрение этого произведения должно удостоверить каждого, что современный литературный язык волжских калмыков доселе еще остается таким же изящным, богатым своим лексиконом и своими формами, а потому и таким же строго определенным как в выражениях понятий, так и взаимоотношениях их, каким видели мы этот язык в прежних произведениях чжунгаров, или первых выходцев на берега Волги» [Позднеев, 1897, с. XV].

§1. Графемы-гласные

Система гласных звуков памятника письменности характеризуется теми же дифференциальными признаками, которые путем реконструкции были выделены в ойратском языке 17-го века профессором П.Ц. Биткеевым [Элиста, 1988, с. 3-8], впрочем, с некоторой оговоркой эти признаки свойственны и современному калмыцкому языку:

- степень длительности /деление гласных на краткие (нормальные) и долгие. Причем к долгим относились и дифтонги/. Обращает на себя внимание явление перехода исторически долгих гласных в краткие и вызванное этим переходом количественное сокращение языка.

- сингармоническая рядность / деление гласных по их участию в сингармонической рядности слова на твердорядные, мягкорядные и нейтральнорядные/;
- огубленность – неогубленность;
- степень подъема /при артикуляции/;

1.5 Гласные фонемы твердого ряда

Графемой / / / « - *удан*»²⁹ - (в зависимости от позиции в слове) обозначается звук [a:] – долгий гласный, нелабиализованный, нижнего подъема (широкий). В нашем тексте транслитерируется как «a:». Встречается во всех позициях: *a:ɣu* «пиала, чашка», *ca:sun* «бумага, бумажный», *caɣu:n* «белый», *yabuqula:ra:n* «когда шли, выходя», *angqaraqula:* «соизволив внимать». В современном калмыцком языке встречается в открытом последнем слоге слов относящихся к твердому ряду: *aav* «дедушка», *naadha* «игрушка», *oralx* (о-раа-лхъ) «крыть, вершить».

Графемой / / / передается звук [a] – краткий (нормальный) гласный, нелабиализованный, нижнего подъема (широкий). В исследуемом памятнике встречается во всех позициях: *abdar* «сундук, ларь», *altalagsan* «позолоченный», *mandal* «1. расцвет, сияние; 2. алтарь», *blamanar* «ламы, буддийские монахи», *qocoragsan* «отсталый, отставший». В современном языке встречается во всех позициях твердорядного слова: *альхн* «ладонь, ладони», *бадг* «куплет», *ɟahan* «белый», *хаша* «забор, ограда».

Графема / / / передает звук [o:] – долгий, огубленный, среднего подъема (полуширокий). В тексте встречается без позиционных ограничений: *O:b* «река Обь», *ɣolo:d* «пренебрегая», *mongɣolo:r* «по-монгольски», *to:bur* «угощение», *zo:ggiyin* «род. п. от кушанье, трапеза», *odo:*

²⁹ Интерпретация знака «удан» до сих пор является одним из самых спорных вопросов ойратской (старокалмыцкой) фонетики. На сегодня существуют две теории, согласно которым «удан» рассматривают: 1) как диакритический знак, обозначающий долготу предшествующего гласного, и 2) как самостоятельную букву, передающую долгие звуки [a:/e:]. [Павлов, 2000, с. 117; Яхонтова, 1996, с. 19-21]

«сейчас, теперь». В современном языке гласный [o:] выступает в первом открытом слоге многосложного слова твердого ряда: *ооср* «веревка», *тоомсрта* «почетный, почтенный», и как исключение, в неперво-слоговой позиции встречаются в составе отрицательной частицы *-гоо ~ го < уга* (не, нет, без) открытого последнего слога: *болигоһар* (бол-шь-гоо-һар) «чтобы не было».

Графемой / / передается звук [o] – краткий (нормальный), огубленный гласный среднего подъема. В тексте памятника употребляется во всех позициях: *oroba* «вошел», *bogdo* «святейший», *ongyoco* «лодка». В современном языке употребление ограничено первым слогом твердорядного слова, и как исключение, встречается в последнем слоге слова в составе отрицательной частицы – «-го»: *оньдин* «всегда», *ноха* «собака», *зовлңго* «нетрудный; без страданий».

Двумя вариантами сочетаний графем / / // / (в транслитерации текста обозначены как *-uu-* и непоследовательно встречающиеся после аффрикат *-č-*, *-ž-*, а также после спиранта *-š-* вариант *-iu-*) передается звук [u:] – долгий, лабиализованный гласный, верхнего подъема (узкий). В произведении встречается во всех позициях: *uulatu* «гористый», *quučin* «старый; давний», *tosuulži* «направлять для встречи», *orčiula:či* «переводчик», *qabčiula:d* «втиснув, прищемив», *yaduu* «бедность, беднота». В современном калмыцком языке фонема [u:] выступает в открытых последних слогах слов: *уух* «пить», *суулһ* «ведро», *босулх* (бо-суу-лхъ) «поднимать».

Материалы текста показывают, что к концу 19-го столетия полностью завершился процесс перехода сочетаний *-ou-*, *-iu-* в долгий гласный [u:]. Последовательно встречающееся в памятниках 17 – начала 18 веков сочетание *-ou-*, в исследуемом памятнике не отмечается. А непоследовательный характер употребления варианта *-iu-*, по нашему мнению, это дань традиции и способ дистрибутировать на письме систему обозначения фонем [č], [ž], которая к концу 19-го века не отвечала

требованиям живого произношения. Как отмечает профессор Д. Павлов, «...существовавшая система передачи указанных фонем буквами *-c-*, *-z-* при сочетании с *-i-* исчерпала себя...» [Павлов, 2000, с. 115]. Вследствие чего мы встречаем варианты написаний *mongyolcuud* и *mongyolčiud* «монголы», *umšuułzi* и *umšiułbai* «заставлять прочесть». Эти различия ни что иное, как показатель фонетических изменений происшедших в живом калмыцком языке на рубеже 19-20 веков. Отметим, что автор для обозначения аффрикаты [ž] наряду с традиционным написанием *z+i* () употребляет, хотя и без строгой последовательности, галики (/ /). Например одно и то же слово встречается в трех написаниях: *nizi:d* (), *niži:d* () и *niže:d* () «по одному», *žoro:* () «иноходец». Мы думаем, что к концу 19-го века живое произношение калмыцкого языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [ž], [c] и [č], вне их звукового сочетания с гласной [i], и требовало такого же отражения на письме.

Сочетание *-iu-* в словах *bariułzi* «давать, делать подношение», *qariu* «назад» передает мягкорядный долгий гласный [ü:]. Он образовался благодаря перелому гласного [i], повлекшего за собой переход некоторых слов из исторически твердорядных в разряд мягкорядных. По мнению Д.А. Павлова, перелому гласного [i] обязан и процесс образования в живой речи калмыков двух новых мягкорядных гласных фонем [э:], (восходящая к двослогу *-ayı-* и дифтонгу *-ai*) и [ə], (образованная влиянием гласного [i] непервого слога на гласный [a] предшествующего слога), который начался с середины 18-го века и полностью завершился к концу 19-го века [Павлов, 2000, с. 117-118, 212]. На письме новые звуки не имели самостоятельных знаков, поэтому мы думаем, что сочетание *-iu-* является одним из вариантов передачи этих гласных на письме. Профессор Г.Д. Санжеев по этому поводу отмечает, что благодаря различной эволюции гласного [i] многие слова с гласными заднего ряда перешли в переднерядные. Во всех тех случаях, когда калмыцкие гласные переднего ряда соответствуют гласным заднего ряда

других монгольских языков, следует считать, что эти гласные некогда были заднерядными [Санжеев, 1953, с. 75].

Графемой / / передается заднерядный, лабиализованный, полуузкий краткий (нормальный) гласный [u], встречающийся в тексте во всех позициях без ограничений: *uĉir* «причина», *γosun* «сапоги», *casun* «снег», *yabuqu* «идти». В современном языке очень употребительная фонема, встречается в любой позиции твердорядного слова: *сарул* «светлый», *адун* «табун», *bahчуд* «молодежь», *ору* «доход».

1.6 Гласные фонемы мягкого ряда

Графемой / / « - удан» - (в зависимости от позиции в слове) обозначается звук [э:] – долгий гласный, нелабиализованный, среднего подъема. В нашем тексте транслитерируется как «е:». Встречается во всех позициях: *e:ži ügei* «необитаемая, безлюдная местность», *eke:n* «свою маму», *küle:ber* «ожидание», *küre:* «монастырь». В современном калмыцком языке встречается только в первом слоге мягкорядных слов: *ээзгә* «брынза», *ээртә* «солнечный», *ээлт* «обаяние».

Графема / / передает нелабиализованный краткий (нормальный) гласный [э]. Данный гласный отмечен в тексте во всех позициях: *ekin* «начало», *elžige* «осел», *emegen* «старуха», *gegen* «свет; светлость/светлейший». В современном языке употребление данного гласного ограничено первым слогом мягкорядных слов: *эзн* «хозяин», *эвдх* «ломать, разбивать», *эмч* «врач, доктор».

Графемой / / передается звук [ö:] – долгий гласный переднего ряда, лабиализованный, среднего подъема, встречающийся в тексте без позиционных ограничений: *ö:löd* «название рода, элюты», *cö:n* «мало, немного», *mörgölö:r* «молебеном», *örtö:nö:sü* «из яма, из ямской станции», *örgö:* «ставка, дворец». В современном языке употребляется лишь в первом открытом слоге мягкорядного слога: *өөдм* «возвышение», *мөөрсн* «хрящ».

Графема / / обозначает звук [ö] – краткий (нормальный) лабиализованный гласный среднего подъема. В исследуемом тексте представлен без позиционных ограничений: *örgön* «широкий», *cögöcö* «чарка, чаша», *dörbön* «четыре». В современном языке употребляем только в первом слоге слова: *tөв* «меткий; середина», *зөргтә* «смелый, храбрый», *өсрлт* «прыжок, подскок».

Следующими вариантами сочетаний графем / /
/ // / // / // / // передается долгий лабиализованный гласный верхнего подъема [ü:]. В нашем тексте эти сочетания транслитерируются следующим образом: *-öü-, -üü-, -iü-, -iu-* соответственно. Гласный часто употребителен, встречается без позиционных ограничений: *bödöün* «толстый», *üüröülži* «заставлять носить», *niür* «лицо», *qariu* «назад», *döü* «младший». Мы считаем, что к концу 19-го века живое произношение знало только долгий звук [ü:], который развился из вышеуказанных сочетаний гласных [öü], [iü], [iu], но на письме они еще имели последовательное употребление. Еще в середине 19-го столетия, А. Бобровников по этому поводу писал: «...так как нет никакой нужды для изображения звуков [u:] и [ü:] употреблять двойные знаки, то мы считаем начертания *-ou-* и *-öü-* незаконными, и, если можно их допустить, то только в письме, - для целей каллиграфических...» [Бобровников, 1849, с. 19]. Поэтому в тексте не редки случаи написаний одного и того же слова в разных вариантах: *zöün* и *züün* «левый», *öüre:d* и *üüre:d* «взвалив на спину», *teriün*, *teröün* и *terüün* «первый, головной». В современном калмыцком языке выступает в открытых непоследних слогах многосложного слова: *үүлн* «ветер», *түүмр* «пожар», *бүрүл* (бү-рүү-ле) «сумрак».

Графема / / передает звук [ü] – краткий (нормальный) лабиализованный гласный верхнего подъема. В исследуемом тексте представлен без позиционных ограничений: *ügei* «не, нет», *müren* «река», *šülü* «бульон», *kürgekü* «проводить, доставлять». В современном языке также употребляется без позиционных ограничений: *кун* «человек», *сүрг* «стадо, стая», *түрүн* «первый».

1.7 Гласные фонемы нейтрального ряда

Сочетанием графем / // / (в транслитерации представлены как: -iyi-, -i:-, -iy-) передается гласный [i:] – долгий нелабиализованный верхнего подъема. В тексте употребляется во всех позициях: *iyimi* «такой», *šiyidbe* «решил», *iši:se* «на основании», *nomiyigi* «вин. п. от учение», *küy* «воздух». В современном языке фонема [i:] выступает в открытых непоследних слогах слов обоих сингармонических рядов: *тиим* «такой», *биилх* «танцевать», *кениг* (кэ-нии-ге) «кого».

Графема / / обозначает краткий (нормальный) нелабиализованный гласный верхнего подъема [i]. Данный гласный в тексте встречается во всех позициях, как в словах переднего ряда, так и в заднерядных словах: *irebe* «пришел», *išigei* «войлок», *takil* «жертвоприношение», *bagši* «учитель», *biden* «мы».

1.8 К вопросу о неясных гласных и об исторических изменениях долгих гласных.

В фонетической системе калмыцкого языка к концу 19-го века произошли значительные изменения, в основе которых лежат редукция кратких (нормальных) гласных непервых слогов слова, переход исторически долгих гласных в краткие (нормальные) в непервых слогах и в односложных словах, которые обусловили, в свою очередь, количественное сокращение языка, а также развитие дифтонгов в монофтонги. Эти процессы нашли свое

отражение, в большей или меньшей степени, в тексте исследуемого памятника, созданного в духе своего времени.

Природа редуцированных гласных такова, что их невозможно воспроизводить в изолированном отношении и трудно выделить из состава слова, что допустимо в отношении фонем полного образования. Характерная особенность редуцированных гласных заключается в том, что они утратили присущие им отличительные артикуляционные и акустические признаки. А.Позднеев в предисловии к переводу данного памятника отмечает, что «сильнее просматривается в ней (письменности – Б.Е.) то выбрасывание гласных в коротких средних слогах и та ассимиляция гласных слова, которые были всегда присущи калмыцкой разговорной речи» [Позднеев, 1897, с. XV].

Артикулярной и акустической неопределенностью во многом объясняется разноречивость в написании кратких гласных в непервых слогах слова: *araki, ariki, arki* «молочная водка», *cuglaraži, cuglraži* «собираться, съезжаться», *büsedə:n, büsüde:n* «на своем ремне», *gertü, gerte* «в доме», *ilegebe, ilgebe* «отправил, послал». Академик Б.Я. Владимирцов в своей «Сравнительной грамматике» пишет, что «ошибки подобного рода приходится объяснять исключительно тем, что в монгольском языке прошлых времен наблюдалось тоже самое явление, что наблюдается и в настоящее время, а именно: гласные не первого слога, не долгие исторически, произносились кратко, они были редуцированные, а следовательно предоставляли большие затруднения для правильного их изображения на письме» [Владимирцов, 1989, с. 107-108].

Редукция кратких гласных непервых слогов, как известно, была свойственна всем языкам монгольской группы, кроме диалектов ордосского типа. Но наиболее сильной редукции подверглись гласные в калмыцком языке, а необозначение их (редуцированных гласных) на письме в современной орфографии повлекли за собой самые худшие последствия. Мы полностью согласны с мнением Д.А. Сусеевой о том, «что современный редуцированный звук является сложным звуком, представляющим собой

«синтез» нескольких исторических звуков, каждый из которых дает о себе знать в процессах словообразования и словоизменения» [Сусеева, 2003, с. 256]. Как нам представляется, решение этой проблемы требует пристального внимания к памятникам ойратской (старокалмыцкой) письменности, являющихся единственными свидетелями фонетических изменений, которые произошли в калмыцком языке на протяжении последних трехсот лет.

В исследуемом памятнике особенно обращает на себя внимание явление перехода исторически долгих гласных в разряд кратких (нормальных) в непервых слогах и в односложных словах, а также развитие дифтонгов (встречающихся в конечной позиции слова) в монофтонги (в долгие и краткие (нормальные) гласные). Например, варианты написаний: *caɣa:n/caɣan* «белый», *uda:n/udan* «долго», *kün/küün* «человек», *barilda:barilda* «поединок, схватка», *cuɣariyigi/cuɣa:riyigi* «всех» дают возможность предположить, что к концу 19-го века живое произношение стремилось количественно сократить исторически долгие гласные, а, быть может, уже и не знало их. По этому поводу А.Позднеев писал, что «такие слова ... остаются у нашего автора без показания долготы их гласной и это, по крайней мере в отношении некоторых слов, систематически проводится через всю рукопись, так что в подобного рода начертаниях мы не можем увидеть описки, а скорее должны признать, что автор и не подозревает в этих словах долгого слога. Сам по себе факт этого перехода является совершенно в духе языка» [Позднеев, 1897, с. XVI]. Как бы там ни было, последовательно-поступательный характер данного явления отражается на современном состоянии языка, где, утратив былую долготность, эти гласные артикулируются как краткие (нормальные): *цаһан*, *удан*, *күн*.

Примечательно, что данное явление не наблюдается в памятниках более раннего периода. Так, например, в работе Д.А.Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714-1724 гг.)» употребление слов *caɣa:n*, *uda:n*, *küün* без указания долготы исключено, а предположение автора о том, что «язык деловых документов 18-го века, как и других веков, видимо, больше

отражает живую речь, чем язык книжной религиозной литературы» говорит в пользу того, что для живого произношения, по крайней мере, первой половины 18-го века, не характерно сокращение долгих гласных [Сусеева, 2003, с. 72]. Все это дает возможность предположить, что процесс перехода исторически долгих гласных в краткие в живой речи калмыков начался, видимо, со второй половины 18-го века и завершается на рубеже конца 19-го - начала 20-го веков.

Процесс перехода дифтонгов, особенно, занимавших конечную позицию слова в долгие (и даже уже в краткие (нормальные)) монофтонги, также зафиксирован на страницах исследуемого памятника. Автор одной из первых калмыцких грамматик А.Бобровников отмечал, что «калмыки, изображая слова по произношению, часто смешивают долгие гласные мягкие с долгими гласными твердыми. Пишут, например, часто вместо *yuyiqu* «просить» *yu:qu*, вместо *irenei* «приходить» *irene:*, ... однако в некоторых случаях нельзя не допустить справедливости двойного правописания так как существует двойное произношение. Говорят, например, *šoroi* и *šoro:* «земля» [Бобровников, 1849, с. 15]. Д.А.Павлов заключает, «что к середине 19-го века было уже завершено развитие дифтонгов в долгие гласные...., (которые) раньше всего начали развиваться из дифтонгов, занимавших конечную позицию слова» [Павлов, 2000, с. 206]. Это утверждение вполне логично, так как, например, в тексте нашего письменного памятника конца 19-го века, встречаются следующие формы: *yabula:*, *yabulai* «ходил»; *odba*, *odbai* «ушел»; *casla:*, *caslai* «часов»; *bayiqula*, *bayiqula:* «если будет»; *bile:*, *bilei* «есть, было»; *bayina*, *bayinai* «есть, имеется»; *ödörei*, *ödöre:* «дневной»; *örgönei*, *örgöne* «поднимает»; *küüne:*, *küünei* «человека»; *üldebe*, *üldebei* «оставаться». Здесь мы наблюдаем, что помимо письменных форм с долгими конечными гласным, развившихся из соответствующих дифтонгов, встречаются краткие (нормальные) гласные. Это указывает на то, что живое произношение конца 19-го века, последовательно сократив конечный долгий гласный, видимо, артикулирует его уже как краткий (нормальный).

§ 2. Графемы - согласные

Графема «нун» / / передает переднеязычный [н].

В источниках встречается без каких-либо ограничений: *naran* «солнце», *qa:n* «хан, владыка», *daba:n* «перевал», *burqan* «бурхан, божество», *üsün* «волосы».

Графема «ха» / / передает увулярный [q]. Транслитерируется в тексте как *-q-*. Употребление его ограничивается анлаутной и инлаутной позициями твердорядных слов. В исходной позиции вообще не применяется, что отражается данными памятника: *qa:lʏa* «дорога, путь», *qoro:* «комната», *daqaʒi* «следуя за кем-либо», *buulʏaqui* «ссаживать, опускать», *qoyuurqan* «вдвоем».

С помощью графемы «кяф» / / передается заднеязычный смычный [ke], который встречается только перед гласными переднего ряда и нейтральным [i]. Позиция «кяф» ограничена анлаутом и инлаутом: *kege:d* «сделав», *mörgöküle:* «помолившись», *arki* «водка», *ergikü* «кружиться», *ümüskü* «одевать».

Графема «каппа» / / передает заднеязычный сильный [қа], встречающийся только перед гласными заднего ряда в анлауте и инлауте слов: *saқuusa:n* «амулет, ангел-хранитель», *orқuna* «поставить», *қo:roda* «город», *қoniyag* «коньяк», *taқа:* «курица», *Yeқatiring* «Екатеринбург». Следует заметить, что данная графема часто употребляется в заимствованных словах.

Последние три графемы («ха», «кяф», «каппа») в «чисто историческом плане... передают аллофоны одной и той же фонемы /к/» [Санжеев, 1977, с. 62].

Графемой «гамма» / / передается слабый увулярный согласный [ʒa], транслитерируемый как *-ʒ-*. Употребляется в словах заднего ряда в анлаутной и инлаутной позициях: *ʒazar* «земля», *ʒol* «река», *ʒurbun*

«три», *moʻlʻcog* «круглый», *balyasun* «город». Отметим, что согласному [ʏa] в современном языке соответствует слабый смычный /h/, встречающийся как в словах переднего ряда, так и в словах заднего ряда: *hашун* «горький», *həəхул* «выставка».

Графема «гемма» / / передает заднеязычный слабый смычный [ge]. Использование его ограничено анлаутной и инлаутной позицией переднеязычных слов: *ger* «жилье, дом», *görö:sön* «сайгак, антилопа», *gegen* «светлость, свет», *delger* «расширенный», *ügei* «не, нет».

Графема «гаф» / / передает полувзвонкий согласный [g]. Особенность этой графемы в том, что она встречается как в переднерядных, так и в заднерядных словах. Позиционно данная графема употребляется только в инлауте и на исходе слова, в анлауте не употребляется: *üzügtü* «в стороне», *küüneksen* «обсужденный», *dogšin* «свирепый», *de:gšin* «вверх», *unudag* «оседланный». Отметим что, в ходе словоизменения, если «гаф» оказывается в положении перед гласной [i] или перед гласной мягкого ряда, то заменяется «геммой»: *qonog* «ночлег» - *qonogiyin* (род. п.), *nutug* «родина, кочевье» - *nutugiyin* (род. п.), *bičig* «письмо» - *bičige:n* «свое письмо» - *bičigüüde:n* «свои письма», *cag* «время» - *cagiyin* (род. п.), *üzüg* «буква» - *üzügüüd* «буквы», а если оказывается перед гласной твердого ряда, то заменяется графемой «гамма»: *nutug* «родина, страна» - *nutuɣa:n* «свое кочевье, свою родину», *cug* «все» - *cuɣa:r* «все, вместе», *qadag* «хадак, шелковый платок» - *qadaɣa:r* (творит. п.).

Графемы «гамма», «гемма» и «гаф» являются аллофонами одной и той же слабой фонемы [g] [Санжеев, 1977, с. 61].

Графема «кун-гемма» / / передает заднеязычный носовой [ŋ]. В нашем тексте транслитерируется как *-ng-*. Использование ее ограничивается инлаутной и аусллаутной позициями. В абсолютном начале слова не употребляется: *cengker* «голубой», *dacang* «монастырь, храм», *lang* «лан, денежная единица», *nomiyin sanggiyin* «библиотеки», *önggö* «цвет».

Графема «бета» / / передает билабиальный [b].
Позиционное употребление этой согласной не ограничено: *basa* «тоже, еще»,
bayiſing «строение, здание», *arban* «десять», *selbeg* «совет», *zabsar*
«перерыв, промежуток», *zöb* «право; правильно, верно», *eb* «согласие», *keb*
«форма».

Графема «син» / / передает переднеязычный [s].
В исследуемом тексте графема встречается без ограничений: *siditei*
«чудодейственный, волшебный», *salkin* «ветер», *süme* «храм», *nasun*
«возраст», *čisu* «кровь», *oros* «русский», *eres* «крутой, обрывистый».

Графема «шин» / / передает спирант [sh] который,
как и [s], употребляется без ограничений: *šabartai* «глинистый», *šabinar*
«ученики-послушники», *šülün* «бульон», *qaša:du* «во дворе», *yašuun*
«горький», *talmaš* «талмач, переводчик», *oroqoš* «не входит».

Графема «тав» / / предназначена для обозначения
переднеязычного взрывного согласного [t]. В старокалмыцкой (ойратской)
письменности «тав» вообще не может быть конечной, ее употребление
ограничивается начальной и средней позициями: *tamaγa* «печать», *takil*
«жертвоприношение», *taba:r* «свободно, привольно», *söültei* «с хвостом»,
kebte:d «лежа».

Графема «дал» / / обозначает переднеязычный
слабый [d]. Позиционное употребление не ограничено: *dalai* «океан», *de:bür*
«кровля, крыша», *debel* «шуба», *adag* «конец», *aduun* «табун», *aγuursud*
«животные», *küre:d* «добравшись».

Графемой «ламед» / / передается переднеязычный
[l]. В исследуемом тексте встречается без позиционных ограничений: *labšig*
«накидка, халат», *Liži* «Лиджи – имя собст.», *maliyin* «скотный,
животноводческий», *tuulai* «заяц», *udal ügei* «скоро», *yabudal* «походка;
занятие, событие».

Графема «мем» / / обозначает билабиальный
согласный [m]. Употребляется без позиционных ограничений, что нашло

отражение в исследуемом памятнике: *modon* «дерево, деревянный», *marγaši* «завтра», *de:rem* «разбой, грабеж», *ayilmuud* «аилы, хотоны», *zarim* «некоторые».

Графема «чим» / передает свистящую аффрикату [ç].
Употребление «чим» ограничивается анлаутной и инлаутной позициями. В исходе слова не употребляется: *canid* «диспут; высшая богословская школа», *caiyu:d* «белея, светлея», *kelcene* «говорят», *gecüle:r* «творит. от. гецюл» (духовное лицо), *esege* «отец». Исторически перед гласным [i] данная графема передает шипящую аффрикату [č], в исследуемом тексте данная графема, передавая шипящую согласную [č], встретилась и перед некоторыми другими гласными: *čig* «сырость, влага», *čilge:r* «ясная /о погоде/», *gereči* «свидетель», *ačilya* «груз, вьюк», *mongγolčiuud* «монголы», но *mongγolcuud*.

Графема «джим» / обозначает свистящий спира́нт [ž].
Употребление было ограничено анлаутной и инлаутной позициями: *zalbaril* «моление», *zam* «дорога», *žürüken* «сердце», *tiyizele:d* «опечатав», *ezen* «хозяин». Исторически данная графема перед [i] обозначает шипящую аффрикату [ž], употребление которой также ограничено инициальной и медиальной позициями, но в нашем тексте наряду с этим способом обозначения данного звука используются специальные графемы – галики:

/ которые обозначают его как в сочетании с гласной [i], так и в сочетании с другими гласными: *žalba* () «жалование», *žibsag* () «тангутский нож», *žulan* () «байховый /о чае/», *žoro:* (), *niže:d* () / *niži:d* () «по одному», *geži* () «сказав», *žiliyin* () «годовая», *Be:žing* () / () / () «Пекин».

Графема «йота» / передает среднеязычный [y], употребляется в начальной и средней позиции: *yadarabai* «обессилел», *yasun* «кость», *medeye* «узнаем-ка», *qayira* «милость, благоволение», *beyede* «самому себе». В конце слова встречается после гласных: *dalai* «океан», *γazarai* «земли».

Графема «реш» / / передает переднеязычный дрожащий [r]. Традиционно употребление «реш» ограничивается анлаутной и инлаутной позициями, но при передаче заимствованных слов может выступать и в начале слова: *yazarči* «проводник, путеводитель», *mörin* «лошадь», *müren* «река», *tala:r* «стороной», *önödür* «сегодня», *šider* «около», *Rostoba:r* «через Ростов», *ritod* «помещение для созерцания».

В исследуемом памятнике встречается большое количество заимствованной лексики из санскрита, русского, тибетского, китайского языков. И это не удивительно, ведь содержание произведения вобрало в себя различные стороны действительности, явления, процессы, события – все, что характерно для тех регионов, через которые проходил маршрут путешествия. Конечно, львиная доля этих иноязычных элементов буддийского характера: названия обрядов и ритуалов, буддийских сочинений, титулов, званий, названия буддийских монастырей, буддийской атрибутики. При оформлении этой разнородной лексики автор берет на вооружение графемы-галики, используя их для обозначения звуков, не свойственных калмыцкому языку.

Графема-галик «пяф» / / передает смычный звук [p]. Встречается в анлаутной и инлаутной позициях заимствованных слов: *paraqod* «пароход», *patiriyin* «род. п. от квартира», *pistul* «пистолет», *panar* «фонарь», *piling* «англичанин» *kirepiči* «кирпич», *yebropayin* «европейский», *Gepel* «Гепел» (название горы), досл. «Увеличение добродетели», *tarangsaportayin* «транспортная».

Графемой-галиком «вав» / / передается губной щелевой согласный звук [v]. Встречается в инлаутной позиции заимствованных слов: *quvarag* «ученик ламы, хуварак», *Li-ḡovan-du* «дат. п. от Ликован» (название населенного пункта), *Mavi ciluu* «гора Мави», *Mavi megzemiyin* «Мави Мигзм» (название молитвы).

Графема-галик «лха» / / передает звуковой комплекс [lq]. Встречается только в начальной позиции слов заимствованных из тибетского: *Lqasa* (/ / [lqa-sa]) «Лхаса, столица Тибета; досл. земля

Богов» (ТРАС, т. 10, стр. 218), *Lqaqang* ([lqa-kang]) «молельня, молитвенное помещение», досл. «дом Бога» (ТРАС, т. 10, стр. 210), *Lqazman* ([lqa-gia-ma]) досл. «сто божеств» (ТРАС, т. 2, с. 319), *Daši-Lqunbo* ([ta-ši | lqum-po]) «назв. монастыря осн. в 1447 г., Гендун-дубом (1391-1474 гг.), резиденция Панчен-лам» (ТРАС, т. 1, стр. 126).

Выводы

Графический анализ текста памятника позволяет вычленить графемы, передающие звуки калмыцкого языка 19-го века. Для обозначения гласных употреблялись следующие графемы: **a** /a: /o /o: /u /u: /e /e: /ö /ö: /ü /ü: /i /i: /. Полагаем, что к этому времени живая речь калмыков уже знала два новых гласных звука – [э:], (восходящая к двое слогу *-ayi-* и дифтонгу *-ai*) и [э], (образованная влиянием гласного [i] непервого слога на гласный [a] предшествующего слога), процесс образования которых обязан перелому гласного [i], начавшийся с середины 18-го века и полностью завершившийся к концу 19-го века. Однако, на письме эти фонемы не имели буквенного оформления.

Согласные звуки собственно калмыцкого языка передавались на письме следующими графемами: /qa /ke /qa /ya /ge /g /ng /b /s /ši /t /d /l /m /c /či /z /ž /r /y /. Кроме этого в тексте памятника выявлены графемы-галики с помощью которых на письме передавались звуки не свойственные калмыцкому языку: /p /v /lq /. Можно считать, что к концу 19-го века живое произношение калмыцкого

языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [ž], [c] и [č], вне их звукового сочетания с гласной [i], и требовало такого же отражения на письме. И если для обозначения [ž] уже последовательно применяются собственные графемы, то для передачи звука [č] в тексте памятника специальной графемы не наблюдаем.

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЯ. Общие замечания.

«Морфология, - как наиболее общепринятое и устоявшееся в современной науке понимание, - есть часть лингвистики, занимающаяся словом во всех его релевантных аспектах» [Мельчук, 1997, с. 30]. Объектом морфологии являются минимальные двусторонние (или «знаковые») единицы языка (*морфемы*) и «жесткие» комплексы этих единиц, обладающие особыми свойствами (*словоформа* или просто *слова*) [Плунгян, 2000, с. 13].

Калмыцкий язык, как и другие монгольские языки, относится к типу агглютинативных языков. Это значит, что различные грамматические формы слова образуются путем последовательного прибавления к корню определенных формантов, которые «выражают только одну какую-либо грамматическую или лексическую категорию» [Санжеев, 1959, с. 40].

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в старописьменном калмыцком языке имеют категории падежа и числа, и, кроме того, они могут присоединять показатели притяжания. Показатели грамматических категорий присоединяются к основе существительного в следующем порядке: первым - показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова; в транскрипции в этом случае они отделяются дефисом. В исследуемом памятнике мы не наблюдаем строгой последовательности при написании этих показателей, в одних и тех же словах они могут встречаться и слитно, и раздельно: *mantai*, *man-tai* «совм. п. с нами», *soyibung-du*, *soyibungdu* «дат. п. служителю».

§1. Категория числа

Категория числа имени существительного указывает на количество одушевленных или неодушевленных предметов. В калмыцком языке эта категория представлена двумя грамматическими значениями: 1) единственным числом и 2) множественным числом. Имена существительные в единственном числе имеют нулевое окончание, а во множественном — материально выраженные формы множественного числа, которые образуются с помощью специальных формантов. В «Хождении» средствами выражения категории множественности являются следующие показатели: **-d**, **-s**, **-muud/-müüd/-muus**, **-nar/-ner**, **-uud/-üüd**, **-cuud/-cüüd/-čüud**.

1) Показатель множественного числа **-d** является одним из довольно часто употребляемых в исследуемом памятнике. Он присоединяется к основе имен, оканчивающихся на **-n**, который при этом выпадает, например: **teme:n** «верблюды» - **teme:d** «верблюды», **noyon** «нойон» - **noyod/noyad** «нойоны», **gegen** «светлейший (вежливое обращение)» - **geged** «светлейшие», **burqan** «будда» - **burqad** «будды», **aγuursun** «имущество» - **aγuursud** «имущества».

2) Формант **-s** зарегистрирован в следующих случаях, например: **süme** «монастырь» - **sümes-tü** «вин. п. в монастырях», **yuuman** «вещь, предмет» - **yuumas** «вещи, предметы». С помощью **-s** оформляется значение множественности от слова **de:dü** «верхний», которое приобретает значение субстантива, изменяясь по падежам: **de:düs** «небожители», **de:düstü** «дат. п. от небожители», **de:düsüin** «род. п. от небожители». Примечателен тот факт, что суффикс **-s**, по мнению исследователя Рудова, «являясь одним из самых древних показателей множественности монгольских языков», совершенно не употребителен в современном бурятском языке, а по определению Г.Д.Санжеева, — «исчезающий и редко употребительный» даже для халхаского наречия. [Рудов, 1963, с. 57; Санжеев, 1953, с. 132]. В то время как в современном калмыцком языке он является одним из самых

продуктивных формантов множественного числа.

3) В тексте памятника имеет место показатель множественного числа **-muud/-müüd**, который восходит к древнему форманту **-nuγoud**, названный А.Поповым «отдельной частицей» с функцией усиления значения множественного числа [Попов, 1847, с. 48-49]. Например: **ayil** «селение» - **ayilmuud** «селения», **kiyid** «монастырь» - **kiyidmüüd** «монастыри». В современном монгольском и бурятском языках ему соответствуют показатели **-nuud/-nüüd**. Следует отметить, что в исследуемом памятнике встречается употребление показателя множественности **-muus**, он отмечен однажды в слове **γol** «река» - **γolmuus** «реки», скорее всего это разговорный вариант форманта **-muud**.

Вместе с тем в исследуемом тексте зарегистрировано несколько случаев употребления показателя множественности **nuγuud**, например **ta nuγuud zamdu amur sayin irebüü** (79) «все ли вы благополучно дошли». Причем в памятнике также зафиксирован сингармонический вариант этого форманта – **nögüüd**, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке 18-го века, так как в письменных памятниках ойратского языка 17-го века «он не имеет сингармонических вариантов» [Яхонтова, 1996, с. 42], например: **kölgön kümüsün nögüüd beledeser bayitala** (113) «до тех пор пока всё готовили - и средства передвижения и провианты...». Единичные случаи употребления данного показателя множественного числа, дают право указывать на то, что к концу 19-го столетия он уже вышел из широкого употребления, как в разговорном языке, так и в письменном, что привело к его субституции другими более активными аффиксами. Хотя еще в памятниках письменности 17-го века этот показатель является «наиболее универсальным и частым» [Яхонтова, 1996, с. 42; Бадмаев, 2001, с. 87].

4) Показатель **-nar/-ner** получают имена, обозначающие людей, их профессии, специальность, например: **üyileči** «делопроизводитель» - **üyilečinar** «делопроизводители», **šabi** «ученик-послушник» - **šabinar** «ученики-

послушники», *tayiži* «дворянин» - *tayižinar* «дворяне, дворянство», *blama* «лама» - *blamanar* «ламы», *bara: bologči* «сопровождающее лицо» - *bara: bologčinar* «свита, сопровождающие лица», *mörgölcī* «богомалец, паломник» - *mörgölcīna:r* «богомольцы, паломники», *ula:či* «ямщик, возничий» - *ula:činar* «ямщики, возничие». Однако встречается и форма *sümener* «храмы, кумирни» от *süme* «храм, кумирня³⁰».

5) В нескольких случаях зафиксирован показатель множественности - *uud/-üüd*, например: *bayišing* «здание» - *bayišingyuud* «здания», *soyibung* «сойбун» - *soyibungyuud* «сойбуны (ламы, заведующие личным штатом)», *üzüg* «буква» - *üzügüüd* «буквы», *dacang* «молельня, храм» - *dacangyuud* «молельни, храмы».

б) При образовании множественного числа по одному разу встретились сингармонические варианты показателя *-cuud/-cüüd/-čüüd*, которые, присоединяясь к основам имен прилагательных и иногда существительных, образуют собирательные имена, обозначающие людей. Например: *mongjol* «монгол» - *mongjoluud*, *mongjolčüüd* «монголы», *gegen* «светлейший (вежливое обращение)» - *gegecüüd* «светлейшие».

В тексте памятника наблюдается наращивание дополнительного показателя множественности, например: *noyon* «нойон» - *noyoduud* «нойоны». Нам представляется верным предположение профессора Ц.Б.Цыдендамбаева, отметившего, что «ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, по-видимому, обусловило появление составных показателей множественности» [Цыдендамбаев, 1972, с. 337]. Вообще, тенденция «к нагнетанию» аффиксов множественности в монгольских языках, шире в алтайских языках, является типологической чертой, свойственной многим агглютинативным языкам [Благова, 1971, с. 361].

³⁰ Кумирня - это храм, церковь, обитель

§2. Простое склонение

В языкознании стало общепринятым квалифицировать склонение как парадигму выражения отношения имени к другим именным или глагольным словам в предложении. Имя – это непосредственное название предмета или явления, не вступающее в какое-либо зависимое отношение с другим словом, поэтому оно по своей форме нейтрально и статично, падеж же есть сдвиг в форме имени, фиксирующий его отношение к другому слову в предложении. По определению академика В.В. Виноградова «падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи» [Виноградов, 1972, с. 139]. Образование той или иной падежной формы сводится не к образованию совершенно нового слова с иным значением, чем, например, именительный падеж, но к образованию формы, показывающей нам новое отношение того же слова к другому.

Категория падежа является основным грамматическим средством выражения управления: падежные граммы оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса; тем самым, падеж принадлежит к числу грамматических категорий, оформляющих синтаксически зависимый элемент [Мельчук, 1998, с. 313].

В языке «Хождений», кроме направительного, представлены те же падежи, что и современном калмыцком: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, орудный, совместный, соединительный и исходный. [Тодаева, Элиста, 1960].

В современном калмыцком языке, кроме вышеуказанных падежей существует еще один падеж – направительный. Поскольку у авторов первых грамматик по монгольскому и калмыцкому языку А.Попова и А.Бобровникова не встречается упоминание об этом падеже, и в письменных памятниках 17-19 веков он также не зафиксирован, то можно предположить, что он выделился из разговорного языка, скорее всего, уже в 20 столетии, благодаря «процессу неодноступенчатой грамматикализации» наречия уруу «вниз, книзу» [Орловская, 1988, с. 28-30].

Именительный падеж

Вследствие неформленности именительного падежа в монгольских языках, принято считать его совпадающим с основой слова. Однако, по мнению многих монголоведов, это не совсем верно. Есть мнение, что *Nominativ* и основа слова – есть «разные по форме и содержанию категории, хотя не приходится отрицать того, что в большинстве случаев основа и именительный падеж внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы.

Следует отметить, что формальные различия между основой и именительным падежом невелики и поддаются установлению лишь в области определенных групп слов, а именно таких, которые в большинстве монгольских языков имеют так называемый неустойчивый или скрытый конечный *н*. Различия эти проявляются и в склонении местоимений. Относительно остальных имен из любой части речи, то в их склонении нет ничего такого, что давало бы основание проводить формальное различие между основой и именительным падежом.

В исследуемом памятнике именительный падеж совпадает с полной основой, причем неустойчивый *н* сохраняется, кроме некоторых случаев. Имя в именительном падеже в предложении является подлежащим: *Erte cagtu, Dongrob Arši qa:n, Zuu Töböd-tü takil barica kürgүүлži, qamugi ayiladugčiyin gegen-dü bara:lquulži ilgegsen ulus-tai qamtu...*(1) «В былую пору Донгроб-Арши хан посылал своих людей, чтобы представились они Всеведущему гегену³¹ и доставили в Тибет жертвоприношения...»; *Manai oros qa:nai medeldü bayigči qalimag ulus, teyimi ulusiyigi gelüng geži nere:dedeg-luyи: adali (23)* «подобно тому как называют таких людей гелюнгами калмыки, находящиеся в подданстве нашего русского царя»; *Tere sümeyin öüdenei qaša:giyin dottor urуgsan modon-du basa töböd üzügүүд bayinai. (30)* «На дереве, выросшем в ограде перед дверями этой кумирни, тоже есть тибетские буквы»; *Tege:d bide yekede bayasa:d qariži irebe biden.*

³¹ Эпитет Далай-ламы.

(35) «Поэтому мы вернулись назад, очень сильно обрадовавшись»; *Qulayai yeketei ulus žigen, de:remdū olan yabuži, olan küün alagsan küügi ba:tur sayin ere geži, qošuun-da:n aqa:luulži, noyon gedeg nere ögödeg gene.* (44) «Этот народ славится воровством. Человека, ходившего много раз на грабежи и убившего много людей называют «батуром», «хорошим мужчиной», и утверждая его главенствовать в своих хошунах, дают ему имя «нойон».

Слово в форме основы слова может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, прямого дополнения, определения именной части составного сказуемого. Отсутствие специального показателя именительного падежа и многообразие функций у этой формы вызывает разногласия в ее трактовке. По мнению ученого Ц.Б. Цыдендамбаева, выделение именительного падежа представляется, по меньшей мере, спорным. На вопрос об альтернативе этого падежа он отвечает, что все зависит от позиции исследователя, и ответ может быть двояким: «если в принципе не отходить от традиции, то надо искать какой-то другой падеж вместо именительного, а если идти вразрез с традицией, то нет необходимости в таком поиске» [Цыдендамбаев, 1979, с. 38]. Профессор З.К. Касьяненко, обратившись к фактам монгольского языка, утверждает, что «нет оснований сохранять термин «именительный падеж» для формы основы слова в современном монгольском только лишь потому, что одна из ее функций совпадает с основой». Далее ученый предлагает, учитывая опыт тюркологов, заменить термин «именительный падеж» термином «неопределенный падеж», то есть падеж, функции которого значительно шире, чем функции любого другого падежа [Касьяненко, 1964, с. 6-7]. *Ene tangγad ulus qara sarlag üküür, tangγad šodong qoni maltai.* (43) «Этот тангутский народ имеет следующий скот: черных сарлыков (яков) и тангутских тонкохвостых овец»; *Zaluu ulusni, uu qangcutai, utu qormoyitai qonin arisun debeliyigi, nücügün beyede:n ümüse:d...*(43) «Их мужчины одевают на голое тело длиннополые шубы с широкими рукавами (сшитые) из овечьих шкур»; *zuni terüün qonin sarayin 15-du Nagcuu-e:ce nöüge:d...*(115)

«Выехали из Нагцу 15 числа месяц овцы, первый летний месяц».

Родительный падеж

Родительный падеж в монгольских языках характерен тем, что его форманты по сравнению с таковыми других падежей отличаются значительным разнообразием, как по звуковому составу, так и по употреблению. В исследуемом памятнике суффиксами родительного падежа являются следующие форманты: *-yin*, *-iyin/-ayin/-üyin*, *-giyin*, *-i*, *-ai/-ei,-e:-/a:-/a*, *a:n/an*.

В классическом монгольском языке при образовании родительного падежа имена с любым конечным гласным принимали показатель *-yin*, с конечным согласным *n* – *-u/-ü* с любым другим конечным согласным *-un/-ün* [Бобровников, 1849, с. 88-90; Санжеев, 1964, с. 63].

При помощи аффикса *-yin* генитив образуется от основ, оканчивающихся на гласные и дифтонги: *emčiyin* (75) «доктора», *ce:žiyin* (87) «груди», *bogdoyin* (7) «святейшего, императора», *Ayuqayin* (94) «Аюки», *buqayin* (59) «бычий», *blamayin* (59) «ламы».

Аффиксу монгольского письменного *-un* в письменном старокалмыцком (ойратском) языке соответствуют формант *-iyin/-ayin/-üyin*, представленный в нескольких алломорфах. Они присоединяются, в зависимости от сингармонизма, к основам, оканчивающимся на согласные. Формант *-giyin*, присоединяется к основам оканчивающиеся на долгую гласную и согласный *-ng*: *blamanariyin* (12) «лам», *bura:diyin* (7) «бурят», *cagiyin* (27) «времени», *de:düsüyin* (60) «небожителей», *γaza:riyin* (30) «земли», *üküriyin* (114) «коров», *bayirayin* (28) «места», *kitadiyin* (11) «Китая», *geriyin* (43) «дома», *γaliyin* (27) «огня», *angduugiyin* (27) «Анду», *köbö:giyin* (27) «берега», *bayišinggiyin* (31) «здания, дворца».

Аффиксу монгольского письменного *-u/-ü* в старописьменном калмыцком языке соответствует традиционный показатель *-i*, который

встречается в живой речи монголов [Ринчен, 1977, с. 148-150]. Он употребляется после основ на *-n*, например: *qa:ni* (47) «хана, правителя», *qoni* (103) «овцы», *teme:ni* (103) «верблюда», *modoni* (29) «дерева», *gegeni* (77) «святейшества», *burqani* (29) «бурхана», *amitani* (2) «одушевленных», *daba:ni* (71) «перевала», *qonini* (68) «овцы». Но наряду с этим особое внимание обращает на себя тот факт, что параллельно с традиционно-письменным показателем *-i*, в исследуемом памятнике широко употребляются форманты *-ai/-ei*, *-e:/-a:/-a* (в зависимости от сингармонической рядности слова), которые были присущи разговорной речи. Более того, в некоторых словах, они встречаются количественно чаще, чем формант *-i*. Например: *öüdenei* (29) «двери», *qoşunai* (95) «хошуна³²», *üsünei* (49) «молока», *qoninai* (39) «овцы», *gegene:* (37), *gegenei* (27) «святейшества», *mörinei* (57) «коня, лошади», *küünei* (42), *küüne:* (25) «человека», *mönggöne:* (40), *mönggönei* (8) «денежные».

Также зафиксированы случаи употребления формантов *-ai/-ei*, *-e:/-a:/-a* после основ оканчивающихся на согласный *-r*, которые в современном калмыцком языке свойственны разговорной речи, например: *ödörei* «дня, дневной» - *ödörei gegen tasurquyin düngge cagtu* (93) «время (суток), когда исчезает дневной свет», *ödöre:* «дня, дневной» - *Örgön yazarta:n dolo:n ödöre: örgön gene* (18) «шириной эта земля равна семи дням (езды)», *üküre:* «коровы, коровье» *Nige üküre: maqa bo:rcogla:d* (12) – «засушив (вялить) мясо одной коровы», *ükürei - Ene ükürei maqa qata:ži abudag uçir bideni* (12) «причина, по которой мы взяли сушеную говядину», *γazarai* «земли, местности, страны» - *Ene qonogson kitadiyin γazarai zaqadu kürbe* (25) «В этот ночлег мы достигли границы Китая /досл. китайских земель/», *γazara: - 11 Lang manai orosiyin γazara: nige čingnuurtu adali bolon* «досл. 11 ланов равны одному фунту нашей русской страны».

Интересно отметить тот факт, что при образовании родительного падежа в некоторых случаях употреблен показатель *-a:n/-an*, свойственный

³² Административная единица

торгутскому диалекту калмыцкого языка. Причем в некоторых словоформах этот формант используется параллельно основному аффиксу генитива. Сравнить: *uulayin bel* (54) «подножье горы»; *uula:n ö:dö ɣara:d* (41) «взобравшись на вершину горы»; *uula:n üzüür* (47) «пик горы»; *dörbön quruɣa:n düngge üld:ge:d* (43) «оставив расстояние равное, приблизительно, четырем пальцам (досл. оставив около четырех пальцев)»; *Uu müreni baruun köbö:giyin uulan de:re barıgsan kiııd* (85) «монастырь построенный на горе правого берега реки У».

Таким образом, сравнительный анализ языка памятника, содержащий разноречие в употреблении показателей падежа принадлежности, и современного калмыцкого языка, в котором выделяются следующие показатели генитива – *-а,-ә/ -ин,-ын,-гин/ -н*, указывает на то, что письменный язык на рубеже 19-20 веков претерпевает сильное влияние живой речи, где уже произошли существенные изменения. Поэтому автор наряду с традиционным архаичным оформлением родительного падежа, в большей степени отдает предпочтение живым, устным формам.

Родительный падеж в монгольских языках играет исключительную роль. Будучи «семантически весьма разнообразным», он выполняет «широкую грамматическую связь между именами самых различных значений» [Орловская, 1984, с. 29].

1. Родительный принадлежности указывает лицо или предмет, которому что-либо принадлежит в самом широком и различном смысле: *töbödiyин qudulda:čīn* (36) «тибетские торговцы», *Cayidamiyin mongγol* (39) «Цайдамский монгол», *Man-du cai qayirala:d oron nutugiyin mendü surči* (80) «Угостив нас чаем, спросил о благосостоянии нашей страны», *mörgölčīn küüinei yoson* (90) «право верующего человека», *ene zamiyin qabirγa-du γurbun anggi ba:qan nuur bayinai* (91) «Сбоку этой дороги находится три маленьких озера», *ayiliyin γaza: cai činaži uuγa:d* (99) «сварив, попили чай снаружи дома», *Ene kitadiyin qa:ni qutala balγad* (116) «Это столица китайского хана», *Burqani abural buuži* (120) «Да снизойдет спасение Бууды».

2. Родительный целого

Определенной семантической разновидностью конструкций, выражающих посессивные отношения, являются сочетания, где зависимый компонент в родительном падеже указывает на отношение части и целого: *Toboliski gedeg kobereni balγasa:r dabira:d* (4) «проехав по городам Тобольской губернии», *uulayin ö:dö γurbun duunai dūngge* (89) «вершина горы высотой около 3 километров», *γazariyin öbösün muu bolo:d* (24) «трава, будучи плохой, в этой местности», *Ene kiyidiyin erkin sümeni* (29) «главный храм этого монастыря», *Sümeyin γaza: öüdenei kirilece-dü* (29) «на крыльце двери снаружи храма», *nige qabtaγai usunai köbö:dü qonogson* (59) «переночевали на берегу какой-то лужи», *Tere γoliyin köbö: šider γazartu öbösün mel ügei šala γazar žige* (56) «у берегов той реки растительности совсем нет, сплошь бесплодная земля».

3. Родительный показывающий отношение предмета ко времени: *γaqai sarayin 1-dü basa örle: yaba:d* (90) «снова пошли утром 1 дня месяца свиньи», *ene sarayin 5-du yabubai* (31) «5 числа этого месяца вышли»,

Tege:d bide šine žiliyin mörgöl 5-du Bodaladu oči Dalai Blamayin gegen-dü mörgöbe (114) «Поэтому 5 числа достигнув Поталы, мы поклонились Его святейшеству Далай ламе в новогодний молебен», *Moγai sarayin 7-du Serteg gegen-dü bara:lqa:r odogson blama irebe.*(36) «7-го числа месяца змеи вернулся лама, посетивший Сертег-гегена», *ene Bang noyoni nige žiliyin žalbani* (49) «это годовое жалование Ван нойона», *qaburiyin söül sara ba zunai teriün saradu* (50) «в последний весенний и первый летний месяцы», *asaqani üdeyin cagtu kürči* (72) «прибыли в вечерний полдник».

4. Родительный признака образует конструкции, выражающие отношение признаков и его носителя. Определяющий или зависимый компонент представлен именем существительным в форме генитива, обладающий каким-либо качеством, свойством: *guldayin teme:n bayinai* (39) «есть верблюды на продажу», *qalimag ulusiyin yangzutai* (51) «калмыцкой внешности».

5. Родительный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом:

- *tölö:/tölö* «ради, для, за, чтобы» употребляется для обозначения причины и цели действия: *Tege:d bi yabugsan-du gereči ügeyin tölö:* (119) «по причине того, что не стало свидетеля моего путешествия»; *zarlig ülü qujulquyin tölö:dü* (119) «чтобы не нарушить его указ»; *Tege:d bide yazar oyroyin tölö: ene taragta:r yabugsan* (6) «мы поехали этой дорогой, так как расстояние по нему было короче»; *Saggiyin tölö: bičiqan buuyā:n abči yabugsan sayin bolba* (87) «Хорошо, что взяли маленькое ружье в целях безопасности»; *zuura yazartu mörini ideg muutayin tölö:* (14) «из-за того что по дороге подножный корм для лошадей был плохим».

- *dergede/dergedki* «около, рядом, перед; при, у» обозначает место или предмет вблизи которого происходит действие: *Tege:d uridaki*

yangza:r maniyigi gegenei dergede suulyaži zoog cabiyin üldel-e:ce qayiralaži.

(83) «поэтому, по старому обычаю посадили нас перед гегеном и пожаловали от остатков его трапезы»; *Ilöüni budaladu gegenei dergede qurul quraži bayidag Namžal 1) dacang geži 400 düngge quvurag-tu nige dacang bayidag.*

(83) «В Потале имеется дацан, имеющий около 400 хуваракон, именуемый Намжал-дацан, в обязанности которого входит собирать хурулы (молебны) при гегене»; *Maniyigi cuya:riyigi gegenei dergede suulya:d* (79) «усадив всех нас перед гегеном»; *16-e:ce ekileži, Žad Dongbayin 2) lung qayiralagsan-du, gegenei dergedeki soyibungyuud-tai qorin nigen küün tabun ödör sonosoba bide.*

(96) «Начиная с 16-го числа, когда нам пожаловали луна Чжад-донгба³³, мы вместе с людьми, приближенными гегену, в количестве 21 человека слушали 5 дней».

- *de:re* «на, более» указывает прежде всего на поверхность предмета, место совершается то или иное действие: *Tege:d yal üdele: baruun uulayin de:re arai geži kürbe biden.* (91) «поэтому к обеду едва добрались до вершины южной горы»; *yazar uula qada bolquyin de:re* (90) «более того, что местность эта гористая»; *Botala 1) gegci neretei ciluun uulayin de:re* (75) «На вершине скалистой горы под названием Потала».

- *doro* «под» выражает пространственные отношения, указывает на место действия: *Tere kebte:n yaba:d Paglan daba: daba:d, daba:nai doro oro:d qonobai.* (71) «Двигаясь в таком порядке, перешли перевал Паглан и внизу устроили ночлег»; *dorodu qormo:giyin öbödügiyin doro dörbön quruya:n düngge üldge:d* (43) «оставляют нижний подол, приблизительно, пальца на четыре пониже колена»; *Uulayin doro kürci nige biciqan cai cinaži uuuya:d yabuba.* (93) «добравшись подножья горы, сварили и попили чай, и снова двинулись».

- *ömönö/ ömönökön* «перед, пред» обозначает предмет, лицо перед которым происходит действие, а также время совершения действия: *Berebüng kiyidiyin ömönö beye:r.* (99) «перед монастырем Брайбун»; *Bayikal*

³³ Название буддийского сочинения

dalayin köbö:dü öriyin ömönö irebe. (6) «на рассвете достигли берега Байкала»; *naran suuquyin ömönökön buubai biden.* (57) «перед закатом солнца разбили стоянку»; *ene ödöriyin asaqaq nara suuquyin ömönökön garci yaba:d* (86) «вышли в этот день вечером перед закатом солнца».

• *dotoro/dotor* «внутри, в, среди» *Tere sümeyin dotoro bosogson kümünei düngge Mayidari burqaq* (88) «в этом храме есть статуя Будды Майтреи, величиной с человеческий рост»; *gegen mörgöl qayiraladag nige za:liyın dotor zalaraži* (76) «геген направился в зал где дает учение», *Ene Be:žinggiyin dotor arban yarun qa:nai yamun bayidag žigen.* (116) «В Пекине есть представительские учреждения более чем от 10 ханов».

Винительный падеж

Показатели винительного падежа не отличаются таким же разнообразием, каким обладают показатели родительного падежа. В «Хождении» ко всем именам при образовании аккузатива присоединяются следующие показатели: *-yigi, -iyigi, -gi*. Основная функция имени в винительном падеже – это функция прямого дополнения и обозначение одушевленного или неодушевленного объекта при переходном глаголе. При этом прямое дополнение может выступать как с показателями винительного падежа, так и без них: *olan küün alagsan küügi ba:tur sayin ere geži* (44) «человека, убившего много людей, называют батуром, хорошим мужчиной»; *tere üzegdegsen uula:n üzüüriyigi kerčiži acara:d* (47) «срезав вершину, той видимой нам горы»; *bide basa qadag zo:s örgö:d mörgöbe biden* (47) «мы тоже поклонились, принеся хадаки и деньги»; *oyironi nige küü qaliulyaži üldege:d* (58) «оставив рядом одного человека для присмотра»; *čisu kö:röülzi iredeg gem žigen* (59) «есть болезнь повышения давления крови»; *Üü müreyigi ükürei arisa:n ongyoca:r yatula:d* (85) «переправились через реку У на лодках /изготовленных/ из бычьих шкур»; *Ene kiyidiyigi Zongqabayin gegen*

bosqogsan yuuman žige (85) «этот монастырь построил Зонкапа геген»;

В монголоведении нет единого мнения по поводу употребления оформленного и неоформленного винительного падежа прямого дополнения.

В середине 19 века известный монголовед А.Бобровников писал, что показатель винительного падежа обозначается или опускается произвольно [Бобровников, 1849, с. 241]. В свою очередь, Г.Д.Санжеев утверждал о «надуманности категории определенности/неопределенности» [Санжеев, 1940, с. 212; 1953, с. 186].

Дательно-местный падеж

В языке «Хождений» датив-локатив образуется при помощи аффиксов: *-du~-dii/-tu~-tü*. Дательно-местный падеж осуществляет широкую грамматическую связь между именами: выражение различных косвенных дополнений и обстоятельств времени, места.

Дательно-местный адресата речи выражает лицо, к которому обращаются: *olži abugsan ulus qulqayıçı:su abugsan 30 düngge qonin qoş bolyon-du tüge:ži ögbe*.(61) «нашедшие поделили между палатками около 30 овец, захваченных ими у воров»; *bülütei qoş-tu бүкүли qoni, бүлү cö:n-düni qoyor qoş-tu nige qoni ögbe* (61) «многолюдной палатке дали по одному барану, а малолюдным дали по одному /барану/ на две палатки»; *Zuu šagžamuniyin Gegen-dü kürči mörgöbe*.(72) «поклонились лику Зуу-Шагжимуни»; *8-du Norbo lingқа-du oči, buri:d Agban-du bara:lqaži mendülebe*. (94) «8-го отправившись в Норбу-линк, я представился буряту Агвану³⁴»; *ene Agban soyibung-du gegene:se Ayuқayin Cebang 1) kürteküyin arға medöüle:d yabulai bi*. (93) «спрашивал я у Агвана о возможности получить Аюкаин цэван³⁵ от гегена».

³⁴ Бурятский хамбо-лама Агван-Лобсан Доржиев (1854-1938), официальный представитель Далай-ламы 13 в России.

³⁵ Название буддийского сочинения.

Дательно-местный места выражает пространственно-местные отношения, указывая на место совершения действия: *10-du Berebüng kiyid-tü mörgöke:r Lqasa-e:ce šinggekü zöüni zabsar üzüg-tü arban qoyor duunai düngge ɣazartu Gepel 2) uulayin bel-dü barigsan kiyid bayinai.* (94) «10-го числа отправился на поклонение в Брайбун-кит³⁶, который находится на расстоянии 12 километров к западу от Лхасы, у подножья горы Гепел»; *Bideniyigi örgö:dü oruula:d suulɣaži orɣula:* (106) «нас завели и усадили в здании»; *ene kiyidtü ɣangžuur Dangžuuriyin bar baraladag žige.* (108) «в этом монастыре печатают Ганджур и Данджур»; *kiyidiyin mörgöliyin orod-tu mörgöži ireküle:* (108) «поклоняясь, вошли в молельное помещение монастыря».

Дательный времени действия выражает временные отношения: *Mani arudu gegen-dü angqaraya:d ene sarayin arban tabun-du tere Cebang qayiralaqu zöbšö:röži* (94) «после нас он довел до сведения гегена /о нашей просьбе/ и они решили пожаловать Цеван 15 числа этой луны»; *Dege:d qaluuna cagtu šine maqa qadaɣalaži bolodog ügei* (13) «в жаркое время нет другого способа хранить мясо»; *Zuugiyin Lqasa-du asaqani üdeyin cagtu kürči.* (72) «добрались до Лхасы ко времени вечернего полдника».

Дательно-местный направления указывает место или предельный пункт, куда направлено действие: *Uu müreni köbö:dü ire:d qonoba* (93) «добравшись до реки У, заночевали»; *Tere sana:ndu kürküyin zabsartu* (119) «во время достижения задуманного»; *Šažini tamaɣa:n šire:-dü zalaragsan cagta:n motorta:n abudag,* «когда садится на трон, то тогда берет печать веры (досл. духовную власть) в свои руки».

Дательно-местный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом:

- *kürtele* «вплоть до, до» обозначает пространственно-местные отношения: *übüliyin dundu barš sarayin ɣurbun-du yaba:d kitadiyin*

³⁶ Название одного из самого крупного монастыря

Be:žng-dü kürtele qoyor sara ilöü yaba:d (116) «вышли 3-го февраля и ехали до китайского Пекина более 2 месяцев»; ***Nagcuu-e:ce nöüge:d Cayidamiyin zaqadu tuulai gedeg ɣazartu kürtele yabugsa:r öngžigse:r qoyor sara dunduur bolo:d*** (115) «выехав из Нагцу, провели в дневках и ночевках два с половиной месяца до места Тулай, которое находится у границ Цайдама».

• ***adali*** «подобный, похожий, как» ***Küüked ulusiyin üsün čigi manai ɣazarai küüked ulus-tu adali*** «женщины заплетают косы так же, как и наши женщины»; ***11 Lang manai orosiyin ɣazara: nige čingnuurtu adali bolon*** «*досл.* 11 ланов равны одному фунту нашей русской страны».

Орудный падеж

В языке «Хождений» имеют место следующие показатели орудного падежа:

1) после основ на краткий гласный звук, и на согласные по закону сингармонизма ***-a:r, -e:r, -i:r, -o:r, -ö:r***, при этом неустойчивый ***-n*** основы слова выпадает: ***alta:r*** (9) «золотом», ***möri:r*** (13) «лошадью», ***baqana:r*** (43) «столбом», ***de:se:r*** (43) «веревкой», ***kölgö:r*** (71) «транспортом», ***mongyolo:r*** (111) «по-монгольски»;

2) после основ с конечными долгими гласными или дифтонгами, и к словам с конечным неустойчивым ***-n***, но с предшествующим долгим гласным, а также с конечным ***-ng*** присоединяются аффиксы ***-ɣa:r, -gi:r, -ge:r, -gö:r***: ***zayidangɣa:r*** (16) «неоседланный», ***köbö:gö:r*** (45) «берегом», ***arsalangɣa:r*** (5) «рублем», ***dalayɣa:r*** (117) «океаном», ***sana:ɣa:r*** (84) «мыслью», ***önggö:r*** (52) «цветом», ***anggi:r*** (57) «зверем», ***čige:ge:r*** (10) «кумысом», ***küüge:r*** (7) «человеком». Но встречается употребление ***-ge:r*** после основы оканчивающейся на согласный ***-g***, например слово ***keregge:r*** (2) «по делу».

Эти показатели восходят к универсальным аффиксам

старописьменного монгольского языка *-be:r/-ye:r*, которые без изменений были перенесены в ойратский язык. Далее, под влиянием разговорного, они нашли отражение в вышеуказанных формантах старописьменного калмыцкого языка.

Орудный падеж имеет весьма широкий круг значений, но основной функцией этого падежа является выражение значения орудия или средства действия, и имена в этом падеже служат в предложении чаще всего дополнениями, а иногда и обстоятельствами.

Собственно орудный обозначает предмет в широком смысле слова, служащий орудием или средством для совершения действия: *tere qulaγuyičin möre:rni möškiži küre:d* (60) «достигли, следуя по следам тех воров»; *Tege:d orosa:r surqula:, ostiyag gedeg ulus biden gebe* (4) «Поэтому спросив их по-русски сказали: «Мы остяки»; *Tabқа gecüle:r barica bariulži* (1) «сделал подношение через Табка-гецюля»;

Орудный места выражает пространство или место где совершает действие лицо или находится предмет: *Qara tenggise:r yaba:d Rostoba:r ireži* (118) «по Черному морю достигли Ростова»; *baruun talayin uulayin bele:r γoliyin köbö:gö:r qada usun qoyoriyin zabsara:r yabuži bayinai.* (85) «мы движемся по подножью гор правой стороны, по речному берегу, по тропинке между скалами и водой»; *tangγadiyin zaqa:r oroži tangγad dottor qonoba biden* (43) «достигнув края тангутских земель, заночевали».

Орудный материала обозначает предмет, из которого что-либо делается: *sarlagiyin no:sa:r öböre:n neke:d kegsen qara örmöge:r uya:d kegsen yeke cačir ger* (43) «их жильё – палатка, сшитая из черной кошмы, которую они ткут из сарлычьей шерсти»; *dotoroni dunda:su qoyor baqana:r de:gše:n tula:d, γaza dörbön tala:sani de:se:r tata:d, γazartu γada:su ša:ži uya:d, tere de:süyigi öndör modo:r tulži orқogsan.* (43) «внутри по середине она подпирается двумя столбами, снаружи с четырех сторон притягивается веревками, которые привязываются к гвоздям, забитым в землю, и подпирают эти веревки высокими кольями».

Орудный образа действия характеризует то, как или при каких обстоятельствах совершается действие: *γol zürüken-e:ce töböд-tü yabuqa:n üne:r sedeži*, (2) «непреложно и всем сердцем решил совершить паломничество в Тибет»; *Tere sana:γa:r ese bolba* (118) «что было задумано, не получилось»; *Amidu yabuquni Zuu töböд kürtele ene γoso:r mörgö:d kürkü sana:tai bi gedeg žigen* (24) «Говорит: «Будучи в здравии, хочу добраться до Тибета, поклоняясь таким образом».

Совместный падеж

Данный падеж в исследуемом памятнике оформляется посредством суффикса – *-tai/-tei*, а также зафиксированы единичные случаи употребления форманта - *-tu/-tü*. Существенных различий в употреблении этих двух показателей не отмечается, но в некоторых случаях они могут нести различную семантическую окраску. По мнению профессора Г.Ц. Пюрбеева «суффикс *-tai/-tei* может подчеркивать предметный характер обозначаемого, а *-tu/-tü* его признаковость» [Пюрбеев, 1990, с. 37].

В первых грамматиках этот падеж вместе с соединительным рассматривались как формы одного падежа [Попов, 1847, с. 59; Бобровников, 1849, с. 98-99]. Автор грамматики разговорного калмыцкого языка В.Л. Котвич впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных падежа, назвав их как «соединительный I и соединительный II» [Котвич, 1929, с. 54]. Профессор Б.Б. Бадмаев назвал соединительный II совместным, что соответствует общей монголоведческой практике [Бадмаев, 1966, с. 23].

В большинстве случаев существительные **совместного падежа** встречаются в значении **имеющий что-либо, обладающий чем-либо**. Например: *Ene γazar-tu bayigsan De:dü mongγolčüud, Burqan šažitai, mongγol qudma bičigtei, quučin yangzuni mel manai dörbön oyirodiyин yangžutai bayigsan sanaži. Aduun teme:n үкүр qonin yama:n iyimi maltai* (51) «верхние монголы, проживающие в этих краях, исповедуют буддизм и имеют монгольскую письменность, быт их такой же, как и наш – ойратский.

Содержат четыре вида скота – лошадей, коров, овец и коз»; *Edenei ene bayigsan kiyid biciqan kiyid, nige süme-tei, 30-40 düngge šubinartai žigen.* (32) «этот их кид маленький, с одним храмом и около 30-40 послушниками»; *noyon kündü šaratai gekü songyog irebe* (14) «пришла телеграмма о том, что князь сильно болен (досл. тяжело ранен)».

Суффикс *-tu/-tü* зафиксирован всего лишь в нескольких случаях. Существительное с этим показателем имеет то же значение, что и с суффиксом *-tai*. Например: *kökö nuur tüšži bayigsan ö:löd ugtai nige noyon* (22) «один князь, по происхождению элют, находящийся в зависимости от Куку-нура»; *Kökö nuura:su nöüži iregsen ö:löd ugtu ulus bolodog yuuman žigen* (21) «народ этот, элютского происхождения, перекочевал из Куку-нура»; *Tere yoliyigi pirboza:r yatulagsan-du olan önggötü panar-tu zula šata:bai* (5) «когда пересекали ту реку, в разноцветных фонарях зажглись огни (лампадки)»; *Tere ulus-tu kölösön kelelcegsen-dü* (14) «с этим народом договариваясь о цене»;

Совместный падеж соучастия обозначает лицо или предмет, с которым кто-либо принимает участие в общем действии: *Ene Banggiyin qošuun Tangyad nutugtai qo:ronda:n qulayayitai bayidag žige* (48) «Хошун этого Вана и тангутские кочевья постоянно воруют друг у друга /скот/»; *šinggekü talayin ulus-ni qoton mangyad ulus-tai qo:ronda:n qulayai kö:gül kelcedeg bolonai.* (52) «на западе имеют взаимное воровство с народами под названием хотоны и татары»;

Соединительный падеж

Соединительный падеж в исследуемом письменном памятнике оформляется суффиксом *-la:/-lai/- la:i/ -le:/ -lei// -luγa*. Этот падеж был распространен в старописьменном монгольском языке, но в современных монгольских языках, он отсутствует, сохранившись только в калмыцком.

Многие монголисты считают, что в ойратском существовал лишь один падеж - совместный, который выражался двумя различными суффиксами - *luγa/-lüge* и *-tai/-tei/toi/töi*, причем первому приписывают литературный, а второму - разговорный характер (как и в старописьменном монгольском). [Лувсанбалдан, 1975, с. 51-52; Жамьян, 1988, с. 18]. Г.Д.Санжеев полагал, что первоначально в старописьменном монгольском имелись два различных падежа: соединительный (*-luγa/-lüge*) и совместный (*-tai/-tei*) [Санжеев, 1953, с. 173].

Соединительный падеж как средство грамматической связи значимого слова с послелогом

Нередко после имен в соединительном падеже выступают послелог и имена выражающие сравнение, подобие, соучастия: *Čige:ni manai čigele: adali sayiqan čigen bayinai* (10) «кумыс очень хороший, такой же как и наш»; *Ede Bariduyin gegen, Serteg gegen qoyor nasun nadalai adali* (38) «возраст Бариды гегена и Сертег гегена такой же как и мой»; *Manlai qamtu küre:ge:sü ede te:ži yarugsan yurbun qoš küün* (18) «перевозимые вместе с нами из Урги, люди трех палаток»; *Nirba Iši gedeg blamala: Küre:ge:se Gūmbum kürgüülkü kölösü surugsan-du* (14) «когда спросили о плате от Урги до Гумбума у ламы Иши»;

Соединительный выражающий время действия: *28 üdelei Irčis müreni čile:ge:d* (4) «в обед 28-го переплыли реку Иртыш»; *23-du örüün 6 casla:i keremdü suuγa:d yabugsan* (6) «23-го в 6 утра отправились на пароходе»;

В двух случаях зафиксировано употребление архаической формы соединительного падежа *-luγa*. Причем оба раза она присоединяется к причастной форме слова. Например: *Manai oros qa:nai medeldü bayigči qalimag ulus, teyimi ulusiyigi gelüing geži nere:dedeg-luγa: adali* (23) «подобно тому как называют таких людей гелюнгами калмыки, находящиеся в

подданстве нашего русского царя»; *Eden-dü mörgözi bara:lqaqu yoson Dalai Blamayin gegendü bara:lqaqu-luḡa adali yangzutai* (107) «порядок представления и поклонения такой же, как и представление перед Далай-ламой».

Исходный падеж

Традиционно, показателем исходного падежа в ойратском языке является суффикс *-e:ce*, не имеющий сингармонических вариантов. В исследуемом памятнике наряду с этим формантом широко используются показатели, характерные для разговорного языка: *-o:su/-a:su/-e:sü/-e:se/-a:sa*.

Исходный падеж имен в языке «Хождения» обозначает:

- **отправную точку любого действия или состояния в движении:** *Küre:-e:ce Alašani nutugiyin zaqa kürtele* (17) «от Урги до границ Алашаня»; *Zuuḡa:su qariqu ḡurbun mongḡol küüge:r nöküd aba: biden* (118) «мы взяли троих помощников монголов, которые тоже намеревались возвращаться из Тибета»; *Odisa-e:ce tömör tergen-dü suuḡa:d* (118) «из Одессы сели на поезд».

- **временные отношения:** *üde:se erte buubai biden* (41) «перед обедом прибыли»; *ene ödöriyin üde:sü uridu Lqasa tala bucaba* (93) «до полудня вышли в сторону Лхасы»; *erte-e:ce sedegsen sana:ḡa:n бүте:ži* (81) «осуществил давнее желание».

- **Исходный обусловленности** обозначает причину, источник действия, состояние: *Tere ayumšig-e:ce odo: ḡarba gene* (65) «сейчас избежали той опасности»;

- **Исходный сравнения** образует адъективные конструкции, в которых названия предметов, лица, с которым сравнивается другой предмет в отношении проявляемого им качества или свойства: *doro ḡazar mongḡol ulusa:su mönggö:r qobur bolži medegdenei* (111) «кажется, они беднее деньгами, чем низовые монголы»;

§3. Двойное склонение

В монгольских языках имеют место случаи употребления двойного склонения: к существительному, уже оформленному суффиксом падежа (родительного или совместного), присоединяется показатель другого падежа. Профессор Т.А. Бертагаев аффиксы двойного падежа называет «комбинированными», утверждая что, «для всех комбинированных падежных аффиксов характерно одно: первый, основополагающий аффикс, а иногда слагаемые в целом имеют несколько поблекшее грамматическое значение, специализированный, суженный смысл, сдвинутый в сторону словообразовательных аффиксов» [Бертагаев, 1969, с. 36]. В письменном ойратском известны случаи двойного склонения только с совместным падежом [Яхонтова, 1996, с. 58]. В исследуемом тексте также образование двойного склонения зафиксировано лишь с основой совместного падежа. Например: *baγa saγu yuuman qariudiyin edleber cö:n mönggöteyigi 2 abdar yuuman tiyizele:d* (40) «запечатали в двух сундуках кое-какие мелочи, необходимые на обратном пути, с небольшим количеством денег»; *Caγan išigei tögöriḡ malaγai öndör šobγor oroyituyigi ümüsüne* (43) «одевают круглые остроконечные шапки из белого войлока»;

§4. Притяжательное склонение

Категория принадлежности в монгольских языках имеет очень важное значение. Выражая принадлежность одного предмета другому, она служит одним из средств синтаксической связи слов в предложении. В грамматике монгольских языков различают личное притяжание и безличное.

В исследуемом памятнике отмечены случаи употребления грамматических показателей как личного, так и субъектного притяжаний.

Личное притяжание показывает принадлежность предмета какому-нибудь лицу и выражается личными местоимениями в форме одного из трех лиц единственного или множественного числа в родительном падеже: *burqam* (11) «мой будда»; *buuyam* (48) «мое ружье»; *Be:jing-inu* (116) «их/его Пекин»; *nutuɣa:sam* 14 (из моей страны); *nököde:rem* (107) «с моим помощником»; *ene abugsan amis bolon maliyitani ögöši ügei biden geži kele:d irebe* (60) «Прибыли, сказав: «Не отдадим ваших людей и животных, которых захватили»;

Особо активно в памятнике употребляется безличное или субъектное притяжание, выраженное с помощью суффиксов *-a:n/-e:n// -yen*. Значение определяется падежной основой, к которой присоединяются эти показатели. Если в письменном ойратском языке «притяжательные суффиксы присоединяются только к существительному в форме винительного и дательного-местного падежей³⁷», то в старописьменном калмыцком языке падежными основами являются:

1. винительный *nököde:n* (13) «своего помощника»; *qoto:n* (86) «свою еду»; *sana:ɣa:n* (62) «свои мысли»;
2. дательный *sedkilde:n* (1) «в своей душе»; *bayišing-da:n* (94) «в своем здании»; *blamada:n* (31) «своему ламе»;
3. орудный *teme:ge:re:n* (24) «на своем верблюде»; *nöküde:re:n* (15) «своими помощниками»;
4. совместный *ecegete:ge:n* (34) «со своим отцом»; *gelüngte:ge:n* (67) «со своим гелюнгом»; *teme:te:ge:n* (58) «со своим верблюдом»; *nöküd-teyige:n* (12) «со своими помощниками»;
5. исходный *nöküdüüde:se:n* (90) «от своих помощников»; *nutuɣa:sa:n* (24) «со своей страны»; *ɣazara:sa:n* (89) «со своей земли»;

³⁷ Н.С.Яхонтова Ойратский литературный язык 17 века, М., 1996, с. 58.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное указывает на цвет, размер, форму и другие качества предмета. В языке «Хождения» оно, в основном, совпадает по своему лексическому значению, грамматическим признакам и синтаксической функции с соответствующими разрядами в современном калмыцком языке. По определению А.Л. Каляева, «это такой разряд неизменяемых слов, которые находятся в препозиции к определяемому слову, показывают признак, качество, свойство предметов и явлений, и, не имея формата множественного числа, выражают путем редуPLICATION значение раздельного множества; обладают присущими им словообразовательными аффиксами, оценочными суффиксами и частицами, собственными типами основосложения, а также особой синтаксической дистрибуцией, выделяющей их из разряда имен существительных» [Каляев, 1976, с. 63-64].

Имена прилагательные, встретившиеся в языке анализируемого периода, в зависимости от их лексического значения и семантических признаков разделяются на две группы: качественные и относительные.

1. Прилагательные первой группы выражают качество, присущее предмету в большей или в меньшей степени: *bičike:n* (119) «маленький», *ba:qan* (21) «небольшой, маленький», *baγa* (1) «малый, мало», *qara* (2) «черный», *saiqan* (5) «красивый, прекрасный», *šara* (3) «желтый», *yeke* (21) «большой», *utu* (18) «длинный», *üčüiken* (119) «маленький» *tögörig* (43) «круглый».

Качественные прилагательные имеют две степени сравнения: сравнительную и превосходную. Следует заметить, что в монгольских языках эта категория имеет большое отличие от других языков. Она обладает

совершенно специфическим набором средств своего выражения.

В исследуемом тексте сравнительная степень образуется с помощью исходного падежа: *doro ɣazar mongɣol ulusa:su mönggö:r qobur bolži medegdenei* (111) «кажется (они) беднее деньгами, чем низовые монголы»;

Конструкции, выражающие степень интенсивности какого-либо признака или его превосходство, образуются следующими способами:

- употребление специальных усилительных частиц или слов *yir, kecöü, yeke, deged*. Например: *Erkešil deged yeke geküyigi sonoso:d, bayibai bi* (22) «услышав, что власть его очень большая, я оставил это намерение»; *Zaqa gazara:su iregsen töböd tangɣad ulus yir dogšin, uurtai ulus žigen* (111) «Тибетцы и тангуты, пришедшие из приграничных земель, очень свирепые и сердитые люди»; *Baya kiyidmüüd yir olan gene* (35) «говорят маленьких монастырей очень много»;

- полная редупликация качественных прилагательных. Например: *daquulži oruuludag qa:lyaci ulus, ɣarta:n urtu urtu mala:i barigsan yeke yeke beyetei ulus daquulži oruulunai*. (78) «вводят и сопровождают привратники, люди огромного телосложения и держащие в руках очень длинные плети»;

В «Хождении» отмечены случаи употребления уменьшительно-ласкательных прилагательных образованные с помощью аффиксов *-šig/-qai /-qan*. Например: *Usuni baya šig bayiži bide sayina:r ɣarba biden*. (63) «так как воды было немного, то мы спокойно прошли»; *sayiqan cengke:r kökö üzegdeži bayigsan* (92) «увидели красивое светло-синее».

2. Относительные прилагательные выражают признаки, указывающие на время, местоположение, а также обозначают наличие или отсутствие чего-либо у лица или предмета. Они образуются от глагольных и именных основ посредством суффиксации. В исследуемых текстах таковыми являются прилагательные, производные от имен посредством суффиксов – *-tai/-tei, -tu/-ta*. Например: *de:reki yangza:r* (78) «по старинному обычаю», *dotoraki yamuun* (116) «внутренние учреждения», *nige siditei Blama bayidag geküyigi*

sonoso:d (98) «услышав, что есть один чудодейственный лама», *Ogtoryoi cilge:r naratai sayiqan bayibai*. (64) «небо было ясное, солнечное, прекрасное».

Относительные прилагательные, образованные при помощи аффикса – *ki*. Например: *Tege:d sümener-tü mörgöži, yaza:ki ergice-dü nige ergibe bide* (86) «поэтому поклонились храму и обошли один раз по внешнему периметру»; *öün-dü arudaki nöküde:n küle:n 4 qonobai biden* (15) «здесь переночевали 4 дня, ожидая отставших помощников»; *29-dü örle: yarci yabuqula:ra:n, zam endöüre:d tere kiyidiyin urququ talaki uulayin ö:dön yarudag nige zama:r yabuži bayigsan* (88) «выступив по утру 29-го, мы ошиблись в дороге, и поэтому пошли по пути, который ведет в гору, располагающуюся по восточную сторону от монастыря».

Функциональная особенность прилагательных заключается в их атрибутивном употреблении. Они выступают в предложениях, прежде всего в функции определения имен существительных, занимая при этом позицию перед определяемым. Однако в контексте прилагательное может субстантивироваться. В этом случае оно изменяется по падежам, может иметь показатель множественного числа, и употребляться как подлежащее или дополнение, например: *ide:n unda:n zer-zemeš, qadag mönggön terigüten-e:ce bičiqan bičiqaniyigi örgöži takibai* (64) «совершили жертвоприношение, оставив понемногу пищи, питья, фруктов, денег и хадак»; *muudan kürči zalbariži nidün-e:ce nilbüsün yožiulži* (91) «от безысходности заплакал и начал молиться».

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное имеет грамматическое значение какого-либо количества, которое может быть определенным или неопределенным. Все имена числительные обычно подразделяются на семантические разряды: количественные, порядковые, разделительные, собирательные и дробные. В зависимости от своего разряда они получают различное морфологическое оформление. В монгольских языках числительное, как и все имена, обладают категорией падежа.

В языке «Хождений» имена числительные встречаются достаточно часто, но они представлены не всеми разрядами. Употребляются они для обозначения времени (число), указания возраста и количества действующих лиц.

1. Количественные числительные, указывающие на точное количество предметов, являются самой многочисленной группой числительных в памятнике. Данный разряд представлен и простыми, и сложными числительными: *nigen* (30) «один», *qoyor* (2) «два», *γurbun* (3) «три», *dörbön* (33) «четыре», *tabun* (2) «пять», *zurγa:n* (3) «шесть», *dolo:n* (18) «семь», *nayiman* (13) «восемь», *yisün* (26) «девять», *arban* (32) «десять», *qorin* (49) «двадцать», *γučin* (2) «тридцать», *tabin* (84) «пятьдесят», *žiran* (34) «шестьдесят», *nayan* (80) «восемьдесят», *zuun* (2) «сто», *mingγan* (16) «тысяча», *arban dolo:n* (56) «семнадцать», *Ene arban tabunai takildu* (32) «в подношении пятнадцатого числа», *qoyor tümen tabun mingγan bolba* (114) «стало двадцать пять тысяч».

Числительное «один», кроме варианта *nigen*, имеет второй вариант выражения *γagca*, которое, конечно, к значению «один» имеет свое собственное значение, например: *γagca biden-dü biši* (99) «не только одним нам»; *nadali qamtu yabuži iregsen γagca nököd mini* (119) «сопровождавший и

вернувшийся вместе со мной единственный мой помощник»; *Ene söni yagca muu möre:n beye:sen uya:d untagsan-du* (86) «в эту ночь уснул, привязав к своему телу свою единственную плохонькую лошадь».

Падежными словоформами наиболее полно представлены следующие числительные:

Таблица № 1

Именительный	<i>nigen</i>	<i>qoyor</i>	<i>γurbun</i>
Родительный	-	<i>qoyoriyin</i>	<i>γurbuni γurbunai</i>
Дательный	<i>nigen-dü</i>	<i>qoyor-tu</i>	<i>γurbun-du</i>
Винительный	<i>nige</i>	<i>qoyoriyigi</i>	<i>γurbuyigi γurbu</i>
Орудный	<i>nige:r</i>	<i>qoyora:r</i>	-

Помимо атрибутивной функции количественные числительные могут выполнять функцию соединительного союза «и», а также обобщающего слова, например: *qalqadu dörbön qa:n, dörbödiyın Dalai qa:n, Qaraša:riyın torγuud qa:n iyimi zurγa:n qa:n* (48) «всего шесть таких ханов – четыре халхаских хана, Дербетский Далай-хан и карашарских торгуты хан»; *kitad balbo kacı eyimi γurbun ondan yazariyın ulus suuži qudulda:n keži bayınai* (73) «проживают и занимаются торговлей китайцы, непальцы и качинцы – такие три иноземные народности»; *Bi ene žildü 47 nasutai, mini nököd Ulanab 43-tai, qalqa Dagba zangba 52-tai, iyimi γurbun küün* (54) «три таких человека – я, которому в этом году 47 лет, мой помощник Уланов 43 лет и халхаский Дагба Зангбе – 52 лет»; *Tege:d Gür cüng, Gür cen gedeg qoyor bicıqan kötöl daba:d* (70) «перешли две небольшие горки под названием Гюр-гюнг и Гюр-Цен».

2. Порядковые числительные, указывают на порядок или расположение предметов. В исследуемом тексте эти числительные образуются с помощью наращивания к основе формантов *-duγa:r*, *-dugči/-dügči*. Важно отметить тот факт, что два последних показателя не зафиксированы в памятниках ойратского письменного языка более раннего периода [Бадмаев, 2001, с. 93; Сусеева, 2003, с. 320; Яхонтова, 1996, с. 63]. Мы предполагаем, что аффикс *-dugči/-dügči* были присущ живому произношению ранее второй половины 18 века. Вероятно, далее, под влиянием разговорной речи он, выступая в роли универсального показателя, постепенно вытесняет из употребления общемонгольский *-duγa:r*. Что, в свою очередь, объясняет довольно частое применение в тексте «Хождения» аффикса – *-dugči/-dügči*. Сравнительный анализ показателей порядковых числительных современных монгольских языков подтверждает наше предположение: совр. калм. – *-дгч, (-двар/-двар)*, ойратов Синьцзяня КНР – *-дагчи/-дегчи, -дуһаар/-дүгээр*, совр. монг. – *-дугаар/-дүгээр*, совр. бур. – *-даху/-доху/-дэху*.

В памятнике порядковые числительные употребляются в качестве определения, например: *Ede 6 sümeiγin qoyordugci γurbudugci qoyor sümeiγin zabsartu Bogdoyin gegen suudag Labrang geži bayinai* (106) «Между второй и третьей из 6 этих кумирен находится Лабран, где живет Богдо-геген»; *Nigedügči suburγan-du ene kiyid barigsan Gendün Robiyin gegenei küür zalagsan* (106) «В первом субургане находятся останки Гендун Руба гегена, построившего этот храм»; *kitadiyin yosoni qoyorduγa:r taqa: sara möni tula* (62) «по китайскому летосчислению был второй месяц курицы».

В одном случае автором употреблена древняя форма числительного *γurbun* «три» - *γutuγa:r*, например: *γutuγa:r töünei γaza:γuur ami:ra ami:ra:n barigsan bayišingγuud bayicaγana*. (76) «в-третьих, с наружной стороны находятся байшины, построенные поодиночке, особняками».

3. Разделительные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-i:d/-e:d/-ge:d/-γa:d /-a:d*. В памятнике имеют место

числительные, образованные от основ *nigen* и *qoyor*. Они употребляются в функциях определения и обстоятельства: *töüni dotor šara kerem dörbön öngcög-te:n qoša:d duunai gene* (116) «внутри него находится желтый кремль, все четыре стороны которого по два километра»; *tani de:gši Zuudu yabuqada:n niže:d mede:tei küün-dü da:ljaži öküyin arya sanaži bayinai bi* (36) «я думаю, как бы для вашей поездки в «верховье» в Тибет поручить вас хотя одному знающему человеку»; *nige burqan, nige nom, nige suburyan yurbuyigi niži:de:r örgöbe* (79) «поднес по порядку один бурхан, одну книгу и один субурган».

4. Собираательные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов – *-uula(n)/-uura(n)*. В предложении выполняют функцию обстоятельства: *talmaš gelüngte:ge:n qoyuulan oči bara:lqaba biden* (67) «мы представились вдвоем с гелюнгом-переводчиком»; *Tere tabun teme:n aci:ya:n yurbuula yabuqa:r üüre:d* (54) «втроем пешком перетащили груз пяти верблюдов»;

5. Ограничительные числительные выражают ограничение в числе. Образуются от основы количественных числительных с помощью аффикса – *qan/-uurqan*. Например: *Tege:d bi Dorži gedeg nököd-teyige:n qoyuurqan bolo:d* (12) «поэтому, оставшись лишь вдвоем со своим помощником Доржи».

5. Кратные числительные образуются аналитическим способом, путем присоединения наречного послелога *dakiži* и слова *dabqur*. В предложении они употребляются как обстоятельство, например: *Ene kitadiyin qa:ni qutala balgad be:žing-inu yurbun dabqur kerem* (116) «столица этого китайского хана окружена тройной стеной»; *Ene yoliyin usun-du yatulaži bayiya:d, olon dakiži küün ükügsen yuuma gene* (53) «много раз здесь погибали люди, пытаюсь переправиться через эту реку»;

6. Дробные числительные образуются путем сочетания двух количественных числительных. В памятнике несколько случаев употребления этих числительных, например: *Dangšigiin örgöl-e:ce γurbunai nige qubini Demüü qutugtu-du örgözi* (83) «из подношения Дангшиги одну треть поднес Дему-хутугте»; *iregsen γurbun mörinei nigeni una:d* (103) «из трех лошадей оседлал одну».

Помимо этого дробные понятия передаются специальными словами: *örö:li, dundur*. Например: *Ene uula öndöre:re:n örö:li duunai šaquu bayiqu kebtei* (75) «высота этой горы около полукилометра»; *eyimi 7 pud dundur mönggö abqa:r* (13) «для покупки этих семи с половиной пудов серебра».

МЕСТОИМЕНИЕ

Указательно-заместительные слова или традиционные местоимения в монгольских языках представляет собой своеобразную систему, дублирующую систему назывных слов. Слова этого разряда могут заменять не только имя существительное, но и прилагательное, числительное, наречие и глагол.

Местоимения в языке «Хождения», в соответствии с монгольской лингвистической традицией можно разделить на следующие группы:

1. Личные местоимения: *bi* «я», *bide(n)/bida(n)* «мы», *ta* «вы». В памятнике не зафиксировано употребление личного местоимения 2-го лица единственного числа *чи* «ты». Что касается местоимений 1-го лица обоих чисел и 2-го лица мн. числа, то они присутствуют в той же форме и в современных монгольских языках, в том числе и в калмыцком. Следует отметить что, в памятнике местоимение *bide(n)/bida(n)* «мы» встречается как в усеченной форме, так и с конечным *-n*. К тому же в косвенных падежах местоимение 1-го лица мн. числа параллельно имеют основы *biden-/bidan-* и *man-*, которые исторически восходят к древним местоимениям – инклюзивному *bida* и эксклюзивному *ba*.

Интересен тот факт, что на протяжении всего текста автор целенаправленно, наряду с современными, использует архаичные грамматические формы. Так зафиксированы два случая употребления местоимения 3-го лица *inu* «его, ее» в форме родительного падежа ед. числа, например: *noyotai qamtu šaratuu balγasuna:su abugsan yuumas-inu* (3) «купленные в Саратове вместе с нойоном предметы /его/».

Tege:d bide yekede bayasa:d qarīži irebe biden.(35) «поэтому возрадовавшись мы вернулись назад»; *Biden mörgöži bara:lqagsan-du, tani de:gši Zuudu yabuquda:n niže:d mede:tei küün-dü da:lγaži öküyin arγa sanaži bayinai bi. Ta kölgön kümüsün bolon, zamdu keregtei yuumasa:n sayina:r*

beledün bayidag biyizata geži zarlig bolbai (36) «Когда мы сделали подношение он сказал: «я думаю, для вашей поездки в «верховье» в Тибет, поручить /вас/ хотя бы одному знающему человеку. Надеюсь, вы собираете провизию, подводы и необходимые в дороге вещи».

Парадигма склонения личных местоимений показана в нижеследующей таблице:

Таблица № 2

Падеж	Число, лицо			
	Ед.	Мн.		
	1-ое	1-ое		2-ое
Им.	<i>bi</i>	<i>bide(n)/bida(n)</i>		<i>ta</i>
Род.	<i>mini</i>	<i>bideni</i>	<i>mani/manai</i>	<i>tani/tanai</i>
Вин.	<i>namayigi</i>	<i>bideni</i> <i>bideniyigi</i>	<i>maniyigi</i>	<i>taniyigi</i>
Дат.-м.	<i>nada</i>	<i>biden-dü</i>	<i>mandu</i>	<i>tandu</i>
Оруд.			<i>mana:γu:r</i>	
Соед.	<i>nadalai</i>		<i>manlai</i>	
Совм.			<i>mantai</i>	
Исх.			<i>mana:su</i>	

Функции падежных форм личных местоимений в основном те же, что и у существительных: *Ene ödör beye mini muuqai irebe* (60) «В этот день мне стало нехорошо»; *terüün Zuudu iregsen ulus-e:ce manai zanggi sonoso:d tusuži yarugsan ulus bayiži* (71) «это были люди, которые выехали /к нам/ на встречу, узнав о нас от людей, прибывших в Тибет первыми»; *mana:su teriüle:d yabuži odlai* (64) «вышли перед нами».

2. Указательные местоимения *ene* «это», *ede* «эти», *tere* «тот», *tede* «те», *eyimi/iyimi* «такой как этот», *teyimi/tiyimi* «такой как тот» могут замещать название предмета (лица) или название ситуации. Парадигма

склонения указательных местоимений показана в нижеследующей таблице:

Таблица № 3

Падеж	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Им.	<i>ene</i>	<i>ede</i>	<i>tere</i>	<i>tede</i>
Род.	<i>öünei/öüni</i>	<i>edenei/edeni</i>	<i>töünei/töüni</i>	<i>tedenei/tedeni</i>
Вин.	<i>öüniyigi/öüni</i>	<i>edeniyigi</i>	<i>töüniyigi/töüni</i>	<i>tedeniyigi</i>
Дат.-м.	<i>öün-dü</i>	<i>eden-dü</i>	<i>töündü</i>	<i>teden-dü</i>
Оруд.		<i>edene:r</i>	<i>töüge:r</i>	<i>tedene:r</i>
Соед.			<i>töünle:</i>	
Совм.		<i>edentei</i>		
Исх.	<i>öün-e:ce</i>	<i>edene:se</i>	<i>töüne:sü</i>	<i>tedene:se</i>

Указательные местоимения могут употребляться как субстантивные и адъективные, выполняя при этом в предложении функции соответствующие функциям падежей существительных и прилагательного. Например: *Bide tedeni gertü qamdan bayibai biden.* (8) «мы вместе остановились в их доме»; *Tege:d bide tedene:r nöküü abci* (73) «поэтому мы воспользовались их помощью»; *öüniyigi Pungda Zong gene* (71) «это называют Пунгда Зонг»; *Niže:d cayigiyin usun yaryazi aba:d, töüge:re: qara cayiga:n cinaži uuya:d, mala:n uya:ži orka:d qonobai biden* (20) «набрав воды на один чай, сварили из нее черный чай, а затем, привязав скот, уснули»;

Указательные частицы *iyimi/eyimi* «такой (как этот)», *tiyimi/teyimi* «такой (как тот)» также имеют место на страницах памятника: *Tögölön uula dator & iyimi šüü yangzutai dalai* (92) «внутри окружающих гор море это имеет форму такой & (восьмерки)»; *Bide tiyimi yeke blama noyan biši bolba cigi* (99) «мы хоть и не будучи такими «высокими» ламами и нойонами»; *Qoyiqoi geži nere:dedeg mangyad nomtai ulus kebtei teyimi ulus cigi bayinai* (36) «народ этот, видимо, мусульманского вероисповедания называют Хойхой, есть народ такой»; *töüniyigi Sengge Dongžan, Cüsren Dongžan, Seteng 3) eyimi yurbun nuur gene* (91) «говорят, это такие три озера: Сенге Донгзан,

Кюсрен Донгзан и Сетенг».

3. Возвратное местоимение в памятнике представлено следующими формами: традиционно-книжной *öbörön/ öbör* «свой» и разговорной *ebere:n* (в современном калмыцком языке имеет место форма *эврә*) и форма *beye*. Довольно часто они оформляются аффиксом субъектного притяжания: *ebere:n*, *öböre:n*, *beye:n*. Кроме того, к местоимению *beye* могут наращиваться показатели личного притяжания, например: *beye-ni* «сам он», *beyem* «сам я». Следует отметить, что форма возвратного местоимения *beye* отсутствует в письменных памятниках 17 века, но зафиксирована в письмах калмыцких ханов начала 18 века [Бадмаев, 2001, с. 93; Сусеева, 2003, с. 320; Яхонтова, 1996, с. 63]. Более того, в исследуемом памятнике это местоимение имеет стройную парадигму склонения:

Таблица № 4

Падеж	<i>öbörön/ öbör</i>	<i>ebere:n</i>	<i>beye</i>
Род.	<i>öböre:nin</i>	<i>ebere:ni/ebere:nin</i>	<i>beyeyin</i>
Вин.			<i>beye/ beye:n</i>
Дат.-м.			<i>beyede</i>
Оруд.			<i>beye:r</i>
Соед.			<i>beyele</i>
Совм.			<i>beyetei</i>
Исх.			<i>beye:sen</i>

В предложении возвратное местоимение обычно выполняет функции прямого дополнения или определения: *sarlagiyin no:sa:r öböre:n neke:d kegsen qara örmöge:r uya:d kegsen yeke caçir ger* (43) ««их жильё – палатка, сшитая из черной кошмы, которую они сами ткут из сарлычьей шерсти»»; *Ebere:nin biçiqan qoto kümüsün qulduži abun suubai biden* (28) «купили для себя немного еды, провизии»;

Ebere:n šarala:d unugsan cagtuni abudag žigen (29) «собирают тогда, когда они сами пожелтеют и опадут»; ***Tere beyeni 70 yarugsan nasutai öbögön*** (44) «Сам он – семидесятилетний старик».

В случае если местоимение ***öbör*** повторяется дважды, то оно передает значение «каждый», например: ***öbö:r öböre: kangcan-du qura:d*** (95) «собираются каждый в своем канцане».

4. Определительные местоимения

К этому разряду местоимений относят слова, указывающие на совокупность лиц, предметов: ***busu*** «другой», ***bügüde, бүгүде:r, qamug*** «все, весь», ***zarim*** «некоторый, некто», ***büri, tus бүри*** «каждый». Все они, как и указательные местоимения, способны употребляться субъективно и адъективно. При объектном употреблении они могут склоняться.

Например: ***Tege:d bide yurbuula tus бүри:se:n, bogdoyin gegen bolon, yeke blamanartu abural ayiladqaba biden*** (12) «поэтому каждый из нас троих, в отдельности, попросил спасительных наставлений у Богдо-гегена и других «высоких» лам»; ***Tiyigeži iregsen ulus, tus бүри:se:n, qudulduqu yuuman yuu bayigsan abci ire:d, qudulduq bayinai*** (31) «таким образом, пришедшие люди, каждый от себя, приносит разные вещи, которыми торгует»; ***Ene zabsartu beye serge:kü-dü, tamaki tataqu-e:ce busu yuuman yuu cigi ese oldobai*** (55) «в это время, для того чтобы взбодрить себя, не нашлось ничего кроме как покурить табак»; ***Tere cam gegsen yayiqadag cam busu küün-dü qarayal ügei ongzo bayišing-du suya:d, umšilga angqaradag cam žigen*** (104) «так называемый «цам» это не тот цам, на который смотрят, это цам, при котором человек сидит, никому не показываясь, в отдельном байшине и упражняется в медитации»; ***Qamug ayiladugciyin gegen-dü mörgön, bayar yeke bolbai*** (81) «была огромная радость, когда помолился Всезнающему гегену»; ***Sayin muu qamug ken mörgökü sana:tai kümün бүгүде, tere mörgöl qayiraladag cag-tu cuglaraži ireküle:*** (76) «Когда все: и благородные, и чернь - всякий, кто имеет желание поклониться, - соберутся ко времени...»; ***ükül ügei aci:n бүгүде:n***

zöüge:d duusbai biden (55) «не умерев, закончили переносить весь груз»; *Bide cigi zarim-du yabuḡa:r yabuži bayinai* (101) «Иногда мы двигаемся пешим ходом».

5. Вопросительные местоимения представлены следующими словами: *yuuḡ* «что?», *ken* «кто?», *ali* «какой?», *aliki* «который?», *yambar* «какой?», *yamaran* «какой?», *keze:* «когда?». Все они могут без изменения формы употребляться и как неопределенные местоимения. Например: *Gegen namayigi ali oron ḡazara:n nutuḡa:su keze: ḡarugsan, zuura yambar ḡazara:r yabugsan to:tuyigi asayüži angqarabai* (31) «геген спросил меня о том, из какой страны я пришел, отправившись, какие страны пересек по пути»; *aliki qoḡuunai, nereteyigi biciži aba:d* (65) «написали наши имена и из какого мы хошуна»; *Tere ödöriyin mörgölcin ulusa:su, ken bolba cigi nige küün gegen-dü zo:giyin nige cayinig cai nige suulḡa tuturyan barigsan bolqula: ...*(77) «если кто-либо из паломников этого дня поднес чайник чая и ведро риса...»; *uridu yamaran kebe:r bara:lqaži yabugsan to:tuyigi amana sonosobur bolon* (1) «из устных высказываний узнал подробности о том, каким образом ходили на поклонение в прежние времена»; *Töüge:r yuu kekü bi geži sana:d bayibai* (61) «подумал, что я буду с этим делать».

6. Количественные местоимения «*edüi/edüü*», «*tedüi/tedüü*» означают «столько». В предложении они находятся перед существительным или глаголом и служат для передачи величины, размера, количества. Например: *ödör büri zogsol ügei nöüge:d yabuqu edüü metüyin zobalang da:ḡa:d ügei bile:* «я еще не переживал столько трудностей, подобных тому как ехать целыми днями без остановок» (60); *Mandu tedüü düngge bayiqu bolži kircegdebe* (28) «И нам показалось столько же».

ГЛАГОЛ

Глагольные формы в монгольских языках подразделяются на финитные и инфинитные. Первые, их еще определяют как окончательные, личные, соотносятся с лицом и занимают предикативную позицию в предложении. К ним относят формы изъявительного и косвенных наклонений. К инфинитным формам, называемым еще неличными, неокончательными, относятся причастия и деепричастия.

Форма глагола в монгольских языках состоит из следующих частей: а) первичной основы, б) показателя залога, в) показателя наклонения, времени, причастия или деепричастия. «Показатель времени одновременно является показателем одного из наклонений, причастия или деепричастия» [Санжеев, 1963, с. 10]. Отсутствие показателя залога свидетельствует о том, что глагол употреблен в форме действительного залога. Отсутствием показателей третьей группы определяется то, что глагол находится в форме 2-лица повелительного наклонения.

§ 1. Категория залога

В ойратском языке выделяют пять залогов: действительный, страдательный, побудительный, совместный и взаимный.

Залог, по определению Р.П. Харчевниковой, «противопоставляется по маркированности, по характеру отношений внутри конструкций, а главное направленностью действия залоговой формы к носителю действия» [Харчевникова, 1996, с. 15, 25].

Действительный залог выражается формой глагола без залоговых показателей. Остальные залог образуются от нее посредством присоединения соответствующих показателей. В то же время, некоторыми монголоведами оспаривается выделение действительного залога в

монгольских языках, во-первых, из-за отсутствия показателя, а во-вторых, из-за того, что действие здесь совершается субъектом (грамматическим подлежащим) независимо от причастности другого лица [Цыдендамбаев, 1979, с. 3].

Страдательный залог в языке «Хождений» образуется от основ переходных глаголов с помощью суффиксов – *-gda/-gde* после гласных, *-da/-de/-do/-du* после согласного –*l*, например: *olqu* «искать» - *oldobai* «быть найденным», *bariqu* «держат, ловить» - *barigda:d* «быть пойманным». Основное значение страдательного оборота – это направленность действия на объект, оформленный как субъект. Присутствие самого объекта – реального исполнителя действия – не является обязательным. Название субъекта при страдательном залоге оформляется дательным падежом: *Ene Odisayin tamožin-du barigda:d mönggöni küceži ögtölö dolo:n qono:d* (118) «будучи задержанными одесской таможней, до тех пор, пока не выплатили все деньги, провели семь дней»; *Mön tere manai sedkildü dege:d ta:sugda:d, yabuɣ:r yabuquyigi šiyide:d* (84) «Эта идея была нам по душе, поэтому решили идти пешком»; *Gebecigi ügeyiteni ulus kebtei, dorо ɣazar mongɣol ulusa:su mönggö:r qobur bolži medegdenei* (111) «/нам/ кажется, что люди бедны, они беднее деньгами, чем низовые монголы»;

Глагол в форме страдательного залога может выражать самопроизвольное действие, когда не указывается реальный исполнитель действия: *Ene yuumasiyigi üyilečinare:r damžiułži zöbšöl abutala ɣurbun dörbön ödör küle:gdebe* (78) «пока, через делопроизводителей, взяли разрешение на эти вещи, прождали три-четыре дня»; *Iyige:d cug niyile:d nige sara düngge ilöü yabudal bolži to:logda:d, yabuži ese čidaba bide* (116) «сложив все вместе, оказалось, что это предприятие займет более месяца, поэтому мы не смогли пойти»;

Совместный залог образуется с помощью форманта *-lca/-lce*. Данная форма выражает действие, осуществляемое совместно двумя или несколькими лицами. Этот залог представляет собой вторичную глагольную основу, при нем предмет-подлежащее выступает в качестве соучастника действия, совершаемого другим предметом, обозначенным в дополнении или упомянутым в контексте [Грамматика, 1983, с. 202].

Güüdeg mönggön-ni kitad cudqumar саγан mönggön cudqumar altan qoyoriyigi yeke abulcadag (111) «в денежном обращении больше берут /они/ китайское литое серебро и литое золото»; *Maniyigi üdešiži manai ende:se daqgsan nöküd Liži, ba:ryia bayigsan Badma qoyor qamdan irelcebei*. (15) «с нами приехали, провожая нас, сопровождавший спутник наш Лижи и проживающий там Бадма»; *Mal ed cai toson, šüürmeg iyimi yuuma:r qulda bolži qo:ronda:n dolig kelcene* (52) «торгуют и обмениваются между собой скотом, вещами, чаем, маслом и сушеным творогом»;

Совместный залог, в котором дополнение, обозначающее инициатора совместного действия, выражено соединительным или совместным падежом, может употребляться в значении взаимного: *Zöün talayin ulus-ni kitadtai qulayai kelcedeg, šinggekü talayin ulus-ni qoton mangγad ulus-tai qo:ronda:n qulayai kö:gül kelcedeg bolonai*. (52) «люди восточной стороны ведут взаимное воровство с китайцами, проживающие на западной стороне промышляют взаимным воровством и разбоями с татарскими и хотонскими племенами»;

Взаимный залог образуется на базе переходных и непереходных глагольных основ посредством суффикса *-lde/-ldü*, и обозначает действие, выполняемое двумя или несколькими лицами и направленное ими друг на друга.

Например: *Bide ene örüün qara dunggiyin söül cagtu boso:d, Zuudu mörgöye geži odo:d, zai kürtel ügei nara γartala küle:ži yada:d, nara γarugsan cagtu, baya Zuugiyin sümedü oči mörgö:d qariu ireži basa zai küle:ži yada:d tere kebe:r tere ulus dura:ži tülküldeži üdeyin ömönökön arai geži sümedü oroži yeke Zuudu mörgöbe bide.* (113) «Решив поклониться Большому Дзу, мы встали в это утро засветло, но так как до рассвета не оказалось свободного места и, устав ждать, на восходе солнца сходили и помолились Малому Дзу. После, вернувшись снова, и опять устав ждать свободного места, решили, толкаясь, пробираться, по примеру остальных, и к полудню еле-еле вошли в храм Большого Дзу и помолились»; *öün-dü terüün iregsen ulus, qoyino:su irekü ulusa:n küle:n, una: kölgö:n sayiruulži suuγa:d zuucin küceldekü kürtele küle:deg yuuman žigen* (56) «здесь, те, кто прибыл первым, ожидают до тех пор, пока не придут остальные пилигримы, приводя в порядок своих верховых и вьючных животных».

Побудительный залог является наиболее высокочастотным в памятнике и образуется при помощи следующих формантов, выбор между которыми зависит от конечного звука основы.

1. *-lγa/-lge* – после основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *da:lγaba* «поручать, возлагать», *buulγabai* «спускаться».

2. *-uul/-iul/-öül/-üül* – после основ, оканчивающихся на краткий гласный, который при присоединении суффикса выпадает. В том случае, если основа оканчивается на *-i*, то он сливается с суффиксом: *bariulži* «делать подношение, велеть брать», *daquula:d* «вести за собой», *medöülbe* «сообщать, известить», *kürgüülkü* «сопроводить».

3. *-γa/-ge/- qo/-qa* – после основ оканчивающихся на согласный: *kürgekü* «проводить, сопровождать», *γarγaži* «вытаскивать, извлекать», *bosqoži* «поднимать, устанавливать».

4. *-o:/-a:* – после некоторых основ оканчивающихся на краткий гласный: *zogso:ži* «остановить», *šata:bai* «зажечь».

Согласно В.Л. Котвичу, многочисленность каузативных показателей обусловлена тем, что в алтайских языках «мало самостоятельных глаголов со значением «приказать, просить, позволить» и т.д. и употребляются они только в специальных случаях» [Котвич, 1962, с. 197].

С другой стороны, до сих пор не решена проблема генезиса этих показателей. Известно, что суффикс *-lyu/-lge*, которого не существовало в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.), образовался посредством суффиксов *-l* + *-yu/-ge* [Рамстедт, 1957, с. 156]. Что касается аффикса *-uul* (в классическом монгольском *-gul*), то, по предположению Цыдендамбаева, он произошел из того же *-yu/-ge*, но произносившихся в свое время как **-yu/-gü*, и *-l*. Ученый считает, что «... в древнемонгольском языке могли иметь место два прототипа показателей: *-ɣ(V)*, т.е. согласный звук *ɣ* с неким гласным, и *-l*, которые положили начало современным суффиксам побудительных глаголов» [Цыдендамбаев, 1979, с. 89]. Что касается формантов *-yu/-ge/- qo/- qa* и *-o:/-a:*, он считает, что они произошли из единого древнемонгольского аффикса *-yu*. «Этот суффикс, по нашему мнению, «раздвоился» в живых монгольских языках: он сохранился при основах с конечным согласным (см. совр. монг. *-ga*, бур. *-ga* и *-xa* и калм. *-ɣ*), но перешел в долготу при основах с конечным гласным, что вполне понятно, так как в период образования долгих гласных в общемонгольском языке этот суффикс с конечным гласным основы составлял сочетание *-ayu/-ege*, из которого закономерно выпал интервокальный согласный, в результате чего возник современный суффикс *-aa*» [Цыдендамбаев, 1979, с. 100].

Побудительный залог может образовываться от переходных и непереходных глаголов. Данная глагольная форма выражает выполнение активного действия кем-либо (реальный исполнитель действия) по волеизъявлению субъекта, которое может колебаться от безапелляционного распоряжения до дозволения совершить действие, при наличии отрицания, препятствования или запрещения совершить его.

Edenei zang-ni qolo ʏazara:su k  n ireʒi yabuqu zanggi sonosqula:ran k  u tosuula:d, daquulʒi ireʒi gerte:n buulʏadag. (21) «у них такой обычай, если услышат они весть о том, что из дальних стран идет человек, то высылают навстречу человека и, приказав ему сопровождать вас, выделяют помещение у себя дома»; *m rg l  in ulusiyigi cubuulʒi oruula:d gegen-d  k rgeʒi motoriyin adis-tu k rtene.*(77) «поклонников заводят одного за другим, и, подведя к гегену, удостоивают принять благословение возложением руки»; * ldeliyini tere bayigsan bara: bolo: i de:rekiyin soyibungʏud bolo:d, m rg l  ina:r-t  arʒa:luulunai.* (77) «остатки раздают в благословении близким гегену лицам, прислужникам и поклонникам»; *Ene kiyidiyigi Zongqabayin gegen bosqogsan yuuman ʒige.*(85) «этот монастырь построил Цонкапа-геген»; *Bi sayina:r da:lyaʒi keles bi* (38) «я им сделаю хороший наказ»; *Tege:d mantai G mbumiyin nige em i k  n yabuʒi bayigsan-du  z  le:d, em zalaʒi arʒa:luula:d qonobai.* (41) «поэтому показали его одному гумбумскому врачу, заставили его принять лекарство и устроили ночлег»; *Teri n yabugsan ulus-tu k rci kele:d tedeniyigi zogso:ʒi orqa:d, d rb n tabun k   daquulʒi ire:d em  g :d suubai bide.*(58) «догнав впереди идущих, сказал и остановил их, взял с собой четыре или пять человек и приехал назад, мы дали ему лекарство и сидели»; *mala:n uya:ʒi orqa:d qonobai biden* (19) «привязав свой скот, устроили ночлег»; *kitad qa:n-du ilge:ge:d qayiran-du k rtegsen gene* (22) «отправив его китайскому хану, удостоился милости».

Необходимо отметить особенность старописьменного калмыцкого языка, которая отразилась на его современном состоянии, – это редукция гласных непервых слогов. В результате этого процесса фонетическое различие стало стираться, что привело к появлению так называемых каузативных дублетов, например: белд лх-белдкх «подготавливать, готовить», хоршах-хоршулх «копить, накапливать».

§ 2. Категория наклонения

Грамматическая категория наклонения – система противопоставленных друг другу форм, выражающих «отношение действия к действительности, с точки зрения говорящего лица» [Виноградов, 1986, с. 472]. По определению В.А. Плунгяна, «наклонение – это просто «грамматикализованная модальность» [Плунгян, 2000, с. 309].

Автор одной из первых грамматик монгольского языка Я.Шмидт впервые назвал шесть наклонений с включением причастия и деепричастия: изъявительное, условное, сослагательное, желательное, повелительное и неоконченное [Шмидт, 1832, с. 98]. Известный востоковед А.Бобровников исключил из числа перечисленных наклонений условное и сослагательное [Бобровников, 1849, с. 145]. Традиционно стало обозначаться изъявительное наклонение, в состав которого входят временные формы, и повелительное наклонение, в котором формально объединялись глаголы с различной модальной семантикой, названное профессором Г.Д. Санжеевым «повелительно-желательным наклонением» [Санжеев, 1963, с. 118, 150]. Р.П. Харчевникова предложила иную классификацию инвентаря повелительно-желательного наклонения в калмыцком языке, выделяя изъявительное, повелительное, желательное и предостерегательное [Харчевникова, 1994].

А. Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение, (или индикатив), выражает реальные действия, которые соответствуют действительности в том смысле, что при высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, будущем и прошедшем времени [Грамматика, 1983, с. 205].

1. Формы настоящего времени

Из показателей этой формы в памятнике имеют место *-nei/-ne, -nai/-na; -dag/-deg; -a:/ai*. В тексте ни разу не встретилась форма на *-mui/-müi*, которая зафиксирована в памятниках ойратского письменного языка более раннего периода.

Форма на – *-nei/-ne, -nai/-na* реализует значение настоящего конкретного, т.е. обозначает действие, совершающееся в момент речи, или состояние, наличествующее в момент речи: *bi kürgene bi ge:d* (14) «сказал: «я сопровождаю»; *Töüne:se casun elesün qoyuulayigi qamtu acara:d qayisun-du qayila:d, elesüni ilya:d abqula:, 2-3 a:ya usun yarunai* (35) «если растопить в котле снег с песком, а затем убрать песок, выходит 2-3 чашки воды»; *Orosiyin nutuγa:su yabugsan küün bayinai geži küün kelele:* (67) «люди сказали, что есть человек идущий из русских земель»; *Tiyimi uda:n bologsan zam-du, ene metü iregči ta yeke buyan-tai küün bayinai ta geži zarlig bolo:d* (68) «прошедшие такой дальний путь и прибывшие таким образом, вы есть, несомненно, люди очень добродетельные».

Эта форма может выражать значение настоящего расширенного времени, которое охватывает обширный временной план, а также настоящего узуального: *Cayan işigei tögöriг malayai öndör šobγor oroyituyigi ümüsüne* (43) «одевают круглые остроконечные шапки из белого войлока»; *Öün-dü qulan sürüg olon bayinai* (45) «в этом месте много куланьих стад»; *Ken medetei aqada:n cayan qadag ögöne* (113) «кто пообразованней, дает старшему хадак»; *de:güüre:n büsü büsele:d yabuna* (43) «поверх одевают ремень»; *Dotoroni šabar zuuqa ke:d töüni de:re toγ:γa:n nere:d qoto:n keži uuna* (43) «внутри устанавливают земляную печь, сверху ставят котел и готовят еду»; *kitad balbu qoyor mayimačın ola:r suuna* (76) «в большом количестве проживают китайские и непальские торговцы».

Форму многократного причастия на *-dag/-deg* тоже относят к настоящему времени изъявительного наклонения. Она обозначает реальные действия, происходящие обычно постоянно. В исследуемом памятнике она выступает, обычно, вместе с модальными частицами *ži/ žige/ žigen* и *mön*. Например: *Kitadiyin ezen qa:na:su žiliyin 24 бүкүлү мөңгөн, qoyor бүкүлү торыан žalba abudag žige.* (48) «Получает от китайского хана годовое жалование равное 24 целым слиткам серебра и 2 целым кускам шелка»; *ken yabugsan küügi kölösön aba:d kürge:d čigi bayidag ži* (6) «взимая плату, они, обычно, везут всякого проезжающего»; *Ene žalbayin mөңгөн cug nige yazar abudag biden gene.* (49) «говорили: «все это жалованное серебро мы получаем за один раз», *öün-dü 10000 ülöü küün bayidag* (74) «здесь находится более 10000 человек»; *dundukini kördög ügei žigen* (112) «середина вовсе не замерзает»; *Kitad cerigiyin küre: ene zamiyin ca:γuur barigsa:r Lqasayin γaza: bayidagiyini geži keledeg mөн* (76) «Так как лагерь китайских войск расположен за этой дорогой, то точно говорят, что он расположен вне Лхасы»; *šara ula:n dürsütei küün qamugi blama geži nere:dedeg mөн* (23) «Всех, кто облачен в красно-желтое, называют ламой».

Зарегистрировано несколько случаев употребления формы на *-a:-/ai*. Она также обозначает достоверное действие, которое началось до момента речи и продолжается в момент речи, например: *Zuuyas: su qariqu γurbun mongγol küüge:r nöküd aba: biden.* (114) «на обратном пути из Лхасы взяли троих помощников-монголов»; *basa de:re:seni išige:ge:r büri:d aba: biden* (13) «еще сверху накрыли войлоком».

В тексте зафиксированы три случая употребления вспомогательного глагола *bui*, который также может выражать действие настоящего времени, например: *Ene Žuugiyin gegenei šara süme dotor šara caγan qoyor suburyan bui* (100) «В этом желтом монастыре гегена Джуги находится два субургана³⁸, желтый и белый».

³⁸ Надгробная пирамида

2. Формы прошедшего времени

В языке «Хождений» имеют место четыре формы прошедшего времени. Форма на – *-bai/-ba, -bei/-be, -boi/-bo*, являясь в исследуемом памятнике наиболее употребительной, обозначает действие, которое завершилось незадолго до момента речи, либо свершилось в прошлом безотносительно к какому-либо другому действию или моменту.

Например: *1 sere:tei tongγorog bayigsan beleg ögöbei* (11) «подарил складной нож с вилкой»; *4-dü nöüge:d Dundu qabcaγayigi daba:d Ekin qabcaγayin šil de:re gonoboi* (63) «4-го /число месяца/ вышли и, перейдя Дунду хабцаган, устроили ночлег на вершине Екин хабцагана»; *ene ödör turša:r mörgöl ergiüle:r ödör čile:be* (31) «весь день провели в молебнах»; *bosči yabuqu arγa mini alduura:d kebtebe bi* (61) «я лежал, так как не было сил встать и идти»; *ula:giyin mörin iretele güüži Darkiyin süme Žuugiyin gegenei süme qoyor-tu mörgöbe bide* (100) «до прихода почтовых лошадей мы сходили и помолились в Даркин монастырь и храм Чжугин-гегена».

Форма на - *-lai/-la:, -lei/-le:*, по определению Санжеева, «...передает такое совершившееся действие, о котором как бы лишь упоминается, и называется либо заведомо известной изъявительной формой прошедшего времени, либо второй повествовательной достоверной, или прежде известной формой...» [Санжеев, 1963, с. 188]. В исследуемом памятнике эта форма встречается реже, чем вышеуказанная. Например: *Küre:ge:se Alašan kürtele ödör-tü nige nöüge:d yabula:* (28) «за день доехал от Урги до Алашани»; *uralan olan žile sedkilde:n sanaži yabugsan bile:bi* (1) «за много лет раньше я в душе желал осуществить /эту идею/»; *songγog coquulži nutugta:n mendü sonosqu sana:tai bile: biden* (26) «мы захотели отбить телеграмму на родину о здравии».

Изъявительная форма на *-ži/-či* имеет значение неожиданности или необычности какого-либо действия, совершенного в прошлом. Например: *I žil-du qoyor qayiraladag zang ügei ge:d angqaraži* (10) «Произнес: «Нет такой традиции, что в один год давать два /учения/»; *Serteg gegen basa ene noyondu küü ilegeži. Edeniyigi sayina:r abči yabu gekü bičig ilegeži* (41) «Сертег - геген тоже отправил к этому нойону человека. А также отправил письмо, в котором говорится, чтобы хорошо отправил этих людей».

Помимо этих форм, в тексте активно используется форма прошедшего времени на – *-gsen/-gsan/-gson/-gsön*, выражающее законченное действие. *Bide čigi cai yoyur qoyora:r yabugsan* (89) «и мы тоже питались чаем и мукой»; *Ene kiyidiyin erkin sümeni Zongqabayin gegen qubilagsan yazartu bodi modon uryugsan* (29) «Что касается главного храма этого монастыря, то на месте просветления гегена Цонкапы выросло дерево «боди»; *Tege:d tere modon de:re nige yeke suburyan bosqogson* (29) «А над тем деревом построили высокий субурган».

3. Форма будущего времени

Будущее время изъявительного наклонения в языке «Хождения» выражено формой на – *-qu/-kü*, которая восходит к причастию будущего времени. И если данные письменных памятников 17 века «свидетельствуют» лишь «о тенденции к вербализации» этой причастной формы, то уже данные памятника письменности исследуемого периода обнаруживают ее устойчивое употребление в качестве основного действия [Бадмаев, 2001, с. 120].

Например: *Basa 50 arsalang abqubi ge:d* (11) «Сказал: «Я тоже возьму 50 рублей»; *töündü tabun zurγa:n qonoqu. Una: kölgön olo:d yaba:d iretele, nige dörbön tabun qonog bolqu* (116) «Там пробудем пять-шесть дней. Пока найдем подводы, пройдут еще четыре-пять дней».

Кроме этого, анализ употребления данной формы, позволяет сделать вывод о том, что она уже обладает модальной насыщенностью и набором различных оттенков, обусловленных присоединением различных частиц. Например: *Basa bide qoyuuran zuura zamdu yabuqu cagtu, mör bolo:d amidu Zuudu kürküle: ali čigi buyan-tai yazartu örgökü keregtei* (81) «Еще в пути, мы вдвоем решили, если нам посчастливится, и мы живыми доберемся до Тибета, то необходимо будет поклониться во всех святых местах»; *töüni ünen düngge tusa kürgekü biyiza ge:d* (42) «тогда я, полагая, что он сможет принести большую пользу, сказал...»; *Sedkil mini olon zobolongtai tölö:dü ülüg dutug endöü čigi bayıqu mayı:d ügei* (120) «Душа моя страдает, поэтому, возможно, будет что лишнее, недостающее или же ошибочное».

Весьма интересно употребление формы на *-qu/-kü* с частицами отрицания *ügei, biši, -š* «не».

В некоторых случаях, причем непоследовательно, перед отрицанием *ügei* форма будущего времени на *-qu/-kü* трансформируется в разговорную аналитическую форму – *-ši ügei*. (В совр. калм. она пишется слитно – *-шго: келиго* - не скажет). При этом важно отметить, что значение категоричности отрицания достоверности действия в будущем сохраняется в обоих случаях. Например: *Züge:r tende uda:n suuži bolqu ügei gebe* (35) «сказал, что долго там оставаться будет нельзя»; *Möride:n ese öküle:tani, ene abugsan amis bolon maliyitani ögüši ügei biden geži kele:d irebe* (60) «Если не вернете наших лошадей, то и мы не отдадим этих людей и скот» - так сказав, вернулись».

Вышеуказанное значение сохраняется и при употреблении формы на *-qu/-kü* с отрицанием *biši*, например: *kereg biden, bide qoyor aminda:n mörgögsen töüge:r kücekü biši* (82) «тем, что помолились только мы вдвоем, наше дело не должно будет закончиться»;

Однако при сочетании с частицей *-š*, которая, «по мнению монголоведов, образовалась от отрицания *biši*», форма на *-qu/-kü*, утрачивая значение будущего времени, стремится обозначить несовершенство действия в момент речи [Грамматика, 1983, с. 295]. Например: *Doro yol yazartu arbin oroqoš* (112) «в долине сильно не идет /снег/»; *Ene ödör mörgölčün dege:d olon bolo:d zai kürtüküş* (113) «В этот день из-за огромного количества поклонников места не хватает» .

Рассмотрение устойчивых типов употребления временных форм в языке «Хождения» позволяют сделать вывод о том, что в конце 19 столетия в калмыцком языке уже существовали три основные формы, обладающие категориальным временным значением своего ряда по отношению к моменту речи, такими как одновременность, предшествование и следование. Более того, в определенных условиях контекста выделяются и второстепенные значения внутри этих форм, с дополнительными модальными оттенками.

Б. Повелительное наклонение

Императив выражает повеление, категорическое приказание, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам. В.А. Плунгян считает императив «универсальным грамматическим значением в языках мира» и определяет его в качестве «грамматикализованного средства выражения побуждения» [Плунгян, 2000, с. 318].

Повелительная форма 2-го лица единственного числа не имеет специальных морфологических показателей, совпадая, таким образом, с основой глагола. Например: *Tege:d nige küü ilege:d qariugiyini ab gegse:r, küre:de:n ireži* (10) «После того как /он/ сказал: «Прислав одного человека, получи ответ (букв. возьми ответ)», - вернулся в Ургу»; *Edeniyigi sayina:r abči yabu gekü bičig ilegeži* (41) «Отправил письмо с указанием: «Этих людей хорошо сопроводай».

Повелительная форма 2-го лица множественного числа образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса – *-gtün/-gtun*. Вопрос о морфологической структуре данного показателя до сих пор не является решенным. Так, Г.Д. Санжеев высказал сомнение по поводу того, что этот показатель, путем метатезы, возник из древнемонгольского – *-dqun/-dkün* [Санжеев, 1953, с. 102]. В свою очередь В.Л. Котвич, принимая показатель *-dqun* за старую форму, предложил, что формант *-gtün/-gtun* образовался в монгольском языке путем соединения элемента *-k-* с пришедшим из тюркского языка аффиксом повелительного наклонения 3-го лица обоих чисел – *-tï, -tu* [Котвич, 1962, с. 261-262].

В языке «Хождений» при передаче данной формы зафиксировано несколько случаев использования разговорного форманта – *-tan*, который, впоследствии, став более активным, вытеснил употребление показателя *-gtün/-gtun*. Например: *Mini soyibungguud-tai qamtu yabugtun* (38) «Идите вместе с моими помощниками»; *amis bolon mala:n abugtun* (60) «Возьмите своих людей и скот»; *Nadu kitad mönggön bayiqula: ögö:d töböd mönggö abugtun geküle:ni* (69) «сказал: «Если есть китайские деньги /серебро/, отдайте и возьмите тибетские деньги»; *ese kücegseni Qazan balgasuna:su abtun geži za:ži qayirala:d qariba* (3) «Уехал домой, дав указание: «Чего не хватает, купите в Казани».

В. Желательное наклонение

Данное наклонение выражает желание и намерение говорящего осуществить действие самому, либо пожелание, просьбу, позволение 2-му лицу или 3-му, чтобы действие было совершено [Грамматика, 1983, с. 231].

В исследуемом памятнике желательное наклонение для 1-го лица представлено показателями – *-su/-sü*. Эта форма указывает на то, что говорящий сам стремится совершить желаемое действие: *ükükü qubitai bolqula:, mön ene Dalai üzeži mörgö:d üküsi bi geži uyilaži zalbariba bi* (92) «Я плакал и молился, взывая: «Если суждено мне умереть, то пусть умру я,

увидев и совершив поклонение перед этим озером /морем/»; *šülü uusu gebe* (59) «сказал: «Попью-ка я бульона»;

С помощью аффиксов – *-ye/-ya* образуется волюнтатив, выражающий экспрессивные оттенки желания, намерения 1-го лица совершить действие. В этом случае говорящий адресует выполнение действия самому себе. Такое же значение этой формы находим и в ранних памятниках ойратского письменного языка [Бадмаев, 2001, с. 115]. Например: *Mini mörin... ene ayil-du qariu bucaži ireküde:n abuya ge:d üldebebi* (24) «оставил свою лошадь в этом аиле, сказав, что заберу ее назад, когда буду возвращаться»; *tani zamdu zedker ügei sayiqan yabuquyin toqai-du, zöüden-de:n sayina:r šinzileye* (10) «по поводу вашего беспрепятственного пути, я хорошенько разужаю в своих сновидениях».

Кроме этого, форма желательного наклонения на *-ye/-ya* может обозначать желание неопределенного множества лиц выполнить действие. А также способно выражать «призывы говорящего ко 2-му лицу или группе лиц принять участие в совместном действии» [Грамматика, 1983, с. 232]. Например: *Tere ači:tai qamtu taniyigi kürgeye biden gebe* (69) «Сказали: «Доставим вас вместе с тем грузом»; *Öbörön sayin dura:ra Zuudu mörgöye, zuura ükübe čigi bičiği gemšiye ge:d zürüke:n bo:γa:d ɣarugsan ulus bolo:d* (55) «будучи людьми, по собственной воле решившие поклониться Дзу и не раскаиваться даже если придется умереть в дороге, собрали всю свою волю...(букв. скрепили свое сердце)».

Форма желательного наклонения на - *-tuγai/-tügei/-tegei* выражает пожелание, разрешение совершить действие субъекту, выраженному 3-им лицом обоих чисел через 2-ое лицо. Например: *...noyan nutug oloni tölö:mörgöl örgötügei geži zöbšöl qayiralagsan* (2) «Соизволив /совершить поклонение/, сказал: «Вознесите поклонение за правителей, страну и народ!»; *Ese zöbšö:rö:d bičiği yabutuγai geküle:* (67) «Если не разрешат и скажут: «Пусть не едут!»».

Г. Предостерегательное наклонение

Дубитатив в языке «Хождений» образуется посредством аффикса - *öüzei/-uuzai*. Эта форма выражает предостережение или опасение, как бы не совершилось действие, которое является нежелательным. По поводу происхождения данного форманта существуют различные мнения ученых. Так, Л. Беше предположил, что данный суффикс представляет собой сочетание варианта аффикса причастия будущего времени -*yu* с эмфатической частицей – *jai*, которая в свою очередь состоит из -*ja* и -*i* [Bese, 1970, p. 30-31]. По мнению М.Н. Орловской данное предложение не лишено оснований [Орловская, 1984, с. 83].

Например: *zuudu kürgül ügei qori:d bayiyuuzai geži* (68) «как бы не задержали и не пустили бы в Тибет»; *γadar dotor dayin cereg iröüzei geži qali:ži bayidag yuuman gene* (105) «они охраняют /эти земли/ и смотрят: «как бы не пришли внутренние и внешние неприятельские войска»; *ene ödör nööküle: ači:tai teme:n-dü suugsan-e:ce sulu teme: unuqula: sayin boluuzai ge:d nige sulu teme: eme:l ügei bolo:d ög ke:d zayidangγa:r una:d yabubai bi* (16) «сегодня при выезде я подумал, что, может быть, будет лучше ехать на свободном верблюде, нежели на вьючном, поэтому, положив потник, без седла ехал на свободном верблюде».

§ 3. Причастные формы

В монгольских языках причастные формы играют исключительную роль. Они обладают не только глагольными, но и именными признаками. Причастия выражают действия предмета, как обладателя процессного признака. Система причастных форм весьма разнообразна, внутри нее имеются резко противопоставленные друг другу группы причастий. Некоторые причастия более глагольны, то есть обладают значением категории времени, другие же утрачивают его и становятся более субстанциональными. Это предполагает необходимость деления на

временные (настоящего, будущего или прошедшего времени), видовые (однократное или многократное) и др.

А. Причастия будущего времени

Данная причастная форма образуется с помощью суффиксов - ***-qu/-kü***. В тексте причастия будущего времени выполняют все синтаксические функции, т.е. могут служить подлежащим, определением, дополнением, обстоятельством и сказуемым.

Причастие будущего времени в роли определения: ***nada ayiladqaqu keregtei yuuman bayiqula: ali dura:ra:n ayiladqaži bayigtun geži zarlig qayiralabai*** (8) «Распорядился, чтобы мы докладывали ему в любое время если у нас возникнут какие-либо вопросы»; ***Ene to:ta:n beledkü arya bideni Yonzan qambuyin nirba Cembel gedeg töböd küün sayinar za:ži*** (13) «способ всех этих приготовлений нам хорошо подсказал Йонзан-хамбоский нирба по имени Цембел, тибетец по происхождению»; ***qoyor küün kürgekü sana:tai bolo:d teme:ni kölösön kilber bolbai*** (14) «два человека решили взять нас, поэтому цена на верблюдов стала дешевле».

Причастие в синтаксической функции имени существительного: ***Töüne:sen ireži basa qubilyan blamanar-tu cuḡa:randu kürči bara:lqaqu-du, olan bolo:d...*** (30) «Вернувшись от него, решили помолиться всем хубилганам, но их было так много...»; ***tere nige blamayin qoṣ-tu kölösön keži ačiquda:n ayiži bayinai bi*** (67) «я боюсь перевозить одного ламу и брать его с собой»; ***ḡazar ese medeküyin de:re, küü tani:d ügei bolon...*** (32) «к тому, что не знаешь местности, да еще и нет знакомых людей...».

Причастие будущего времени в функции составного сказуемого: ***sarlag üküre:r 1 aci:ni töböd 8 zo:s-tu, Lqasa-du kürgekü bolži togto:d*** (66) «договорились о перевозке в Лхасу, по 8 зосов³⁹ за один сарлычный вьюк»; ***Tege:d maniyigi Zuu-du yabuqu qoyor küün nöküd abqu boluuzai geži iredeg küün olan bolbai*** (38) «после этого стали приходить люди, в надежде, что эти

³⁹ тибетская денежная единица

два человека, идущие в Тибет, будут, наверное, брать помощников».

Б. Причастие прошедшего времени

Данное причастие образуется при помощи аффиксов: **-gsan/-gsen/-gson/-gsön**. Причастие прошедшего времени обозначает действие, которое совершилось в прошлом, т.е. до момента действия или до наступления другого действия. В тексте данная причастная форма выполняет различные синтаксические функции – субстантива, предиката, атрибута, а также объектно-обстоятельственные.

В роли субстантива: ***bide teme:nei 6 lang mönggö:r iregsen-de:n, yabudal bideni бүтүкү belegtei geži sanabai biden*** (33) «Я подумал, в том, что мы проехали это расстояние за 6 ланов, есть что-то знаменательное по отношению к нашему путешествию»; ***ene ödör nöüküle: ači:tai teme:n-dü suugsan-e:ce, sulu teme: unuqula: sayin boluuzai ge:d...*** (16) «сегодня при выезде я подумал, что, может быть, будет лучше ехать на свободном верблюде, нежели на вьючном...»;

nige mandal acarazi ögögseyigi gegen-dü yara:ra:n örgöküle: (78) «когда мы преподнесли своими руками поданный нам мандал⁴⁰»; ***qariudiyin zam todorqoi ese biçigsen-inu...*** (119) «не написание ясно обратного пути...».

В роли атрибута: ***Šine kigsen songyog gene*** (26) «говорят, телеграф этот вновь проложенный»; ***yabugsan ulusiyigi de:remde:d*** (65) «грабившие проходящих людей»; ***bide qoyor oyiro uridu qamtu mörgöl-dü yabugsan dörbön küüne:sen qoyoriyini daquula:d*** (99) «мы двое, взяв с собой еще двоих из тех четырех товарищей, которые вместе с нами ходили на поклонение прежде»; ***altalagsan de:bürtei süme bayinai*** (109) «есть храмы с позолоченной крышей».

В роли предиката: ***eden-dü teme:ge:n talbi:d yabuɣa:r zuuda:n mörgözi iregse:r ene noyoni ayiliyin oyiro ireži buugsan bayži*** (66) «остановились около жилища этого правителя, чтобы, оставив у него своих верблюдов, идти

⁴⁰ Мандал – золотое, серебряное или медное блюдо с выкованным символическим, соответствующим представлениям буддистов, изображением мира. Используется при жертвоприношениях.

дальше в Тибет пешком»; *Tere učira:r tere metü bičigsen mön* (119) «по этой причине написал»; *qoyino yabuqu küün-dü tusatai boltuγai geži sana:d čidala:ra:n bičži yabugsan bile:* (119) «написал как смог, думая: «Пусть пригодится тому, кто отправится после»».

В. Причастие настоящего времени

Данное причастие образуется при помощи аффикса – *-a:*. Оно обозначает длительное действие, которое началось до момента речи и продолжается в момент сообщения. В памятнике зафиксировано несколько случаев употребления данной формы: *Tere kebte:n nige sö:düni dülin yaba:d, nige sö:düni qono:d, yaba: yabuži 10 örüün nara γarquyin dünggedü Қараснойар gedeg қобер-тү irebe bide* (5) «Таким порядком, проехав одну всю ночь, а другую – останавливаясь для ночлега, мы 10 числа утром, примерно, около восхода солнца, прибыли в губернский город Красноярск»; *Ene sö yaba: yabutala bide, zamiyin qabirγadu γal γarči bayigsan-du manai nököd ulusa:su 2 blama kürči, uulzagsan keleži irebe* (24) «Во время движения этой ночью, в стороне от дороги показался огонь. Двое лам из числа наших помощников, отправившись туда, вернулись с рассказом».

Г. Причастие однократное

Однократное причастие образуется при помощи аффикса – *-gči*. Оно обозначает состояние или свойство предмета, или действие, которое, обычно, совершается в течение определенного времени. Причастие данной формы может выражать имя деятеля.

Tiyimi uda:n bologsan zam-du, ene metü iregči ta yeke buyan-tai küün bayinai ta geži zarlig bolo:d (68) «Произнес: «Вы, прибывшие таким образом по такому дальнему пути, несомненно, люди очень добродетельные»; *Zuudu yabugči kümün olon γarči* (120) «будет много людей идущих в Тибет»; *Töbödiyин qa:ni törö barigči Demüü qutugtu terigüten...* (96) «во главе с держащим политическую власть Тибета Деми-хутугтой...» *Ene kiyidiyin*

arudaki uula:r bayigči ritod-inu Pabang-қа:, Cubzang, Rubқang, Pürbü žog, Gečin, Raқа Brag, Brag-ri, 2) eyimi ritod nuуud bui (97) «Ритоды⁴¹, которые расположены по горам, лежащими к северу от монастыря, есть – Па-банк-ка, Цуб-занг, Руб-канг, Пюрбю-чжог, Ге-чин, Рака-Браг, Браг-ри».

В современных монгольских языках в этой причастной форме с наибольшей силой проявляется признак адъективации.

Д. Причастие многократное

Причастие многократного действия образуется от глагольной основы посредством аффикса: *-dag/-deg/-dog /-dög*. Данная форма обозначает действие не ограниченное временными рамками, а совершающееся повседневно, постоянно и многократно. В языке хождений данная форма довольно употребительна. В тексте причастия многократного действия выступают в синтаксической функции определения, дополнения и сказуемого.

Многократное причастие в роли определения: *Ene Zuugiyin oron-du iredeg mörgölčün küün olon уuman žige*. (76) «паломников, приходящих в Тибетскую страну, очень много»; *Dalai Blamayin gegen-dü ödör büri mörgödeg cag bayidag*. (76) «У Далай-ламы гегена каждый день есть время для поклонения»; *Dalai blamayin gegen zunai cagtu zalaradag bayišing Norbo lingқа geži nere:dedeg bayinai* (75) «Здание, в котором Далай-лама проводит летние месяцы, называется Норбу-линк».

В роли дополнения: *Manai oros qa:nai medeldü bayigči qalimag ulus teyimi ulusiyigi gelüng geži nere:dedeg-lуya: adali* (23) «Одинаково с тем как называют таких людей калмыки, проживающие на территории России».

Многократное причастие в роли сказуемого: *noyon gedeg nere ögödeg gene* (23) «Говорят, дают ему титул нойона»; *Ilanguya ba:riyin süme-ni yeke. Ene kiyidtü yangžuur Dangžuriyin bar baraladag žige* (108) «Особенно велик типографский монастырь. В нем печатают Данджур и Ганджур»; *Dege:d*

⁴¹ Построенные в горах помещения, в которых сидят в созерцании ламы.

qaluuna cagtu šine maqa qadaɣalaži bolodog ügei (13) «В жаркое время невозможно хранить свежее мясо».

§ 4. Деепричастные формы

Деепричастия в калмыцком языке (как и во всех монгольских языках) представляют собой одну из самых важнейших и обширнейших грамматических категорий, благодаря своей сложной морфологической и семантико-синтаксической природе. Способность деепричастия выражать «отношения действий между собой» дает возможность разделять их на сопутствующие и обстоятельственные [Бобровников, 1849, с. 305-306]. Сопутствующие являются наиболее распространенными и употребительными, хотя к ним относятся только три формы – соединительное, разделительное и слитное. Форм обстоятельственных намного больше, но они имеют сравнительно ограниченное распространение.

А. Сопутствующие деепричастия

Соединительное

Данное деепричастие образуется от основ производных и непроизводных глаголов действительного залога посредством суффикса – -*či/-ži*. Соединительное деепричастие, прежде всего, служит для выражения действия, происходящего одновременно с основным действием. При этом может быть два или три деепричастия, сопутствующих главному сказуемому. В предложении данное деепричастие выполняет функции обстоятельства и сказуемого: *Usun ügei bolqula: zogsoši ügei yuuma, tege:d bide ači:ɣa:n buulɣaži, cai činaži uuɣa:d qariu kölgö ilgeži Dagba Zamba:n abquulugsan-du, möri una:d kürči irebe* (58) «Не будь воды – не остановились бы. Поэтому мы сняли свои вьюки, сварив, напился чаю, а затем, когда отправили обоз назад, приказав забрать Дагба-Джамбу, то он прибыл верхом на лошади»;

Ene Agban soyibung-du eke:n nutug-e:ce sanagsan sana:γa:n bolon zuura zamdu yaγaži yabugsan učir bögüde:n medöülži qožim manai nutug-e:ce Zuudu ireži mörgöži bayiqu bolon, ödöge olon žile:sü na:ru kümün ire:d ügei γazarai ulus maniyigi čikileži bayiquyigi geži ereži medöülži... (81) «Обо всем доложили мы Агбану-сойбуну, и о своих намерениях, которые обдумывали еще, будучи в своих кочевьях, и о том как шли мы в дороге. А также, попросили его содействовать как всем тем, кто в последствии придет из нашей далекой страны в Тибет, так и сейчас нам, прибывшим из страны из которой уже много лет никто не ходил на поклонение».

Данное деепричастие со вспомогательными глаголами образует аналитические конструкции, в которых сама идея действия выражена деепричастием, а вспомогательный глагол добавляет видовое и модальное значение: *Tege:d duratai biši bolo:d bayitala nige qamtu nököceži yaγa:ži yabuqu bi geži sana:d qariži irebe* (38) «Я вернулся, размышляя, как мы вместе с ним поедем, раз он выразил нежелание»;

Разделительное деепричастие

Образуется с помощью суффикса имеющего следующие сингармонические варианты: *-i:d/-a:d/-e:d/-o:d/-ö:d*. Разделительное деепричастие выражает в основном последовательность действий. При этом одно действие может вытекать из другого, либо вообще не иметь логической связи друг с другом. Выполняет две синтаксические функции: сказуемого и обстоятельства.

*Qoyor ödör yabuγa:r yabugsan-du γosun quγula:d, qoyor köliyin tabag mini usuta:d, ene söni öbödö:d bayiba (85) «Из-за двух дней пешего пути сапоги мои разбились, на ногах образовались водяные мозоли и этой ночью болели»; *Tege:d bide qoš-ta:n tabun küün Cayidamiyin γazar kürtele kümüsün-dü γoyur cai maqa basa yeke keregtei bolo:d, ači:n olon bolo:d, de:reni küüni niži:d una: keregtei bologsa:r γuči šaquu ükür nayimi:d aba: biden* (115)*

«После этого мы впятером наняли около тридцати быков, так как до Цайдама необходимо иметь много муки, чая и мяса для еды, вьюков было много, а также на каждого человека нужно по подводе»; *Ene yuuman abquyin arya qayiya:d, dege:d yeke zobalang edlebe* (117) «Пережили огромные трудности, пока искали способ забрать эти вещи».

Иногда разделительное деепричастие может обозначать действие, одновременное главному: *Maryaši qorin yurbun örüün yaba:d yaldan kiyid-tü örüün dolo:n casiyin dünggedü küre:d mörgöbe* (85) «Следующим утром 23 числа, отправившись поутру, около семи часов утра добрались до монастыря Галдан и поклонились»; *Ene ödör-e:ce beye mini muura:d qani:lya:d, dörbön tabun qonog-tu šülün uuya:d kebteži bosbai* (110) «С этого дня я заболел, начался кашель, пролежав четверо или пятеро суток, и, питаюсь бульоном, я выздоровел».

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие образуется от основ непроизводных и производных глаголов действительного залога с помощью суффикса *-n*. Данная деепричастная форма выражает одновременное действие, оно вместе с основным глаголом образует единое, как бы неразрывно-слитное понятие: Например: *Öüge:r yabugsan ulus basa mörgön takin yarudag yuuman geküle:, bide basa qadag zo:s örgö:d mörgöbe biden* (47) «Когда нам сказали, что люди, проходящие через это место, молятся и делают жертвоприношения, то мы тоже поклонились, преподнеся хадак и монеты»; *Tege:d ene yörö:liyin quruliyin cagtu zarim ödörtü mörgön, zarim-da:n quruldu quran, zarim-du kölgö bederin yabuqu beledkel kegse:r bayibai bide* (114) «Во время этого «Йоролин-хурула» мы прожили, в некоторые дни совершая поклонения, в некоторые – служа в хурулах, а в некоторые дни разыскивая подводы и делая различные приготовления к отъезду»; *Ebere:nin biçiqan qoto kümüsün qulduži abun suubai biden* (28) «Мы сидели, купив немного продуктов и провизии».

При присоединении постпозитивной отрицательной частицы *ügei*

образуется отрицательная конструкция слитного деепричастия. Между тем в монголистике существуют прямо противоположные мнения по поводу данного образования [Санжеев, 1963, с. 239; Орловская, 1984, с. 149; Бадмаев, 2001, с. 142-143].

Mönggön bičiqan muuqai bolqula: γolo:d abul ügei zoba:na (36) «Если деньги плоховаты, то, пренебрегая, не берут, вызывая беспокойство»;
Töüne:sü qo:ran γaza:ra:n yabuqudu beye muu bolqu šinži γara:d bayiqula: qolocalaži yabul ügei Lqasa-du suuba (110) «После этого я заметил, что при выходе на улицу мне становилось хуже, поэтому, далеко не уходя, я оставался в Лхасе».

Б. Обстоятельственные деепричастия

Данная группа деепричастий в исследуемом памятнике представлена следующими формами: условное, целевое, предельное, продолжительное, последовательное, уступительное.

В отличие от сопутствующих деепричастий они всегда находятся в зависимом положении по отношению к главному сказуемому, так как обозначают различные обстоятельства (условия, цели, степени и т.д.).

Условное деепричастие

Условное деепричастие является наиболее распространенной формой, оно выражает действие, при условии совершения которого, происходит главное действие. Данное деепричастие образуется от основ производных и непроизводных посредством форманта: *-qula:/-küle:*, (*-qula/-küle*).

Bideni sana:n-du teriün ödöriyin mörgöl-dü mörgöküle: beleg yoro sayin geži sana:d (106) «Мы подумали, если поклониться в первый день, то это будет хорошим предзнаменованием»; *Tere učira:r qoto kündüyigi edleküle: muu bolodog kedeg:r, ödör-tü qara cai asaqaq qonogtu, caγan γoyura buda:-du uridu žiliyin namur bogdoyin küre:-e:ce borcogla:d qata:ži abugsan ükürei maqa:r šime keži edle:d yabugsan bile: biden (59) «По той причине, что если*

употреблять тяжелую пищу, то будет плохо, мы ехали, днем питаюсь черным чаем, а на ночь готовили кашу из белой муки с кусочками говядины, которую мы взяли в засушенном виде в Урге прошлой осенью».

В памятнике зафиксированы случаи употребления условного деепричастия с наращением притяжательных частиц – *-m/-mini/-tani/-ni*. Например: *Möride:n ese öküle:tani, ene abugsan amis bolon maliyitani ögüši ügei biden geži kele:d irebe* (60) «Вернулись, сказав: «Если вы не отдадите наших лошадей, то мы не отдадим этих людей и скот»; *tere tusuži iregsen 2 blama yuu bisü surqula:m biden tandu zoboqu yuuman ügei...* (73) «Когда мы спросили обо всем у тех двух лам, вышедших к нам навстречу, вам нечего беспокоиться /они сказали/»; *busu nöködüüd-tü sulu bayišing ügei bolo:d onda:n gerte buugtun geküle:ni tede onda:n ger-tü buubai* (28) «Когда сказали остальным товарищам: «Свободного байшина нет, останавливайтесь в другом доме!», - поэтому они становились в другом доме».

Целевое деепричастие

Данная деепричастная форма обозначает такое действие, которое указывает непосредственно на цель действия, выраженного изъявительной формой глагола. Оно образуется посредством присоединения аффикса *-ke:r/-qa:r*. В ойратском литературном языке 17-го века это деепричастие образуется с помощью аффиксов - *-kei/-qai* [Яхонтова, 1996, с. 98]. В исследуемом памятнике данное деепричастие малоупотребительно. Например: *3 küü Kiyagtu-du ilgeke:r šiyide:d* (13) «решив отправить 3 человек в Кяхту»; *Serayin kiyid-tü mörgöke:r 24-dü yabuγa:r γara:d* (96) «24-го вышли пешком для поклонения в монастыре Сера»; *Nöküd Dorži gegči bayišingγa:n qaraži suuqa:r üldebe* (31) «Своего помощника Доржи оставил для присмотра за байшином».

Предельное деепричастие

Предельное деепричастие обозначает степень или предел, до которого

осуществляется главное действие, или результат действия, подчеркивающий его силу или интенсивность. Образуется с помощью форманта - *-tala/-tele*, например: *Tege:d dakin yabuži, üdeyin qoyino basa nige qara cai uuγa:d yabuži ödöriyin gegen tasuratala yaba:d, qonogta:n qara γoyuriyin buda: keži uuγa:d bolonai* (90) «Так едем до конца светового дня, лишь после обеда сварив и попив черного чаю, а на ночь готовим и едим мучной будан»; *uulayin zabsara:r γarudag γol ö:dölöži sö boltala yaba:d* (102) «до наступления ночи поднимались вверх по реке, протекающей между горами».

Продолжительное деепричастие

Данная деепричастная форма также имеет место в исследуемом письменном памятнике. Эта форма обозначает действие, в течение которого совершается основное действие, или действие, за которым сразу же происходит главное действие. Образуется с помощью суффикса - *-gsa:r/-gser*, например: *Kölgönei eb ese uçiragsa:r ene sarayin šine:r yabudag ulustai qamtu yabuži ese čidaba bide* (113) «Так как мы не нашли согласия по поводу подвод, то поэтому не смогли выйти вместе с людьми, уходящими в начале месяца»; *ene Be:jinggiyin dotoraki yuuman bügüdeyigi bičigse:r todorqai bayiltai biyiza* (116) «Впрочем, кажется о том, что находится в Пекине все подробно описано»; *Mör bologsa:r ene γazartu bičiqan usun bayiži* (58) «На наше счастье, в этом месте было немного воды».

Последовательное деепричастие

Данная деепричастная форма обозначает действие, по окончании которого немедленно наступает другое. Образуется присоединением к глагольной основе форманта - *-qula:ra:n/-küle:re:n*. Например: *dege:d unda:sa:d yabuqula:ra:n Dorži bide qoyor niži:d cögöcö usu uugsan...* (87) «Сильно запалившись, мы с Дорджи выпили по чашке воды...»; *Gümbum kürküle:re:n tende Lüyice-Coyiži geži bayidag yuuman* (33) «Когда доберетесь до Гумбума, там пребывает так называемый Люце-Чойджи»; *Ene γola:su*

mendü ʏarqula:ra:n odo: nige ayimšig-e:ce ʏarula: geži yeke bayar kecegeži bayinai (53) «Когда без потерь перешли эту реку, то очень сильно обрадовались, решив что, преодолели еще одну опасность».

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие обозначает такое действие, вопреки которому совершается действие основного глагола. Данное деепричастие образуется от формы недавнопрошедшего времени изъявительного наклонения на *-ba/-be/-bo* с уступительной частицей *čigi*. Причем в памятнике прослеживается параллельное использование как аналитической, так и синтетической конструкций форманта данной деепричастной формы. Сравнить, в совр. калмыцком языке аффикс *-вчн(-вч)*.

Например: *Edenei qošuunai ʏazarni uu yeke ʏazartai bolbačigi elesün ʏobi yeketei* (22) «Земли их хошуна хоть и обширные, зато по большей части песчаные»; *Beye:r zobolong edlekü yeke bolbačigi sedkilde:n sanaqudu maniyigi küün küči:r yabuulugsan biši* (55) «Хоть и испытываю огромные лишения, но в душе своей всегда помню, что никто нас насильно не посылал»; *beyeni cuʏa:r šarrqu bolo:d odbai gebe čigi ükügsen ügei* (54) «Хоть и были все в ранах /верблюды/, но не погибли»; *Ta orosiyin ʏazartu bayidag bolba čigi Šagžamüniyin šažin-du bagtaži* (68) «Вы хоть и живете в России, вера /у вас/ буддийская».

Следует заметить, что в памятниках письменности 17-го века аффиксами образования данного деепричастия являются *-bacu/-becü/-böcü* (разг. вариант *-bači/-beči*). Этот суффикс встречается также в отдельном написании *-ba cu* и с долготой первого гласного *-ba:cu* [Яхонтова, 1996, с. 94; Бадмаев, 2001, с. 138]. Где *-cu/-cü*, как отмечал автор одной из первой грамматики калмыцкого языка А. Бобровников, «особенная частица, которая, между прочим, имеет значение и уступительной...» [Бобровников, 1849, с. 143].

НАРЕЧИЕ

Наречие функционирует в качестве обстоятельственных слов, и по своему грамматическому значению определяются как «признак признака». Один из важнейших морфологических признаков наречий то, что они соотносительны с другими частями речи. Собственно наречий, имеющих древнюю непроизводную основу, очень мало. В основном, они представляют собой именные части речи (существительное, прилагательное, числительное), которые потеряли свои предметные, качественные и количественные значения и стали выполнять обстоятельную функцию. Процесс образования наречий продолжается и в современном калмыцком языке [Монраев, 1980; Грамматика, 1983, с. 259].

Наречия, зафиксированные в исследуемом памятнике, можно разделить на три основные группы: времени, места и образа действия. По структурному составу они делятся на корневые и производные.

1. Наречия времени

Из непроизводных наречий времени можно выделить следующие слова *uridu* «раньше», *erte* «рано», *dang* «постоянно». Но все же значительную часть наречий составляют производные, возникшие благодаря адвербиализации.

Наречия времени, образованные от существительных: *γurbudugči asaqaṅ-da:n Daši Lqunbo-du ireži qonoba bide* (109) «третью ночь провели в Даши-Лхунбо»; *Tere ödörte:n dakin nöüge:d zaqa dolo:n-du sö: kürči qonogson* (25) «в тот же день мы снова кочевали и к ночи добрались до места Заха-долон, где и переночевали»; *Bayikal dalayin köbö:dü öriyin ömönö irebe* (6) «перед рассветом достигли берега Байкала»; *16 örüün-e:ce ekile:d* (36) «начиная с утра 16-го»; *Bayikaliyin köbö:ge:sü γarci yabugsan kebe:r sö dülin yaba:d, manayur 24-dü, örüüge:r bura:diyin Yaruu dacang geži üzegdebei* (7) «проехав от берега Байкала всю ночь, на завтра 24-го, утром показался бурятский Яру-дацан»; *29-dü örle: γarci yabuqula:ra:n...* (88) «выступив по

утру 29-го...»

Наречия времени, образованные при помощи аффикса *-γuur/ -güür*. К примеру: *18-du örüün sö:güür nöüge:d, tenggeri elesün γara:d, ömönö köbö:düni üdelebe biden* (25) «18-го утром, а мы кочевали еще и ночью, прошли пески Тенгери, и остановились полдничать на южной окраине»; *ede šabinar bügüde:r örüün sö:güür boso:d* (30) «все шабинеры, поднявшись рано утром, еще ночью»;

Интересно отметить, что в памятнике встречаются две формы слова «завтра», общемонгольская *marγaši* и ойратская *mangγadur/manaγur* (ср. совр. калм. маңдур), причем, первая форма, в частотном плане, наиболее употребительна. Например: *Tege:d marγaši 26 örüün nöüge:d ganggayin daba:d, šara tala gedegtü qonobai* (15) «поэтому, откочевав завтра 26 утром, перешли перевал Данга и устроили ночлег в местечке Шара тала»; *ula: күртүл үгеі өнөдөр mangγadur gegse:r bayitala* (109) «подвод не доставало, поэтому говорили сегодня-завтра /прибудут подводы/»;

2. Наречие места

Наречия места, образованные от существительных: *uulayin bel-dü barigsan kiyid bayinai* (94) «есть храм, построенный у подножья горы»; *γoliyin qoyor talayin uula yeke öndör, baruun talayin uulayin bele:r γoliyin köbö:gö:r qada usun qoyoriyin zabsara:r yabuži bayinai* (85) « по обеим сторонам горы скалы очень высокие, поэтому мы идем по склону правой горы, по берегу реки, по дорожке между скалами и водой»; *Ene Üü müren šide:re:r bayigči kiyid* (97) «храм, находящийся у реки У»;

Наречия места, образованные при помощи адвербиального аффикса *-gša:n/-gši:n*. Например: *Tege:d ene Uu müren-dü uruugši:n Lqasa kürtele yabudag ongγoco bayidag geküle:* (93) «сказали, что вниз по этой реке У до Лхасы плавают лодки»; *uula:su dorogši:n buuži ireküle:* (52) «спустившись с горы вниз»; *Tere önggöni na:du zaqa-e:ce ca:gšin tuugda:d, usuni önggö qo:caγan bolži üzegdene* (92) «цвет тот простирается от этого берега к другому, и

поэтому кажется, что вода белая-белая».

Наречия места, образованные при помощи аффикса *-γuur/-güür*. Например: *Kitad cerigiyin küre: ene zamiyin ca:γuur barigsa:r Lqasayin γuza: bayidagiyini geži keledeg mön.*(76) «так как лагерь китайских войск построен за этой дорогой, то говорят, что он находится вне Лхасы»; *Ene usun uridu žildü mörinei sayir de:güür güyži bilei gene* (57) «говорят, в прошлом году вода /в реке/ была выше крупа лошади»; *tedeni dunda:γuur bogdoyigi žuuza:r zayila:d γarqula:* (9) «между ними проносили на носилках Богдо».

3. Наречие образа действия составляют наиболее многочисленную группу. Например: *Tere aci:tai qamtu taniyigi kürgeye biden gebe* (69) «доставим вас вместе с тем грузом»; *amura:r suuži bayigtun geži zarlig qayiralabai* (32) «повелел, чтобы мы чувствовали себя спокойно»; *Küüke:d ulus üse:n nari:r olon güre:d* (43) «девушки заплетают свои волосы во множество тоненьких косичек»; *tere oronai zang buyani sana:γa:r mörgöle:r yabuqu küün biciqan qoto üüre:d, yabuγa:r yabuži mörgöküle:, buyan yeke gedeg zangtai.* (84) «в понятиях той страны считается, что если человек добродетельных помыслов, отправляющийся на поклонение, совершит свой путь пешком, неся за спиной немного еды, то добродетель его будет еще больше»; *Mön tere manai sedkildü dege:d ta:sugda:d* (84) «это было мне очень по душе»; *Ene γazara: qudulduži abudag qoto, bogdoyin küre:ge:se kilber bayinai* (35) «покупаемые в этой стране продукты дешевле, чем в Урге».

Анализ письменного памятника показывает, что данный класс слов на рубеже 19-20 веков образуется и пополняется за счет тех же ресурсов, что и в современном калмыцком языке. По определению А.М. Пешковского образование наречий «заключается в так называемой «изоляции» какого-нибудь одного падежа существительного или прилагательного из общей системы склонения. «Изоляция» эта протекала, понятно, очень медленно» [Пешковский, 1934, с. 129]. Язык «Хождений» наглядно отображает один из периодов этого явления в калмыцком языке.

ПОСЛЕЛОГИ

Для выражения пространственно-временных, причинно-целевых и других отношений в синтаксически организованной единице, употребляются послелого, многие из которых представляют собой застывшие отглагольные и именные падежные формы. Как отмечает М.Н. Орловская «главная роль в превращении знаменательного слова в служебное принадлежит синтагматическому изменению слова, постепенному расширению его валентности и набора сочетаемых слов, что в итоге ведет к утрате словом лексической полновесности и к появлению в исходном значении нового отвлеченного значения, свойственного служебным словам» [Орловская, 1988, стр. 26].

В отличие от наречий послелого не являются самостоятельными лексическими единицами с присущими им морфологическими, семантическими и синтаксическими признаками. Они не могут быть самостоятельными членами предложения. Их роль и значение проявляется в предложении при выражении различных синтаксических отношений [Тодаева, 1962, с. 133-147].

В исследуемом памятнике встретились послелого, которые можно разделить на следующие группы: пространственные, временные, целевые, совместные, сравнения.

Пространственные послелого:

1. *de:re* «на, более» указывает, прежде всего, на поверхность предмета, место совершается то или иное действие: *Tege:d yal üdele: baruun uulayin de:re arai geži kürbe biden* (91) «поэтому к обеду едва добрались до вершины южной горы»;

2. *doro* «под» выражает пространственные отношения, указывает на место действия: *Tere kebte:n yaba:d Paglan daba: daba:d, daba:nai doro oro:d qonobai* (71) «Двигаясь в таком порядке, перешли перевал Паглан и внизу устроили ночлег»;

3. *ömönö/ömönökön* «перед, пред» обозначает предмет, лицо перед

которым происходит действие, а также время совершения действия:
Berebüng kiyidiyin ömönö beye:r (99) «перед монастырем Брайбун»;

4. *dotoro/dotor* «внутри, в, среди» *Tere sümeyin dotoro bosogson kümünei düngge Mayidari burqan* (88) «в этом храме есть статуя Будды Майтреи, величиной с человеческий рост»;

5. *dergede/dergedki* «около, рядом, перед; при, у» обозначает место или предмет вблизи которого происходит действие: *Tege:d uridaki yangza:r maniyigi gegenei dergede suulyaži zoog cabiyin üldel-e:ce qayiralaži* (83) «поэтому, по старому обычаю посадили нас перед гегеном и пожаловали от остатков его трапезы». Важно отметить тот факт, что, по сравнению с современным монгольским языком, в современном калмыцком языке данный послелог не употребляется. Однако в языке «Хождения» послелог *dergede* использован автором, в различных словоформах, около десяти раз. Этот послелог встречается и в ойратском литературном языке 17 века [Яхонтова, 1996, с. 101].

6. *zabsartu* «между», например: *Ede 6 sümeyin qoyordugci yurbudugci qoyor sümeyin zabsartu Bogdoyin gegen suudag Labrang geži bayinai* (106) «Между второй и третьей из 6 этих кумирен находится Лабран, где живет Богдо-геген». Этот послелог также не свойственен калмыцкому языку в той мере, в которой он употребляется в монгольском языке. Вполне вероятно, что общение в течение двух лет в халха-монгольской среде отразилось в языке автора, который вместо исконно калмыцких словоформ (*хоорнд*, *дунд* «между») использует монголизмы.

7. *kürtele* «вплоть до, до» обозначает пространственно-местные отношения: *übüliyin dundu barš sarayin yurbun-du yaba:d kitadiyin Be:žng-dü kürtele qoyor sara ilöü yaba:d* (116) «вышли 3-го февраля и ехали до китайского Пекина более 2 месяцев».

8. *arudu* «за, сзади, после», например: *Mani arudu gegen-dü angqaraya:d ene sarayin arban tabun-du tere Cebang qayiralaqu zöbšö:röži* (94) «после нас он довел об этом до сведения гегена и они решили пожаловать Цеван 15

числа этой луны».

9. *oyiro* «около, вблизи», например: *Oser Žana gedeg ayiliyin oyiro qonoba* (87) «ночевали около селения под названием Осер Дзана».

10. *tala* «к, по направлению», указывает направление к предмету. Например: *Kiyid tala zalaraquyini uridu nada zarlīg bololai* (37) «Перед отъездом в кид /монастырь/ он мне повелел».

Временные послелого

1. *turša:r* «в течение» *ene ödör turša:r mörgöl ergiüle:r ödör cile:be* (31) «Этот день, в течение которого (мы) молились и делали круговращения, закончился».

2. *zabsartu* «в течение, между тем как» *Tere sana:ndu kürküyin zabsartu* (119) «между тем как, достиг задуманного»;

3. *düngge/düngge-dü* «около» *bide nara oroquyin düngge-dü ireži* «мы прибыли на закате»; *Ene sö söni örö:löi düngge cagtu yazar ködölö:d ayiba bide* (17) «В эту ночь, около полуночи, случилось землетрясение, мы испугались». Данный послелог интересен тем, что также не встречается в современном калмыцком языке.

Целевые послелого

1. *tölö:/tölö:dü* «за, ради», например: *zarlīg ülü qujulquyin tölö:dü* (119) «ради того чтобы не нарушить просьбы»; *Saggiyin tölö: bičiqan buuyā:n abči yabugsan sayin bolba* (87) «Хорошо что, для защиты, мы взяли с собой маленькое ружье».

Совместные послелого

1. *qamtu* «вместе», например: *nadali qamtu yabuži iregsen jagca nököd mini* (119) «вместе со мной совершивший паломничество единственный помощник мой»;

Послелого сравнения

1. *adali* «подобный, похожий; словно, как», например: *Küüked ulusiyin üsün čigi manai yazarai küüked ulus-tu adali* «женщины заплетают косы также, как и наши женщины»; *Čige:ni manai čigele: adali sayiqan čigen*

bayinai (10) «кумыс очень хороший, такой же как и наш».

2. *düngge* «около», например: *Plöüni budaladu gegenei dergede qurul quraži bayidag Namžal dacang geži 400 düngge quvurag-tu nige dacang bayidag* (83) «В Потале имеется дацан, имеющий около 400 хуvaraков, именуемый Намжал-дацан, в обязанности которого входит собирать хурулы (молебны) при гегене».

3. *metü* «подобно, словно», например: *Ene metü 1891-dügči žildü nutuγa:sa:n γarči yaba:d* (119) «Подобно тому, как в 1891 году мы вышли из своих кочевий»; *Üligerleküdü bičiqan küüked elesün uulayigi šuba:lγaži obo:la:d na:dadag metü teyimi üzegdene* (101) «Они /горы/ кажутся такими, словно, маленькие дети, играясь, насыпали песочные горки».

4. *kebtei/kebe:r* «словно, будто, также», например: *Bayıqaliyin köbö:ge:sü γarči yabugsan kebe:r sö dülin yaba:d* (7) «Тем способом, как мы выехали от берегов Байкала проехали всю ночь»; *Tögölönde:n nige duunai kebtei baγa bolbacigi sümeni yekešig bayinai* (108) «Он /монастырь/ хоть и был не большой, по периметру около 1 километра, храм там огромный».

По своему происхождению послелогои неоднородны, они соотносятся с отыменными, отглагольными и наречными словами. Из вышеприведенных примеров видно, что в конце 19 века процесс пополнения этих слов за счет различных частей речи столь же интенсивен, что и современном калмыцком языке.

ЧАСТИЦЫ

Частицы – это разряд служебных слов, объединяемых в особую часть речи потому, что они лишены лексического значения. Элементы, «относимые в разряд частиц, участвуют в формировании структурно-семантических типов предложений, передающих отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, и в выражении субъективно-модального отношения говорящего к высказываемому» [Шевернина, 1980, с. 20].

В языке памятника определены следующие группы частиц:

1. Лично-предикативные частицы *bi*, *bide*, *ta* образовались от личных местоимений 1 и 2 лица обоих чисел. В памятнике ни разу не встретилась частица 2 лица единственного числа *či*. Например: *Tiyimi uda:n bologsan zam-du, ene metü iregči ta yeke buyan-tai küün bayinai ta geži zarlig bolo:d* (68) «прошедшие такой дальний путь и прибывшие таким образом, вы есть, несомненно, люди очень добродетельные»; *Ene žalbayin mönggön cug nige yazar abudag biden gene* (49) «говорили: «все это жалованное серебро мы получаем за один раз»; *Basa 50 arsalang abqubi ge:d* (11) «Сказал: «Я тоже возьму 50 рублей».

2. Вопросительные частицы *-uu/-üü/-yü* употребляются в предложениях вопросительной конструкции. Например: *ta nuyuud zamdu amur sayin irebüü, oron nutug tus büridüyin šažin törö tübšin sayiqan bayinuu geži* (79) «Геген спрашивал: «Все ли в дороге пришли в добром здравии и пребывает ли в мире вера и власть каждой (пройденной вами) страны?»; *Tenegsen qoyor küügi ken čigi keregtei-dü üzeši ügei bolqu bišiyü ge:d* (42) «Я думал: «На двух бродячих людей, никто ведь не посмотрит как на людей нужных».

3. Подтвердительные частицы и слова *mön/ laban/ yuuma/ yuuman* подтверждают достоверность высказывания. Например: *Aruda:su yabugsan ulus, adayaži yaba:d ene zunai dundu sarayin 10 düngge:r nayižidu kürke:r*

šiyide:d Gūmbum de:re:se sonosogson mōn (56) «Еще в Гумбуме мы точно слышали, что те, кто идут с севера спешат, рассчитывая прийти в Найджи около 10 числа среднего месяца лета»; ...*yuuman üreši ügei tanil bologsan nōködüüd yabuna laban* (82) «Ведь идут с нами товарищи, ставшие нам друзьями, которые не позволят пропасть этим вещам...»; *Šara šažintai kiyid olon bayidag bolba čigi aldar yeketei dōrbōni keledeg yuuman bayiži* (98) «монастырей желтой веры хоть и много, но, говорят, самые прославленные – эти четыре».

4. Усилительно-выделительная частица *čigi* усиливает общее утвердительное значение слова. Например: *mōr bolo:d amidu Zuudu kūr küle: ali čigi buyan-tai yazartu örgökü keregtei* (81) «Если посчастливится мне во здравии добраться до Дзу, то необходимо будет поклониться всем, какие есть, священным местам».

5. Модальные частицы и слова «придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера», например такие как: совет, колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. [Грамматика бурятского языка, 1962, с. 321]. В исследуемом памятнике встречаются следующие единицы данной группы: *yir, biyiza, ži/ žige/ žigen/ žiyan, biltei, kebtei*. Дефиниция данной группы не ограничивается вышеуказанными частицами и словами, так как в выражении всего богатства субъективно-модальных оттенков и экспрессивных значений участвуют и утвердительные, и вопросительные, и усилительно-выделительные частицы в сочетании с другими частицами или же самостоятельно. Например: *Maniyigi uda:n ire:d ügei qolo yazariyin küün ge:d qayiralagsan biyiza* (99) «Возможно, снисходительно к нам относились из-за того, что мы были люди, пришедшие из далекой страны, из которой долгое время никто не приходил»; *Zaqa yazara:su iregsen töböd tangγud ulus yir dogšin uurtai ulus žigen* (110) «Тибетцы и тангуты, приходящие из приграничных районов, очень свирепые и злые люди»; *yurbun tuulai-e:ce ene Dundu nayiži kūrtele qoyor zuun 200 duunai yazar bayiqu biltei geži kircegdene* (56) «Считают, что от Гурбун-

туулая до этого Дунду-найджи будет, приблизительно 200 километров»; *...zuučin küceldekü kürtele küle:deg yuuman žigen* (56) «...ждут до тех пор, пока не подойдут все пилигримы»; *Nige üzüüre:süni nige üzüür kürteleni zuun alda bayinai kebtei* (100) «От одного конца к другому будет, примерно, около 100 сажень».

В памятнике наиболее употребительна модальная частица *ži/ žige/ žigen/ žiyan*. Вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajuju*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица –*ж*.

6. Частицы отрицания

В языке «Хождений» встретились следующие отрицательные частицы препозиционные *ese, ülü, bičigei* и постпозиционные *ügei, biši, -š*, «не». Например: *zuura ükübe čigi bičigei gemšiye ge:d* (55) «сказал /себе/: «Если и придется умереть по дороге, не стоит раскаиваться (винить кого-либо)»; *Sedkil mini olon zobolongtai tölö:dü ülüg dutug endöü čigi bayiqu may:d ügei* (120) «Душа моя страдает, поэтому, возможно, будет что лишнее, недостающее или же ошибочное»; *Ene ödör mörgölcin dege:d olon bolo:d zai kürtüküş* (113) «В этот день из-за огромного количества поклонников места не хватает»; *Aduun mal keb yanza:r sayiqan biši kebtei elžige olon* (111) «Лошади по внешнему виду кажутся некрасивыми, ослов множество».

Заметим, что в тексте памятника один единственный раз употреблена отрицательная частица *ülü*. Она используется автором в следующем предложении: *bodi modoni nabči:su ülü arša:laqu küün geži yir bayiqu ügei gene* (29) «Говорят, что нет ни одного человека, который не причастился бы листьями дерева Боди».

В современном калмыцком языке данная частица отрицания отсутствует [Пюрбеев, 1975, с. 331]. Однако она в формах *ул* и *эл* часто встречается в тексте эпоса «Джангар» [Пюрбеев, 1993, стр. 83]. По данным исследователя калмыцкого языка 18 века Д.А. Сусевой, эта частица «еще

совсем недавно была широко употребительна» [Сусеева, 2003, с. 325]. Данный пример наглядно демонстрирует принципиальную позицию автора по отношению к архаичным и устаревающим грамматическим формам, которые «красной нитью» пронизывая весь текст, олицетворяют собой определенные этапы развития калмыцкого языка и, тем самым, придают произведению неповторимую уникальность.

ВЫВОДЫ

В общем, система имен в языке «Хождений» совпадает с системой современного калмыцкого языка.

Вместе с тем в исследуемом тексте зарегистрированы некоторые особенности. Например, употребление показателя множественности *nyyuid*, который в современном калмыцком обнаруживает себя, как застывшая форма, лишь в нескольких словосочетаниях. Причем в памятнике также зафиксирован сингармонический вариант этого форманта – *nöğüüd*, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке 18-го века, так как в письменных памятниках ойратского языка 17-го века «он не имеет сингармонических вариантов».

Сравнительный анализ языка памятника, содержащий разноречие в употреблении показателей падежа принадлежности, и современного калмыцкого языка, в котором выделяются следующие показатели генитива – *-а,-ә/ -ин,-ын,-гин/ -н*, указывает на то, что письменный язык на рубеже 19-20 веков претерпевает сильное влияние живой речи, где уже произошли существенные изменения. Поэтому автор наряду с традиционным архаичным оформлением родительного падежа, в большей степени отдает предпочтение живым, устным формам.

В исследуемом тексте порядковые числительные образуются с помощью наращивания к основе формантов *-duya:r*, *-dugči/-dügči*. Важно отметить тот факт, что два последних показателя не зафиксированы в

памятниках ойратского письменного языка более раннего периода. Мы предполагаем, что аффикс *-dugčĭ/-dügčĭ* были присущ живому произношению ранее второй половины 18 века. Вероятно, далее, под влиянием разговорной речи он, выступая в роли универсального показателя, постепенно вытесняет из употребления общемонгольский *-duγa:r*. Что, в свою очередь, объясняет довольно частое применение в тексте «Хождения» аффикса – *-dugčĭ/-dügčĭ*. Сравнительный анализ показателей порядковых числительных современных монгольских языков подтверждает наше предположение: совр. калм. – *-дгч, (-двар/-двар)*, ойратов Синьцзяня КНР – *-дагчи/-дегчи, -дуһаар/-дүгээр*, совр. монг. – *-дугаар/-дүгээр*, совр. бур. – *-даху/-доху/-дэху*.

Следует отметить, что форма возвратного местоимения *beye* отсутствует в письменных памятниках 17 века, но частично зафиксирована в письмах калмыцких ханов начала 18 века. Более того, в исследуемом памятнике это местоимение имеет уже стройную парадигму склонения.

Большой интерес представляет особенность старописьменного калмыцкого языка, которая отразилась на его современном состоянии, – это редукция гласных непервых слогов. В результате этого процесса фонетическое различие стало стираться, что привело к появлению так называемых каузативных дублетов, например: белдүлх-белдкх «подготавливать, готовить», хоршах-хоршулх «копить, накапливать».

Будущее время изъявительного наклонения в языке «Хождения» выражено формой на – *-qu/-kü*, которая восходит к причастию будущего времени. И если данные письменных памятников 17 века «свидетельствуют» лишь «о тенденции к вербализации» этой причастной формы, то уже данные памятника письменности исследуемого периода обнаруживают ее устойчивое употребление в качестве основного действия.

Рассмотрение устойчивых типов употребления временных форм в языке «Хождения» позволяют сделать вывод о том, что в конце 19 столетия в калмыцком языке уже существовали три основные формы, обладающие категориальным временным значением своего ряда по отношению к моменту

речи, такими как одновременность, предшествование и следование. Более того, в определенных условиях контекста выделяются и второстепенные значения внутри этих форм, с дополнительными модальными оттенками.

Группа обстоятельственных деепричастий в исследуемом памятнике представлена следующими формами: условное, целевое, предельное, продолжительное, последовательное, уступительное.

Анализ письменного памятника показывает, что наречие на рубеже 19-20 веков образуется и пополняется за счет тех же ресурсов, что и в современном калмыцком языке.

В языке «Хождения» послелог *dergede* использован автором, в различных словоформах, около десяти раз. Этот послелог встречается и в ойратском литературном языке 17 века [Яхонтова, 1996, с. 101]. Следует отметить тот факт, что, по сравнению с современным монгольским языком, в современном калмыцком языке данный послелог не употребляется.

В памятнике наиболее употребительна модальная частица *ži/ žige/ žigen/ žiγan*. Вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajuγu*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица – *ж*.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКА

Одной из важных проблем лингвистического исследования языка любого произведения является вопрос о приемах и методах выражения идеи и направленности сочинения. «Хождение» является публицистическим произведением, где каждое слово несет определенную семантическую нагрузку. В произведениях такого рода аудитория получает своеобразно скомпонованную, прошедшую предварительно через непосредственное восприятие и переработанную идейно-художественным опытом автора-современника информацию. Согласно этому в тексте сочинения используются определенные выразительные средства и лексика, характерные для жанра данного произведения.

Лексико-семантическое своеобразие языка «Хождений» заключается в следующем. Во-первых, являясь произведением «географической» литературы, в нем в огромном количестве изобилуют топонимы, гидронимы, ойконимы, оронимы и т.д., во-вторых, в зависимости от сословной принадлежности автора к буддийской церкви и оттого, что путешествие было осуществлено к буддийским святым местам, произведение богато буддийско-религиозными терминами. По этому поводу справедливо высказывание А. Позднеева о том, что «Бааза-багши пишет преимущественно о буддийских монастырях и кумирнях, о святых местах, мало уделяя внимание описаниям внешнего вида городов, степени их населенности, промышленном и торговом значении, ограничиваясь, порой, простой номенклатурой урочищ».⁴²

В целом произведение написано простым, ясным языком. Основу рассматриваемого нами текстового материала составляют преимущественно нейтральные слова и выражения. Характеризую в общих чертах нейтральную (общеупотребительную) лексику, следует отметить, что в тексте сочинения встречаются слова, которые мы можем назвать

⁴² См. А. Позднеев. Бааза-багши, стр. XII-XIII

общемонгольскими. Соответственно, этот слой нейтральной лексики обеспечивает общедоступность в понимании аудитории.

I. *Общепотребительная лексика*

Весь массив общепотребительных слов, существующий в монгольских языках в течение долгого времени, представляет собой общеизвестные понятия, названия предметов, качеств и т.д. [Бертагаев, 1974]. В произведении представлены следующие терминологические пласты:

1. Термины родства и названия людей по возрасту и полу: *aqa* (64) «старший брат», *kögšin* (9) «старый», *mede:tei küün* (36) «пожилой человек», *döü*(18) «младший брат», *ecege* (34) «отец», *emegen* (89) «старуха, старая женщина», *ere* (44) «мужчина, муж», *gergetei* (35) «совм. п. от *gergen* жена», *köbүүн* (34) «сын, мальчик», *kүүн* (102), *kүн* (88), *kүмүн* (2) «человек», *kүүкүд күүн* (102) «девушки, женщины», *үндүсүлел* (1) «потомок», *öböгөн* (44) «старик», *zaluu ulus* (43) «мужчины».

2. Названия частей тела: *üsün* (18) «волосы», *toloγai* (57) «голова», *köl* (85) «нога», *köliyin tabag* (85) «стопа ноги», *nurγun* (119) «спина», *(nücügүн) beye* (43) «(голое) тело», *cogcayigi* (97) «винит. п. от *cogca* тело», *öböдөг* (43) «колени», *quruγa:n* (43) «свой палец», *eliken* (61) «печень», *yasun maqan* (61) «кости и мышцы», *ce:žiyin yasun* (87) «грудная клетка», *aman* (15) «рот», *bayalcug-tu* (44) «дат. п. от *bayalcug* запястье (руки)», *cusun* (58) «кровь», *γar* (15) «рука», *küzүүн* (84) «шея», *sutasun* (58) «кровеносные сосуды», *motor* (9) «высок. рука, десница», *ölmöi* (120) «высок. стопа».

3. Название стихийных явлений и неживой природы, времен года и частей суток: *šuurγan* (64) «метель, вьюга», *möndör* (64) «град», *balčig* (50) «грязь», *casun* (19) «снег», *uula* (15) «гора», *qada* (22) «скала», *daba:* (15) «перевал», *usun* (19) «вода», *tenggise:r* (118) «творит. п. от *tenggis* море», *tenggeri* (24) «винит. п. от *tengger* небо», *naran* (37) «солнце», *γazar* (4) «земля», *elesün* (64) «песок», *γobi* (17) «пустыня», *qulusun* (51) «камыш», *žil* (1) «год», *qabur* (10) «весна», *namur* (59) «осень», *übül* (111) «зима», *taqa:*

sara (2) «месяц курицы», *mečin sara* (50) «месяц обезьяны», *tuulai sara* (1) «месяц зайца», *qonog* (19) «сутки», *ödör* (5) «день», *erte* (41) «рано», *örle:* (85) «утро», *sö* (6) «ночь», *sö düli* (6) (всю ночь), *asaqan* (3) «вечер».

4. Название обозначающие род деятельности человека: *bagši* (9) «наставник, учитель», *emči* (41) «врач, лекарь», *gereči* (11) «свидетель», *zuučin, zuulčin* (56) «пилигрим, странник», *ula:či* (101) «возничий, ямщик», *üyile:či* (77) «делопроизводитель», *bara: bologčinar* (11) «прислужники», *mayimačin* (76) «купцы, торговцы», *qudulda:či* (21) «продавцы, торговцы», *mörgölčinar* (77) «богомольцы, прихожане, паломники», *qa:lγači* (16) «привратники», *talmaš* (67) «толмач, переводчик».

5. Названия животных, насекомых: *atan teme:n* (49) «холощенный верблюд», *qayidag ingge* (49) «доющая верблюдица, бросившая верблюжонка», *bars* (43) «тигр», *elžige* (111) «осел», *γaqai* (7) «свинья», *aγuursun* (2) «животное», *mal* (19) «домашние животные», *mörin* (4) «лошадь», *qonin* (32) «овца», *sarlag* (43) «сарлык», *ükür* (43) «корова», *luus* (69) «мул», *rongγo buqu görö:sün* (57) «антилопа Оронго», *qulan* (57) «дикая лошдь», *aduun* (43) «табун», *moγui* (36) «змея», *bataγana* (51) «муха», *büküiyine* (51) «комар», *delengči* (51) «мошка».

6. Слова, относящиеся к материальной культуре монгольских народов (названия одежды, материалов, изделий из кожи, утвари, пищи, напитков, злаков и т.д.): *labšig* (34) «халат», *malayui* (34) «шапка», *qubcan* (3) «одежда, вещи», *šalbuur* (15) «штаны, брюки», *išigei* (18) «войлок», *no:sun* (39) «шерсть», *bortoγa* (51) «кожаный сосуд для хранения жидкости», *širin saba* (51) «кожаный сосуд, посуда», *arqad* (51) «1. большой бурдюк; 2. большой деревянный сосуд (для кумыса, айрана)», *utuquur* (51) «кожаное ведро», *bürbe* (51) «кожаная фляжка (небольшой сосуд для молочной водки)», *arisun* (43) «шкура», *ög* (16) «подкладка, подстилка», *emel* (16) «седло», *abdar* (40) «ящик, комод», *cačir* (43) «навес», *buu* (3) «ружье», *tongγorog* (11) «карманный ножик», *žibsag qutuγa* (43) «большой нож, тесак», *buγuu* (44)

«браслет», *qayisun* (99) «котел», *cögöcö* (87) «чарка», *šanaγa* (99) «половник», *qoto qo:l* (28) «еда», *buda:* (12) «затируха, мучной суп», *γuyur* (12) «мука», *toson* (44) «масло», *maqa* (44) «мясо», *zamba* (44) «дзампа, поджаренные зерна, употреблялись вместе с чаем», *šüürümeg* (44) «сушеный творог», *tuturγa* (77) «рис», *zer-zemeš* (64) «овощи», *temesün* (107) «фрукты», *üsün* (44) «молоко», *čigen* (52) «кисломолочный напиток», *ariki* (19) «молочная водка», *cai* (44) «чай», *žulan cai* (62) «байховый чай».

II. «Географическая» лексика⁴³

Как правило, в творческом воображении автора в процессе следования по маршруту выстраивается определенный «предметный мир» жизни страны. Путешественник, вглядываясь в отдельные элементы его, выбирает те из них, которые обладают наибольшей выразительностью, вполне соответствует идейному замыслу произведения, и наиболее полно смогут выразить его содержание. Например, Бааза-багши очень подробно описывает свое путешествие с берегов Волги до Тибета по сравнению с обратной дорогой, о которой он пишет очень кратко, справедливо замечая, что «всякий человек после того, как сумел дойти (до Тибета), не будет иметь трудностей в возможности возвратиться назад».⁴⁴ Содержание произведений жанра путевых записок заключается в показе многообразной, детализированной панорамы социальной действительности, какой ее увидел, понял, оценил и охарактеризовал автор, что предполагает употребление в большом объеме «географической» лексики (топонимов, гидронимов, ойконимов, оронимов, этнонимов и т.д.):

1. Названия населенных пунктов, местности: *Amdo:* (35) «Амдо, название местности», *Alašan* (10) «Алашань, название местности», *Aqaš balyasun* (2) «г. Царицын», *Šartuu ƙo:rod* (2) «г. Саратов», *Bangžan-žing* (26) «Банжан-джинг название местности», *Bayariski* (6) «ст. Боярск», *Berqaniya*

⁴³ А.В. Бадмаев. Лунный свет. Элиста, 2004.

⁴⁴ А.В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы. – Ученые записки КНИИЯЛИ, Элиста, 1973. Выпуск XI. Стр., 46.

Musa:bai (6) «ст. Верхняя Мысовая», *Be:žing* (87) «г. Пекин», *Bodala* (75) «Потала, зимняя резиденция Далай-ламы», *Cayidam* (39) «Цайдам», *Caricin* (118) «г. Царицын», *Gepel uula* (94) «гора Гепел», *Gümbum* (14) «г. Гюмбум», *Irķudski* (6) «г. Иркутск», *Iyebleb* (4) «ст. Евлев», *Kiyagtu* (7) «г. Кяхта», *Küre:* (13) «г. Урга», *Lqasa* (72) «г. Лхаса», *Odisa* (117) «г. Одесса», *Ordos* (24) «Ордос, название местности», *Oros* (65) «Россия», *Piter* (8) «г. Санкт-Петербург», *Perim* (117) «г. Пермь», *Qankuu* (117) «г. Ханку», *Qazan* (3) «г. Казань», *Singya-po:r* (117) «г. Сингапур», *Ķarasnoyar* (5) «г. Красноярск».

2. Названия водных объектов: *Dayitung müren* (26) «р. Дайтунг», *Bayikal dala* (6) «оз. Байкал», *Sösöni yol* (55) «р. Сёсён», *Qabayai ula:n müren* (57) «р. Хабтагай Улан», *Pungda yol* (70) «р. Пунгда», *Pembüü yol* (71) «р. Пембю», *Uu müren* (85) «р. У», *Yangbažan yol* (99) «р. Янгбазан», *Suqatu yol* (18) «р. Сухату», *Kökö nuur* (54) «оз. Кукунор», *Nayiži yol* (72) «р. Найджи», *Ižiliyin yol* (2) «р. Волга», *Tura: yol* (4) «р. Тура», *Buqa yol* (62) «р. Буха», *Ķami yol* (3) «р. Кама», *Irčis müren* (4) «р. Иртыш», *Oob yol* (3) «р. Обь», *Rareng yol* (70) «р. Раренг», *Teng yol* (118) «р. Дон», *Bayan yol* (50) «р. Байн», *Šang dalai* (24) «оз. Шанг», *Müli nuur* (87) «оз. Мюли».

3. Названия народностей, родов (около двадцати): *agilcan* (65) «англичане», *bura:d* (19) «буряты», *balbu* (76) «непальцы», *yolog* (65) «голоки», *qalimag* (51) «калмыки», *kitad* (14) «китайцы», *mongyolcuud* (46) «монголы», *ostiyag* (4) «остяки», *oros* (65) «русские», *ordos* (24) «ордосы», *oyirad* (95) «ойрат», *piling* (65) «англичане», *qalqa* (12) «халха-монголы», *qoton* (22) «хотоны», *qoyiqoi* (36) «хойхой», *tangyad* (28) «тангуты», *töböd* (52) «тибетцы», *dörböd* (48) «дербеты, название одного из ойратских родов», *toryuud* (48) «торгуты, название одного из ойратских родов», *yebropayin* (65) «европейский», *ö:led* (18) «элюты, название одного из ойратских родов», *kači* (73) «качийцы», *mangyad* (31) «татары».

4. Название различных учреждений и объектов: *bangqa* (6) «банк», *tamožin* (117) «таможня», *tarangsaportayin Ķangtortu* (118) «транспортная

контора», *yamun* (15) «ям, ямынь, официальное учреждение», *Zarya yamun* (105) «судебное учреждение», *Oros nutuγai Konsul* (8) «консульство России», *yamun kiyid* (21) «главная ставка», *bayišingγuud* (21) «здания», *ordo* (21) «дворец», *songyogiyin istancan* (26) «телеграф», *ḡostinica-du* (117) «гостиница», *ḡangcan* (95) «учреждение при монастыре», *puuzan* (21) «лавка».

5. Название административно-территориальных единиц: *albatu* (1) «поддатные», *ayil* (21) «поселение», *ayimag* (39) «аймак», *oron γazar* (82) «страна», *oron nutug* (79) «страна, кочевье», *qoṣuun* (19) «хошун», *ḡobereni* (4) «губерня», *Debe ṣung* (64) «Дэбэ-шун, высшее правительственное учреждение Тибета».

6. Сословные названия и титулы (светские): *qa:n* (1) «хан», *Orosiyin qa:n* (117) «Русский царь, император», *Bogdo qa:n* (21) «Богдыхан, правитель Кимая», *qatun* (22) «ханша», *tayizinar* (47) «тайджи, дворяне», *tayiši* (1) «тайши, могольский феодально-чиновничий титул», *yalči ulus* (21) «приказчик», *zaruca ulus* (21) «слуги», *(töböd nutugiyin) qaruulčin ulus* (64) «(тибетские) пограничные стражи», *Bang noyon* (21) «Ван-правитель», *Beyise* (49) «Бэйсэ, 4-й ранг; маньчжуро-китайский титул», *Beyele* (49) «Бэйлэ, 5-й ранг; маньчжуро-китайский титул», *da:mal* (44) «нарядчик, староста».

7. Названия средств передвижения, снаряжения, экипировки, провизии и т.д.: *ači:n* (14) «груз, поклажа», *baḡaži* (4) «багаж», *γal kerem* (3) «пароход», *kerem* (25) «пароход», *mörin poṣitu* (4) «почтовые лошади», *kölgö:n* (7) «средство передвижения, транспорт», *kölösön* (6) «наем», *kübcayin taragta* (6) «купеческий тракт», *mašin* (4) «машина (паровоз)», *paraḡod* (117) «пароход», *pirboz* (5) «паровоз», *prokoni* (5) «прогоны», *qoṣ* (18) «палатка», *asar* (8) «палатка, шатер», *mayiḡan* (12) «палатка, походный шатер», *tarantas* (5) «тарантас», *ula:* (70) «подвода, уртонный транспорт», *una:* (40) «1. верховое животное, верховая лошадь, верблюд; 2. средства передвижения», *qa:layuyin bičig* (7) «дорожное письмо», *ongγoco* (93) «лодка».

8. Меры длины, расстояния, веса, денежных единиц: *söm* (46) «пядь»,

alda (34) «сажень», *aršin* (64), *aršim* (3) «аршин», *duun* (18) «верста», *caγan mönggön* (21) «серебро», *pud* (13) «пуд (равен 16 кг)», *ram-ka* (111) «рамка, денежная единица», *sižir altan* (23) «червонное золото», *zo:s* (25) «дзосу, тибетская денежная единица», *puun* (36) «пун, китайская мелкая денежная единица», *ce:n* (36) «цен, китайская денежная единица; 1 цен=10 пунам», *lang* (8) «лан, мера веса, равная 37,3 г. и денежная единица; 1 лан = 10 ценам».

III. Слова, относящиеся к религиозно-буддийской лексике

Религиозным характером произведения объясняется тот факт, что текст изобилует буддийскими терминами. Их можно разложить на следующие тематические группы: термины, обозначающие общие буддийские понятия; термины, относящиеся к духовенству; термины, относящиеся к буддийскому ритуалу; термины, относящиеся к культовым предметам и термины, относящиеся к архитектуре буддийских храмов и их названия.

1. Термины, обозначающие общие буддийские понятия: *adis* (107) «благословение, от санскр. *Adhichthana* “благословение”», *abural* (10) «спасение, избавление, прибежище», *ayiladugči* (98) «пророк, предсказатель», *burqan* (34) «Будда», *ibe:l* (60) «покровительство, защита», *Lungdun* (1) «булла, пророческое послание Богдо-гегена или Далай-ламы, пророческое писание», *mörgöl* (8) «молебен, религиозный обряд», *süzüg* (1) «вера, набожность», *Šambala* (10) «райская страна», *Šažini* (81) «религия, духовность».

2. Термины, относящиеся к духовенству: *ubuši* (63) «мирянин, принявший духовный обет», *manži* (2) «манжи, низшая степень посвящения», *gecül* (1) «гецул, вторая степень монашеского посвящения (36 обетов)», *gelüng* (1) «гелюнг, высшая степень монашеского посвящения (253 обета)», *bagši* (9) «учитель, наставник», *šabi* (29) «ученик», *quvarag* (28) «ученик, послушник ламы, монах», *blama* (45) «лама», *Bogdo* (22) «преподобный»,

badarči (40) «странствующий монах, сборщик пожертвований», *bara: bologcinar* (78) «прислужники у «высоких лам», *soyibung* (11) «прислужник знатного духовного лица», *yabžu* (9) «звание, которое получает лама, полностью изучивший Цанит», *Gegen* 31 «святейшество», *mörgölčün* (111) «прихожанин», *nirba* (13) «кассир, эконом, ведающий всеми хозяйственными операциями дацан, денежными, вещевыми, продуктовыми приношениями мирян», *qambo* (7) «настоятель храма в Монголии», *Pangcen blama* (2) «Панчен-лама», *Dalai-blama* (46) «Великий лама».

3. Термины, относящиеся к буддийскому ритуалу: *barica* (1) «приношение», *diyan* (47) «созерцание», *Cam* (32) «религиозное представление», *Canid* (95) «Цанит, учение», *yabquu talbiulba* (45) «ритуал благословения на путь», *yarma zed* (69) «угощение», *Qurul* (30) «собрание монахов, молебн», *suryal* (15) «учение», *yörö:l* (59) «благопожелание», *Güsüng tugiyin mangdal* (9) «Гусун-тугский мандал».

4. Термины, относящиеся к культовым предметам и названием учений: *mangdal* (8) «священное блюдо», *zula* (5) «лампадка», *Ayuuqayin cebang* (10) «Аюкайин Цебанг, название религиозного учения», *arša:n* (64) «святой напиток», *Šažai-gün-la* (9) «Шажай-гюн-ла, название религиозного учения», *Ganggi-luuru lung* (9) «Ганги-луури лунг, название религиозного учения», *očir* (9) «скипетр», *Gangžuur* (46) «Ганджур, название религиозного учения», *yušog* (1) «грамота», *Zongkabayin gegenei küür* (85) «прах Цзонкапы», *takil* (86) «обряд жертвоприношения», *Qadan Lqažman* (79) «Гадан Лхазман, название религиозного учения», *qadag* (8) «хадак», *rilu* (9) «рилбу, священные пилюли», *tangqa šüte:n* (11) «танка, священный свиток», *Šüte:n burqan* (103) «статуэтка бурхана», *Baridi qubilγanai yoro:l* (32) «Парита хубилгана йорол, название религиозного учения», *nom* (34) «учение, книга», *obo:* (64) «ова, сопка, где совершается ритуальный обряд», *Dorži žodba* (9) «Доржи Жодва, Алмазная сутра, молитвенник».

5. Термины, относящиеся к названиям буддийских храмов, монастырей и кумирен: *Žarong kašuur suburγan* (9) «субурган Жаронг Кашур», *Daši-*

Lqonbo (112) «Даши Лхунбо, название монастыря», *dacang* (74) «дацан», *kiyid* (97) «монастырь, скит», *Co:қа mican* (95) «Цока мицан, монголоязычная община в монастыре Брайбун», *Duyang* (88) «главный монастырь», *Gomong dacang* (38) «монастырь Гоманг», *süme* (26) «храм», *qurul* (30) «монастырь», *küre:* (13) «хурул, монастырь», *Berebüng* (38) «Брайбун, название одного из крупнейших монастырей Тибета», *Gebiliyin Rito:d kiyid* (96) «Гебилийн Ритод, название монастыря», *Norbo lingқа* (75) «Норбу Линка, летняя резиденция Далай-лама», *ritod* (97) «ритод, место, где сидят в созерцании ламы».

IV. Русские заимствования в тексте памятника

Специальная статья, посвященная иноязычным заимствованиям, была опубликована Э.Ч. Бардаевым, в которой он привел некоторые лексические заимствования санскритского, тюркского, тунгусо-маньчжурского, тибетского, китайского, персидского и русского происхождения [Бардаев, 1983, с. 39].

В исследуемом памятнике старокалмыцкой письменности 19-го века «Хождение в Тибетскую страну малодербетского Бааза-бакши» встречается большое количество заимствованной лексики из русского языка. Более того, как справедливо отметил профессор А.М.Позднеев в предисловии к переводу текста, «в речь астраханских калмыков в настоящую пору привзошло уже не мало русских слов и это не только для выражения чуждых, привнесенных в калмыцкую жизнь, новых, европейских понятий (магазинка, фонарь...), но и для выражения таких имен и понятий, в которых употребленные русские слова, по-видимому, всецело могли быть обозначены соответствующими калмыцкими» [Позднеев, 1897, с. XVII]. Это говорит о поступательном характере влияния русского языка в процессе формирования русско-калмыцких отношений.

Лексика, включающая имена собственные, представлена большим количеством топонимов, например:

1. Название городов и других населенных пунктов: *Bayariski* «Баярск», *Berqaniya Musa:bai* «Верхняя Мусовая», *Irqudski* «Иркутск», *Kirimaski* «Крымск», *Perem* «Пермь», *Rostob* «Ростов», *Sali:ngki* «Солянка (ставка князя Тундута)», *Sagsuun* «Сарепта», *Suryudtu* «в Сургуте», *Qala:či-du* «в Калач, в Калаче», *Qongstangtin-nopul* «Константинополь», *Yečatiring-buurqa* «Екатеринбург», *Suyece* «Суэц», *Qolomba* «Коломбо» (столица Шри-Ланки).

2. Название стран: *Turkayin* «Турция, турецкий», *Singga-po:r* «Сингапур», *Agilcan* «Англия, английский», *Yebropayin* «Европа, европейский», *Töböđ nutug* «Тибетское государство, Тибет», *Oros nutuγ* «Российское государство, Россия».

3. Названия рек и озер: *Bayikal* «оз. Байкал», *Qamiyin* «род. п. от *Qami* р. Кама», *O:b* «р. Обь», *Tura:* «р. Тура».

Нарицательная лексика состоит из следующих групп:

1. Термины социально-административного устройства: *qonsul* «консул», *kübcayin* «род. п. от купец», *giniral* «генерал», *gübirnatar* «губернатор», *aristangta* «арестанты», *tamožin* «таможня», *tarangsaportayin* «транспортная контора», *pošlini* «пошлина», *nomirtu* «гостиничный номер», *istančan* «род. п. от *istanca* станция», *qo:rod* «город», *küüter* «хутор», *dosqaduni* «на доске», *pateriyin ger* «гостиница» (досл. квартирный дом).

2. Обиходно-бытовая и прочая лексика: *aršim* «аршин», *beredangki* «берданка», *cas* «часы», *kirepiči* «кирпич», *kirilece* «крыльцо», *magizingki* «магазинка» (многозарядное ружье), *patolog* «потолок», *paraqod* «пароход», *piristan* «пристань», *yaqa:r* «якорь», *par* «пара», *peš* «печка», *pistul* «пистолет», *cayinig* «чайник», *panar* «фонарь», *qoniyag* «коньяк», *kires* «крест», *za:layin* «род. п. от *za:la* зал».

Так как калмыцкий и русский языки имеют существенные различия между собой, поэтому освоение и адаптация заимствованных слов происходило не сразу, а в течение некоторого промежутка времени. В

частности эти различия выражаются в разном составе фонем, различном произношении близких звуков, в наличии специфических звуковых закономерностей, действующих в обоих языках. Одна из характерных особенностей калмыцкого языка – это закон гармонии гласных, или сингармонизм.

Фонетическая система калмыцкого языка характеризовалась отсутствием в исконных словах фонем [p], [v], [f], анлаутного [r]. Поэтому эти звуки встречаются в основном в заимствованных терминах или на их место подставляются привычные для артикуляции звуки. Процесс субституции является основным законом, сопровождающим вхождение заимствованного слова в калмыцкий язык. Графическое оформление новых звуков происходило посредством графем-галиков или с помощью знаков, обозначающие близкие по звучанию фонемы заимствующего языка. Например, графема-галик «пяф» передает смычный звук [p]. Встречается в анлаутной и инлаутной позициях заимствованных слов: *paraqod* «пароход», *patiriyin* «квартира», *kirepiči* «кирпич», *pistul* «пистолет».

Ударные гласные первых слогов заимствованных слов осваивались как долгие, непоследующих слогов как полудолгие и ясные: *za:liyin* «род. п. от зал», *O:b* «р. Обь», *ko:rod* «город».

Появление протетического гласного в местах скопления согласных, вызванное необходимостью облегчения произношения: *kirepiči* «кирпич», *istančan* «род. п. от станция», *taragta* «тракт», *usutul* «стул».

В написании заимствованных слов наблюдается целый ряд варьирований. Это объясняется тем, что иноязычные слова, поступая в общенародное употребление, имеют варианты произношения. «При этом, - по словам С.В. Гринева, - в основе одних вариантов лежит звуковой образ языка-источника, т.е. имитация иностранного произношения с помощью звуков родного языка, другие варианты основываются на стремлении читать иноязычное слово по правилам родной орфографии» [Гринев, 1987, с. 121]. Например: *ustul / usutul* «стул», *piristan / piristen* «пристань».

Таким образом, приведенные выше примеры графо-фонетического освоения заимствованных слов позволяют заключить, что русскоязычные термины, нашедшие отражение на страницах исследуемого памятника письменности, подверглись серьезным изменениям в соответствии со звуковой системой заимствующего калмыцкого языка.

Выводы

Язык «Хождения» представляет собой целостную и относительно замкнутую структуру, где слова, тесно взаимодействуя друг с другом, приобретают различные дополнительные смысловые и экспрессивно-стилистические оттенки. С точки зрения лексико-семантического своеобразия языка «Хождений», можно выделить три основные терминологические группы: нейтральная лексика, «географическая лексика» и буддийско-религиозная лексика.

Также следует отметить, что автор для обозначения некоторых понятий использует как калмыцкие слова, так и русские заимствования, например: *Caricin - Aqaš* «г. Царицын»; *qoto - balysun - ɣo:rod* «город»; *pirboz - ɣal tergen* «паровоз». Это справедливо отмечает, в предисловии к тексту, профессор А. Позднеев «Бааза-гелюнг совершенно одинаково употребляет калмыцкие и русские» слова. [Позднеев, 1897, с. XVII].

Анализ лексического материала исследуемого памятника позволяет заключить, что на рубеже 19-20 веков в калмыцкий язык уже интенсивно поступает из русского и через русский язык, большое количество заимствованной лексики как устным, так и письменным путем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений в современной монголистике.

В данной работе предпринята попытка подробного исследования литературного памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности оригинального жанра хождений с точки зрения лингвистики и введение в научный оборот новых материалов, которые вскрывают особенности языка определенного исторического периода и конкретной принадлежности. Это позволило проследить развитие старокалмыцкого (ойратского) письменного языка в грамматическом аспекте, уточнить ранее бытовавшие в языке формы, проследить их развитие и преемственность.

Графо-фонетический анализ текста памятника позволяет сделать вывод, что уже к концу 19 столетия живая речь калмыков знала два новых гласных звука – [э:], (восходящая к двое слогу *-ауи-* и дифтонгу *-ai*) и [э], (образованная влиянием гласного [i] непервого слога на гласный [a] предшествующего слога), процесс образования которых обязан перелому гласного [i], начавшийся с середины 18-го века и полностью завершившийся к концу 19-го века. Однако, на письме эти фонемы не имели буквенного оформления.

Можно считать, что к концу 19-го века живое произношение калмыцкого языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [ž], [c] и [č], вне их звукового сочетания с гласной [i], и требовало такого же отражения на письме. И если для обозначения [ž] уже последовательно применяются собственные графемы, то для передачи звука [č] в тексте памятника специальной графемы не наблюдаем.

В общем, система имен языка «Хождений» совпадает с системой современного калмыцкого языка.

Вместе с тем в исследуемом тексте зарегистрированы некоторые особенности. Например, употребление показателя множественности *ниүүд*, который в современном калмыцком обнаруживает себя, как застывшая форма, лишь в нескольких словосочетаниях. Причем в памятнике также зафиксирован сингармонический вариант этого форманта – *nögüüd*, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке 18-го века, так как в письменных памятниках ойратского языка 17-го века «он не имеет сингармонических вариантов».

Сравнительный анализ языка памятника, содержащий разнобой в употреблении показателей падежа принадлежности: – *-yin, -iyin/-ayin/-üyin, -giyin, -i, -ai/-ei,-e:/-a:/-a, a:n/an*, и современного калмыцкого языка, в котором выделяются следующие показатели генитива – *-a,-ə/ -ин,-ын,-гин/ -н*, указывает на то, что письменный язык на рубеже 19-20 веков претерпевает сильное влияние живой речи, где уже произошли существенные изменения. Поэтому автор наряду с традиционным архаичным оформлением родительного падежа, в большей степени отдает предпочтение живым, устным формам.

В исследуемом тексте порядковые числительные образуются с помощью наращивания к основе формантов *-duya:r, -dugči/-dügči*. Важно отметить тот факт, что два последних показателя не зафиксированы в памятниках ойратского письменного языка более раннего периода. Мы предполагаем, что аффикс *-dugči/-dügči* были присущ живому произношению ранее второй половины 18 века. Вероятно, далее, под влиянием разговорной речи он, выступая в роли универсального показателя, постепенно вытесняет из употребления общемонгольский *-duya:r*. Что, в свою очередь, объясняет довольно частое применение в тексте «Хождения» аффикса – *-dugči/-dügči*. Сравнительный анализ показателей порядковых числительных современных монгольских языков подтверждает наше предположение: совр. калм. – *-дгч, (-двар/-двар)*, ойратов Синьцзяня КНР – *-дагчи/-дегчи, -дуһаар/-дүгээр*, совр. монг. – *-дугаар/-дүгээр*, совр. бур. – *-даху/-доху/-дэху*.

Следует отметить, что форма возвратного местоимения *beye* отсутствует в письменных памятниках 17 века, но частично зафиксирована в письмах калмыцких ханов начала 18 века. Более того, в исследуемом памятнике это местоимение имеет уже стройную парадигму склонения.

Большой интерес представляет особенность старописьменного калмыцкого языка, которая отразилась на его современном состоянии, – это редукция гласных непервых слогов. В результате этого процесса фонетическое различие стало стираться, что привело к появлению так называемых каузативных дублетов, например: белдүлх-белдкх «подготавливать, готовить», хоршах-хоршулх «копить, накапливать».

Будущее время изъявительного наклонения в языке «Хождения» выражено формой на – *-qu/-kii*, которая восходит к причастию будущего времени. И если данные письменных памятников 17 века «свидетельствуют» лишь «о тенденции к вербализации» этой причастной формы, то уже данные памятника письменности исследуемого периода обнаруживают ее устойчивое употребление в качестве основного действия.

Рассмотрение устойчивых типов употребления временных форм в языке «Хождения» позволяют сделать вывод о том, что в конце 19 столетия в калмыцком языке уже существовали три основные формы, обладающие категориальным временным значением своего ряда по отношению к моменту речи, такими как одновременность, предшествование и следование. Более того, в определенных условиях контекста выделяются и второстепенные значения внутри этих форм, с дополнительными модальными оттенками.

Группа обстоятельственных деепричастий в исследуемом памятнике представлена следующими формами: условное, целевое, предельное, продолжительное, последовательное, уступительное.

Анализ письменного памятника показывает, что наречие на рубеже 19-20 веков образуется и пополняется за счет тех же ресурсов, что и в современном калмыцком языке.

В языке «Хождения» послелог *dergede* использован автором, в

различных словоформах, около десяти раз. Этот послелог встречается и в ойратском литературном языке 17 века [Яхонтова, 1996, с. 101]. Следует отметить тот факт, что, по сравнению с современным монгольским языком, в современном калмыцком языке данный послелог не употребляется.

В памятнике наиболее употребительна модальная частица *ži/ žige/ žigen/ žiγan*. Вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajuγu*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица – *ж*.

Заметим, что в тексте памятника один раз употреблена отрицательная частица *ülü*. В современном калмыцком языке данная частица отрицания не имеет места. Однако она в формах *ул* и *эл* часто встречается в тексте эпоса «Джангар».

С точки зрения лексико-семантического своеобразия языка «Хождений», можно выделить три основные терминологические группы: нейтральная лексика, «географическая лексика» и буддийско-религиозная лексика. На рубеже 19-20 веков в калмыцкий язык уже интенсивно поступает, из русского и через русский язык, большое количество заимствованной лексики как устным, так и письменным путем.

Язык «Хождения» Бааза Менкеджуева отражает качественно новый этап, характеризующийся сближением фонетических, грамматических, лексических норм литературного языка с живой народной речью, что является закономерностью развития языка конца XIX – начала XX веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов Р.И. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. – М., 1975.
2. Алеева. А.Х. Путешествие Исмагил ага в Индию: (Исслед. Яз. Тат. Путевых записок 18 в. «Исмагил ага сѣхетнамэсе»). – Казань, 1993.
3. Асирова Н.Д. Исследование частей речи в калмыцком языке XVIII века (на материале деловых писем). Канд. дисс. – М., 2002.
4. Бадмаев А.В. Зая-Пандита /Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»/. – Элиста, 1968.
5. Бадмаев А.В. Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. – Элиста, 1971.
6. Бадмаев А.В. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы. – Ученые записки КНИИЯЛИ, Вып. XI, – Элиста, 1973.
7. Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература. Изд. 2-е, испр., дополн. – Элиста, 1984.
8. Бадмаев А.В. Лунный свет. Памятники калмыцкой литературы. XIII – начало XX века. Составление, перевод, предисловия к текстам, словарь А.В. Бадмаева. – Элиста, 1991.
9. Бадмаев А.В. Лунный свет. – Элиста, 2004.
10. Бадмаев Б.Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. – Элиста, 1966.
11. Бадмаев Б.В. Транскрипционные знаки (галики) в памятнике ойратской письменности XVII века «Лунный свет» (Биография Зая-пандиты) // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. тезисы докл. и сообщ. – М., 1989.
12. Бадмаев Б.В. «Сарын герел» - памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ). Канд. дисс. – М., 2001.

13. Бардаев Э.Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголоведные исследования. – Элиста, 1983.
14. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. – Элиста. 1985.
15. Бертагаев Т.А. К генезису падежей в монгольских языках // Краткие сообщения института народов Азии. – М., 1964. № 83.
16. Бертагаев Т.А. Бурятский язык. – Языки народов СССР. Т.V. – Л., 1968.
17. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
18. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). – М., 1974.
19. Биткеев П.Ц. Калмыцкий и ойратский вокализм. АДД. – М., 1981.
20. Биткеев П.Ц. Принципы фонологической реконструкции и система фонем ойратского языка XVII в. // Проблемы монгольской филологии. – Элиста, 1988.
21. Благова Г.Ф. Комбинация аффиксов множественности – исконно алтайская константа или типологический параллелизм? // Проблема общности алтайских языков. – Л., 1971.
22. Благова Г.Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М., 1994.
23. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
24. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев, – М., 2001.
25. Будаев Ц. Б. Из истории русских заимствований в бурятском языке // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969.
26. Виноградов В.В. Русский язык – М., 1972.
27. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. – М., 1986.

28. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. – М., 1989.
29. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – М.-Л., 1934.
30. Гедеева Д.Б. Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII-XVIII вв. Автореф. канд. дисс. – М., 1999.
31. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. – СПб., 1880.
32. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.
33. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М., 1962.
34. Дарбеева А.А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. – М., 1996.
35. Доржиев Д.-Н. Старобурятский язык. Автореф. докт. дисс. – Улан-Удэ, 1994.
36. Дораева Р.П. О формах желательного наклонения калмыцкого глагола и их семантике // Вестник института, № 12. Серия филологии. – Элиста, 1975.
37. Дораева Р.П. Прошедшее результативное время в современном калмыцком языке // Актуальные проблемы калмыцкой филологии. – Элиста, 1979.
38. Дугар-Нимаев. Ц.А. О жанре хождений в бурятской литературе 19 века. – В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. – Элиста, 1974.
39. Жамьян Г. Ясное письмо в сравнительном освещении. Автореф. канд. дисс. – Улан-Батор, 1988.
40. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М., 1976.
41. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М., 1979.
42. Златкин И.Я. Зая-Пандита как политический деятель. – 320 лет

- старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. – Элиста, 1970.
43. Каляев А.Л. Качественные наречия и прилагательные. // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики (Материалы Всесоюзной конференции Элиста, 17-19 мая 1972 г.). – М., 1975.
44. Каляев А.Л. Адъективные имена в монгольских языках // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М., 1976.
45. Каляев А.Л. Стилистика калмыцкого языка. Учебное пособие. – Элиста, 1997.
46. Кара Д. Книги монгольских кочевников. – М., 1972.
47. Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке // Вопросы грамматики языков стран Азии. – Л., 1964.
48. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. – Л., 1968.
49. Кичиков А. Ш. Об оренбургском говоре калмыцкого языка // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. – Элиста, 1962.
50. Кичиков А.Ш. Дербетский говор. Фонетико-морфологическое исследование. – Элиста, 1963.
51. Кичиков А. Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 5. Серия филологи. – Элиста, 1967.
52. Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I-III. – Казань, 1844-1849.
53. Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольских языках // Ученые записки ЛГУ, № 69. Серия филологических наук. Вып. 10. – Л., 1946.
54. Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. – М.-Л., 1923.
55. Козлов П.К. Монголия и Кам. СПб., 1905. Изд. 2-е. – М., 1947.
56. Козлов П.К. В азиатских просторах. – М., 1947.
57. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. – Прага, 1929.
58. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.

59. Кюннер Н.В. Географическое описание Тибета. Вып. 1 и 2. Имя, границы, обзор путешествий. – Владивосток, 1907.
60. Лауфер. Б. Очерк монгольской литературы. Пер. В.А. Казакевича под ред. и с пред. Б.Я. Владимирцова, – Л., 1927
61. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. – М., 1990.
62. Лихачев Д.С. Текстология. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Л., 1983.
63. Лувсанбалдан Х., Бадмаев А.В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан герел» // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. – Элиста, 1970.
64. Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. – М., 1980.
65. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 1 (*Введение; Часть первая: Слово*). – М., 1997
66. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 2 (*Часть вторая: Морфологические значения*). – М., 1998.
67. Михайлов Г.И., Яцковская К.Н. Монгольская литература. Краткий очерк. – М., 1969.
68. Михайлов Г.И. Основные этапы развития калмыцкой литературы дооктябрьского периода // Ученые записки КНИИЯЛИ, Вып. XI, – Элиста, 1973.
69. Монраев М.У. Наречие // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.
70. Монраев М.У. Наречие в современном калмыцком языке. – Элиста, 1985.
71. Монгольско-русский словарь. Под. ред. А.Лувсандэндэва. – М., 1957.
72. Номинханов Ц.-Д. Тибетские и санскритские лексические элементы в калмыцком языке. // Ученые записки КНИИЯЛИ, Вып. V. Серия филологическая. – Элиста, 1967.
73. Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976.

74. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.
75. Орловская М.Н. Язык «Алтан тобчи». – М., 1984.
76. Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках // Проблемы монгольской филологии. – Элиста, 1988.
77. Орловская М.Н. Язык памятников монгольской письменности (XIII-XIV и XVII вв.). Диссертация в форме научного доклада, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1994.
78. Отчет императорского Русского географического общества за 1903 год. – СПб., 1904.
79. Павлов Д.А. К вопросу о создании «Тодо бичиг» // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. – Элиста, 1962.
80. Павлов Д.А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг» // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 7. Серия филологическая. – Элиста, 1969.
81. Павлов Д.А. Зая-Пандита – создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. – Элиста, 1970.
82. Павлов Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. Доклад об опубликованных и выполненных работах по калмыцкому языку и письменности, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата, 1971.
83. Павлов Д.А. Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке // Исследования по восточной филологии. – М., 1974.
84. Павла Дорж Тодо бичиг. – Элст, 1979.
85. Павлов Д.А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. // Сборник научных статей. 2-е изд. – Элиста, 2000.
86. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1934.

87. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2000.
88. Поездка в пределы Западной Монголии, совершенная в 1899 г. зайсангом Малодербетовского улуса Л. Арлуевым и его двумя спутниками. – СПб., 1901.
89. Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ. – СПб., 1892.
90. Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы. Т. III. - Владивосток, 1908.
91. Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь. – СПб., 1911.
92. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – Изд. репринтное – Элиста, 1993.
93. Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. – Казань, 1847.
94. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М.-Л., 1937.
95. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – М., 1950.
96. Пюрбеев Г.Ц. Формы двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики (Материалы Всесоюзной конференции Элиста, 17-19 мая 1972 г.) – Элиста, 1975.
97. Пюрбеев Г.Ц. Согласование в числе как грамматический прием в истории монгольских языков // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации II. Филология. – М., 1987.
98. Пюрбеев Г.Ц. Инфинитные конструкции как объект типологического изучения (На материале монгольского языка) // Вопросы языкознания № 4. – М., 1988.
99. Пюрбеев Г.Ц. Историко-типологический анализ субстантивных словосочетаний с местоименным определением в монгольских языках

- // Исследования по синтаксису монгольских языков. – Улан-Удэ, 1990.
100. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: Культура и язык. Этнолингвистические этюды. – Элиста, 1993.
101. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. – М., 1993.
102. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
103. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982.
104. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 1-10. Под общ. ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. – М., 1983-1987.
105. Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности //Сов. Этнография. 1963. № 1.
106. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. – М-Л., 1940.
107. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. – М., 1953.
108. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М., 1959.
109. Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках // АОГН. XV, 1-3, 1962.
110. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963.
111. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. – М., 1964.
112. Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ, 1977.
113. Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Базабакши., Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. – СПб., 1897.
114. Сусеева Д. А. Об эпистолярном стиле старокалмыцкого письменного языка // Филологические вести. Вып. 1. – Элиста, 1968.
115. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. 2-

- ое издание, переработанное и дополненное. – Элиста, 1997.
116. Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714-1724 гг.) Опыт лингвистического исследования. – Элиста, 2003.
117. Тенишев Э.Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология, №5. – Баку, 1973.
118. Тенишев Э.Р. Язык древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // ВЯ, №2.,1979.
119. Тодаева Б.Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке. – Записки КНИИЯЛИ. Вып. 1. – Элиста, 1960.
120. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты и Китая. М., 1960.
121. Тодаева Б.Х. Послелогои в калмыцком языке. Записки КНИИЯЛИ, Вып. 2 – Элиста, 1962.
122. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. - М., 1985.
123. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста, 2001.
124. Убушаев Н.Н. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. – Элиста, 1970.
125. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. – Элиста, 1979.
126. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. – Элиста, 1994.
127. Харчевникова Р.П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке. Автореферат докторской диссертации. – М., 1996.
128. Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Перевод А.Д. Руднева. (ред. перевода, предисловие и примечания А.Г. Сазыкина).- В кн.: Филологич. исслед. старописьменных памятников. – Элиста, 1987., и в кн.: Проблемы монгольской филологии. – Элиста, 1988.
129. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.

130. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М., 1979.
131. Шевернина З.В. Функционально-семантическое значение модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. – Элиста, 1980.
132. Шмидт Я.И. Монгольская грамматика. – СПб, 1832.
133. Яхонтова Н.С. Ойратский литературный язык XVII в. – М., 1996.
134. Гантогтох Г. Монгол хэлний нутгийн аялгу. – Улаанбаатар, 2002.
135. Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. – Улаанбаатар, 1975.
136. Төмөртоогоо Д. Монгол хэл шинжилэлийн онол, түүхийн асуудалууд. – Улаанбаатар, 2002.
137. Ринчен И. Суффикс – у, ү и его значение // Олон улсын монгол эрдэмтний III их хурал II боть. – Улаанбаатар, 1977.
138. Bese L. Remark on Middle Mongolian Conjugation. – Budapest, 1970.
139. Ramstedt G. J. Kalmuckisches Worterbuch. Helsinki. 1935.
140. Zwick H.A. Grammatik der West-Mongolischen, das ist Oirad oder Kalmückischen Sprache. 1851.